

РС
П 67
К1431453

ПОЭТЫ ВОЛОГОДСКОГО КРАЯ

* * *

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ПОЭТЫ ВОЛОГОДСКОГО КРАЯ

* * *

Хрестоматия
Часть 2

Составитель С.Ю. Баранов

Вологда
«Легия»
2011

УДК 821.161.1(470.12)-1

ББК 84(2Рос-4Вол)-5

П 67

Редакторы:

Г.В. Судаков, д. ф. н., проф. ВГПУ,
О.М. Чернышева, к. ф. н., доц. ВГПУ

Рецензенты:

Л.М. Аринина, к. ф. н., доц. ВГПУ,
Л.В. Широкова, к. ф. н., учитель СОШ № 15 г. Вологды

Поэты Вологодского края: хрестоматия / сост. С.Ю. Баранов –
П67 3-е изд., испр. и доп. – Вологда: Легия, 2011. –

Ч.2. – 366 с.

ISBN 978-5-89791-085-4

УДК 821.161.1(470.12)-1

ББК 84(2Рос-4Вол)-5

ISBN 978-5-89791-085-4

9 785897 910854

© Баранов С.Ю., составление, 2011
© ООО «ИПЦ «Легия», 2011

Федор Берг

* * *

Под серой тучей город мой –
Шумливый, беспокойный –
В последний раз передо мной
Стоит громадой стройной.

Как ненавидел я его,
С его тревогой праздной,
Как я рвался туда, в поля,
От этой жизни грязной –

Туда, где реки уж пошли,
Где, ярко зеленея,
Идет весна – свежа, ясна –
Везде цветами сея...

Как мне хотелось позабыть
Его дворцы, туманы
И сердца бедного едва
Запекшиеся раны!

Но тут же страстно так жилось,
Так много чувств губилось,
И столько любящих сердец
В ответ мне жарко билось...

Как их забыть? А там иных
Похороню, быть может...
И вот, не знаю отчего,
Тоска мне сердце гложет.

Так из тюрьмы идешь – и вдруг
Чего-то жалко станет,
И сердце мрачный свод ее
Потом не раз помянет.

1862

ПРИМЕЧАНИЕ. ...*город мой* – Петербург.

В ПОЛЕ
(Ф. М. Достоевскому)

Дай тебе Боже, родная земля,
Мира, свободы, покою!
Как эти села, как эти поля
Крепко сроднились со мною!

Чудное утро за ночью дождливою!
Серая тень переходит за нивою,
Тучки плывут в синеве –
И широко по траве
Тянется ветер струей благовонною
В рощу зеленую,
Дождичком свежим омытую,
Солнечным светом залитую.

Дай тебе Боже, родная земля,
Дождичка, вёдра в поля,
И сохрани их от града, от голода,
Жара сухого – до позднего холода!..

Бог вам на помощь, христовы работнички!
Глубже вам вспахивать пашенку черную,
Шире косой размахнуться проворною –
Будет большой урожай, –
Град не побьет, саранча не напустится...
Как все кругом зацветет да распустится!
Знай увози-собирай!

В полдень ли жаркий, полуночью ль тихою
Медом потянет от кашки с гречихою,
Станут хлеба, что стена,
И засквозятся, что золото яркое
Стебли сухие на солнышко жаркое,
И зашумят, как волна.

Песни по селам споются веселые,
Стоном застонут телеги тяжелые –
Горы снопов повезут.
Все, чем поля за труды ни поплотятся,
Все на току на сухом умолотится,
Все в закрома покладут...

Дай тебе Боже, родная земля,
Мудрых вождей и великих,
Чтобы не слышали эти поля
Криков проклятия диких,
Чтоб не лилась неповинная кровь,
Слез неутешных не лилось –
Чтоб вековечно святая любовь
В грешных сердцах воцарилась!

1862

ПРИМЕЧАНИЕ. Достоевский Федор Михайлович (1821–1881) – писатель-прозаик и журналист, крупнейший представитель философско-психологического реализма в русской и мировой литературах; автор стихотворения сотрудничал в издававшемся им журнале «Время».

ИЗ В. ГЮГО
(*Contempl., p. 36*)

И говорит она: «Нет, быть неблагодарной
Я не хочу. Чего мне требовать от вас?
Вы не скрываете, как думой лучезарной
Вдруг озарится мгла глубоких ваших глаз...

Я рада, счастием неполным наслаждаясь,
Ведь я же вижу вас и счастлива теперь,
И трепещу, чтоб к нам, стремительно врываясь,
Тревога шумная не отворила дверь.

Я посижу без вас... без ласки, без привета...
В раздумье погляжу, как тень вокруг вас легла,
Как шелестят листки, белеясь в круге света,
И медленно перо упало со стола...

Не нужен тщетный жар любовного огня...
Да, да! Мечты пленият мечтателей унылых –
Все знаю я, – но вспомните меня,
Когда, все думая об ваших книгах милых,

Безмолвно, тихих глаз с страницы не сводя,
Сидите вы – в душе печальной мрак безбрежный...
О, как я счастлива была б, на вас глядя,
Когда б хоть иногда встречала взор ваш нежный!..»

1862

ПРИМЕЧАНИЕ. Перевод стихотворения из поэтического сборника В. Гюго
«Созерцания» («Les Contemplations», 1856).

СМЕРТЬ (M.H. Коптевой)

Мне кажется, что я умру в дороге,
На станции. Глухая будет ночь,
Я не смогу усталость превозмочь
И задремлю тихонько на пороге.
Там в темноте меняют лошадей,
Среди теней и тусклых фонарей
Бубенчиков раздались переливы
И фыркает протяжно конь ленивый...

А ночь темна – без звезд и без лучей.

И снится мне, что я приеду скоро,
Что вот теперь уж кончен скучный путь,
Что будет мне так сладко отдохнуть
Средь тихих слов простого разговора,
Под жаркий треск растопленных печей...

А ночь темна – без звезд и без лучей.

Вот огоньки блеснули мне приветно,
И сердце им забилось ответно,
И хочется туда лететь, бежать
И нового так много рассказать,
И хочется так много мне увидеть,
По-старому любить и ненавидеть
И страстно жить опять среди людей...

А ночь темна – без звезд и без лучей.

Темна, темна! И сердце вдруг упало...
Ну, стоит ли стремиться и желать
И новое все что-то узнавать?
И эта мысль мне мозг застывший сжала:
Как тяжела, упорна и одна,
Как ночь кругом черна и холодна...
Ну, стоит ли? Ведь все одно и то же!

Когда-то был я лучше и моложе,
Мне нравилась вся эта трескотня,
Весь этот блеск так радовал меня!
Ну, а теперь... теперь с меня довольно!
Но отчего ж вдруг сердцу стало больно?

И отчего – все будто холодней
Сырой туман ползет с сырых полей?

Ну, пусть уж так! Пустьтише сердце бьется!
Холодный мрак все шире раздается...

Но хорошо! Вот так бы все лежать!
Не мучиться, не думать, не желать
И мирно спать без снов – покойно, вечно...

И дальше не поеду я, конечно.

1862

ПРИМЕЧАНИЕ. Коптева Мария Николаевна – переводчица, член Знаменской коммуны в Петербурге, организованной писателем В.А. Слепцовым; Берг был связан с ней близкими отношениями и после ее трагической гибели с 1864 г. прекратил писать стихи. Коптевой также посвящен роман Берга «Закоулок» (1863).

* * *

И плеск, и блеск речной волны,
Туманы, тени ночи синей,
Благоухания весны
Над зеленеющей пустыней
Лугов и свежих озимей,
Весь этот трепет, щебетанье,
Вся эта яркость и блестанье
Сквозистых рощ, небес, полей,
Что светлой, полной жизнью дышат,
И голосов несметных хор...

Привычный слух, спокойный взор
Их мало видит, мало слышит.

Но если в душных городах
Все это вспомнишь в день туманный
На людных, смрадных площадях,
Под гул тревоги неустанной, –
Широко, полно дышит грудь,
Вольнее хочется вздохнуть...
И вот сверкнула даль немая,
Звенит, щебечет впереди –

Весна цветет, благоухая,
В твоей взволнованной груди...

1862

ЗАЙКА

Заинька у елочки попрыгивает,
Лапочкой об лапку поколачивает.

«Экие морозцы, прости Господи, стоят,
Елочки от холоду под инем трещат;

Елочки от холоду потрескивают,
Лапочки от холоду совсем свело.

Вот кабы мне, зайке, мужичонком быть,
Вот кабы мне, зайке, да в лаптях ходить,

Жить бы мне да греться бы в избушечке
Со своей хозяюшкою серенькой.

Нынче мужички-то хорошо живут,
Нынче мужичкам-то эту волюшку дают,

Волюшку-свободу, волю вольную,
Что на все иди четыре стороны:

На одну-то сторону напросишься,
На другую сторону намолишься...

Вот кабы мне, зайке, мужичонком быть,
Вот кабы мне, зайке, да в лаптях ходить,

Пироги бы есть да все с капусткою,
Пироги бы с сладкою морковкою,

На полатях зимушку пролеживать,
По морозцу в саночках покатывать!..»

1862

ИЗ СТИХОТВОРЕНИЯ «В ТЮРЬМЕ»

Вон башни там по берегам
Виденьями стоят;
Вон по стенам, склонен к волнам,
Орудий черный ряд.

Там над землей туман сырой
И день и ночь стоит,
Там ветра вой и волн прибой
В недвижимый гранит.

Лиши – редкий миг – раздастся крик
Угрюмых часовых
Да слышен крик, зловещ и дик,
Бессонных птиц ночных,

Да слышен стон – протяжен он
И тоже страшен, дик, –
Как смертный сон, подземный стон,
Глухой, протяжный крик...

Но все собой туман сырой
Покрыл со всех сторон,
Но ветра вой и волн прибой
Глушит подземный стон...

1862

ПТИЦЫ

Из-за моря птицы прилетели,
Прилетели, в роще толковали.

«Эх, житье теперь нам, серым птицам,
Серым птицам, коршунам хохлатым;

Эх, житье теперь нам, черным птицам,
Черным птицам, воронам крылатым,

Что земля, как горькими слезами,
Залилася кровью человечьей».

Говорит им древний, старый ворон,
Говорит им, серым-черным птицам:

«Я сто лет поён людской рудою,
Я сто лет кормлён людскою плотью.

По земле и прежде было дела,
Вороньям и прежде было пиру;

Палачи ли топоры точили,
По курганам все столбы взводили,

На столбах на тех качались люди,
Не охотой-волею качались,

А качал их ветер полуночный –
Полуночный, издали залетный».

Из-за моря птицы прилетали,
Прилетали, в роще толковали:

«Эх, беда теперь нам, бедным птицам,
Бедным птицам, лебедям залетным;

Эх, беда теперь нам, смирным птицам,
Смирным птицам, утицам залетным,

На земле житья совсем не стало
Птице смирной, птице перелетной.

Полетим мы, птицы, на болота,
На болота, дальние озера;

В камышах повьем мы, птицы, гнезды,
В камышах, в туманах непроглядных;

Будем, птицы, плавать по затишьям,
По затишьям, по озерам тихим;

Повыводим, птицы, деток малых,
Лебедята да утяток серых;

Пролетим мы, птицы, над полями,
Над полями, хлебными полями,

Проживем мы, птицы, за людями,
За людями, сельскими людями».

Из-за моря птицы прилетали,
Прилетали, в роще толковали...

1862

ГРЕЗЫ И ПЕСНИ

Не отнимут люди, не отнимут –
Грезы, песня будут вечно с нами;
И за что бы ни стали люди биться,
Грезы, песня будут вечно с нами
В сердце нашем глубоко таиться.
Те, что насмеялись, те, что гнали,
И у них ведь сердце грезой бьется –
Иль они ни разу в жизнь не знали,
Как от счастья всей душой поется?

Вот века проходят за веками,
Все, быть может, позабудут люди,

Чем гордились, что творили сами –
Грезы с песней будут вечно с нами
Глубоко таиться в каждой груди.
Да и есть ли что у вас отрадней,
Есть ли что светлее и чудесней?
Все пройдет своею чередою,
Только вечно будет над землею
Царство грез и песней!

1863

ЗАГАДКА

Ночь; сердито ходят волны;
В море дует ветер крепкий,
Море пенится и челны
Раскидало, точно щепки.

Кто-то сумрачный подходит,
Как скала между скалами,
Стал у моря и заводит
Разговор с его волнами:

«Разреши мне тайну, море,
Тайну стольких поколений,
Всех голов премудрых горе,
Узел гордиев сомнений:

Разреши мне, что такое
Блещет, искрится над нами
Там, где небо голубое
С лучезарными звездами?

Разреши, зачем, откуда
Я, рожденный на мгновенье?
И куда пойду отсюда?
И отколь мое сомненье?»

Волны ходят, с ветром споря;
В мрак и ночь земля одета,
А чудак стоит у моря,
Дожидается ответа...

1863

ПРИМЕЧАНИЕ. Узел *городьев* — сложный, запутанный вопрос, трудная задача.

СОЛДАТИКИ

Заиграло солнышко на касках, на штыках,
Сбоку офицерики гарцуют на конях.

Идут, идут с песнями, рядами — погляди:
Машет-пляшет, прыгает вприсядку впереди.

Тugo барабанчики позвякивают враз,
Песенка солдатская закатом полилась.

Песенка солдатская, громка и далека,
По полю помчалася до синего леска.

С бубнами, с трезвонами солдатики поют...
В роще всполохнулися — не нас ли бить идут?

С криком галки черные поднялись на улет,
Хмурый волк потупился, опушкою идет.

Серый зайка выскочил овсами наутек,
Пташки позабились в тенистый островок...

Ты не бойся, пташенька, не бойся, серый волк —
Дальными дорогами уходит царский полк.

Там палят из пушечек, кораблики бегут,
Саблями да пулями изводят божий люд.

Кровью там все полито, телами постлано!
Очень, братцы, дело то пред Господом грешно!

«Кинул, мой сердечненький, меня ты на кого,
Как останусь, горькая, без мужа своего?

Буду я, сердечненький, тебя все поджидать,
Буду под окошечком я плакать, горевать...»

– Полно! Под окошечко ты плакать не пойдешь,
Друга-то сердечного сподручнее найдешь.

Ночью повенчаетесь без батьки, без креста
Около зеленого ракитова куста.

1863

ПРИМЕЧАНИЯ. Закатом – здесь: широко. ...без батьки – здесь: без священника.

ОСОБАЯ ГРАММАТИКА

Мерцая, далекие звезды
Тоскливо глядят с высоты;
Я ими любуюсь: как много
Божественной в них красоты!

Глядят и ведут разговоры,
Каких ни один филолог,
Во всех языках умудренный,
Вовеки постигнуть не мог.

Лишь я разгадал их и понял
Те томные речи любви:
Грамматикой, милая, были
Мне ясные очи твои!

1863

Григорий Историков

ГРЯЗОВЕЦ

Куда твой взор, Екатерина, не проник!
Ты из всех цариц едина
Свой взор устремила всюду,
В страну непроходимых мест...
Ты в дальнем севере узрела...
Где несчетная верста,
Где большие перелески,
Ехать с маятой всегда,
Где разбойников набеги,
Там явились города.
Из ничтожного села,
Меж лесу и болот,
Среди низеньких избушек
Тут Грязовец наш возник.
Где пристанище разбоя,
Теперь стало место для суда.
К Екатерине мысленно взирая,
Благодарны будем завсегда.

ПРИМЕЧАНИЕ. Екатерина – русская императрица Екатерина II; в пору ее правления, в 1780 г., торговое село Грязлевицы было переименовано в город Грязовец.

СИДЕЛ Я НА КРЫШЕ

Сидел я на крыше
В деревне своей;
Глядел к небу выше,
Любуюсь красотой.

Я видел: свет яркий
От солнца сиял,
И круг над ним белый
Лучи испускал.

И слышал: листочки
Шумят на кустах,
И в поле цветочки
Цветут меж травы.

И птицы порхают
С куста на кусток,
Хвалу возвещают
В один голосок.

Скотинка ходила
В долине моей,
Река серебрила
Златою струей.

И рыбка плыла
В реке по волнам,
Скотинка гуляла
По чистым лугам.

Пастух со свирелью
Сидел близ песку,
Веселил нежной песнью,
Разгонял грусть-тоску.

Девицы ходили
И рвали цветки,
Прекрасно играли,
Плели там венки.

Ребятишки играли
На улице вдоль,

Костишки сбивали
И клали их в подол.

С ребятками няньки
Сидят близ пруда,
Играют малютки,
Где плещет вода.

И птицы в садах
Прекрасно поют,
И куры в полях
Ячменьку клюют.

Пастух в рог играет:
Ставайте, пора --
И скот выгоняет
Долой со двора.

Сбирает скотину
С трудом пастушок:
Ну! в поле – в долину,
Играет во рожок.

Вверху, всех выше,
Жаворонок пел,
А я все на крыше
На природу глядел.

Александр Кун

БЛАГОВЕЩЕНИЕ

Пречистая Дева сидела одна,
Священную книгу читая,
В нее углубилась всем сердцем она,
Вечерней порой размышляя
О Боге Предвечном... Архангел пред ней
Явился, блистая красою,
С небес он принес весть нежданную ей:
«Господь пребывает с Тобою,
Ты миру небес мир земной возвратишь.
О, тайна спасенья земного!
С созданьем Творца Ты его примериши,
Родя Воплощенное Слово».

Пречистая, речи такой изумясь,
Смиренно ему отвечала:
«Неможно случиться тому на сей раз:
Я мужа доселе не знала».

– От Духа Святого, – Архангел сказал, –
Зачнешь Ты младенца святого,
В Тебе Саваоф всей земле даровал
Прощенье греха рокового. –
И Дева, смиленно взглянув на него,
Сказала, поникнув главою:
«Раба я Господня, да будет Его
Премудрая власть надо мною».

ПРИМЕЧАНИЯ. Произведение является поэтическим переложением евангельского сюжета: «В шестый же месяц послан был Архангел Гавриил от Бога в город Галилейский, называемый Назарет, к Деве, обрученной мужу, именем Иосифу, из дома Давидова; имя же Деве: Мария. Ангел, вошед к Ней, сказал: радуйся, Благодатная! Господь с Тобою; благословенна Ты между женами. Она же, уви-

девши его, смущалась от слов его и размышляла, что бы это было за приветствие. И сказал Ей Ангел: не бойся, Мария, ибо Ты обрела благодать у Бога; и вот, зачнешь во чреве, и родишь Сына, и наречешь Ему имя: Иисус; Он будет велик и наречется Сыном Всевышнего; и даст Ему Господь Бог престол Давида, отца Его; и будет царствовать над домом Иакова вовеки, и царству Его не будет конца. Мария же сказала Ангелу: как будет это, когда Я мужа не знаю? Ангел сказал Ей в ответ: Дух Святый найдет на Тебя, и сила Всевышнего осенит Тебя; потому и рождаемое Святое наречется Сыном Божиим <...> ибо у Бога не останется бессильным никакое слово. Тогда Мария сказала: се, раба Господня; да будет Мне по слову твоему. И отошел от Нее Ангел» (Евангелие от Луки, гл. 1, ст. 26–38). *Саваоф* – одно из имен Бога в Ветхом Завете. ...*Прощенье греха рокового* – прощенье первородного греха, совершенного Адамом (преступление заповеди Божией не есть плодов с дерева познания добра и зла).

ПЕРЕЛОЖЕНИЕ 7 ГЛАВЫ ПОСЛАНИЯ СВ. АПОСТОЛА ПАВЛА К РИМЛЯНАМ

Жестокую войну веду я, Боже мой,
Двух находя в себе людей различных.
Один желает мне, чтоб с детской простотой
Душа моя Тебе вверялась безгранично.
Другой, наперекор закону Твоему,
Старается, чтоб я покорен был -- ему.
Один, небесною премудростью владея,
Желает, чтоб, вполне предавшись небесам
И пред Создателем моим благоговея,
Земное все покинул я, как хлам.
Другой, над миром власть огромную имея,
Пригнув меня к земле, из рук не выпускает
И в бездну адскую с собою увлекает.
Увы! Всегда в борьбе с самим собой
Где я найду души моей покой?
Мне силы воли недостанет
Желанья сердца исполнять,
И ближний не добром, но злом меня помянет,
Чего во всю я жизнь стараюсь избегать.
О, милосердие! Владей моей душою
И, действуя насилием небольшим,
Заставь меня, теперь несходного с Тобою,
Покорным быть рабом Твоим.

23 МАЯ 1872 ГОДА

В Вас не видал я превосходства,
Знакомства с Вами – не искал
И Ваших мыслей благородство
Сегодня в первый раз узнал;

На Вас давно мое вниманье,
Мой верный друг, остановил,
Но Вашим сердцем обладанье
Я лишь сегодня оценил;

Гонимой женщины защита
Вас разъяснила мне вполне,
В Вас то сегодня мной открыто,
Что я мечтал найти в жене;

В беседе с глаза на глаз с Вами
Всю благость я Творца познал:
Я низок, побежден страстями –
Он в Вас мне ангела послал...

И не страшна судьбины злоба
С тобою мне, хранитель мой:
Люби иль не люби – до гроба
Я буду раб покорный твой.

Хоть мы – не вместе, но встречаю
Я утром взор небесный твой,
И засыпая повторяю:
Склонись ко мне, друг нежный мой!

А в сердце той порой взываю:
Храни ее, Творец благой!

АРИЯ КОКЕТКИ

Силой прелестей моих,
Страстью взоров огневых
Целый мир здесь поражен,
Я – гроза ревнивых жен,
Ропот их и гнев бессильный
Мне и жалок и смешон:
Он не страшен мне ничуть –
Стоит только мне взглянуть,
Чтоб в доверчивое сердце
Искру ревности вдохнуть,
Мне не труден этот путь,
Да, не труден этот путь!
Цели я достичь сумела:
Князь теперь – у ног моих,
Власть ничья бы не успела
Отгорвать его от них.
Я – довольна, что ж за дело
Мне до счаствия других?

К Н. П. Б.

В вас встретил я судьбы моей определенье
И понял, что без Вас и трех дней мне не жить,
За вас готов идти на смерть, на преступленье,
Чтобы Ваш нежный взор хоть пыткой заслужить.
До Вас не испытал любви я безмятежной –
Так бурно протекла, увы, вся жизнь моя,
И вот, чуждаясь привязанности нежной,
Не человеком стал, а лютым зверем я.
Вы видели меня, когда я в исступленье,
Не уважая прав ни неба, ни земли,
Как истый душегуб, пошел на преступленье,
Но Вы предстали мне, и Вы меня спасли.
Ведите же меня путем, каким хотите,
За Вами, как дитя, покорно я пойду –

Любите лишь меня, взываю к Вам, любите:
Без Вас я, как червяк, навеки пропаду.

ПРИМЕЧАНИЕ. Адресат стихотворения не установлен.

* * *

Беда всем нам от баб: они нас допекают
Всю жизнь и многое нам горе причиняют;
В мир зло и грех пришли за ними прямо вслед,
Ей-ей, не будь в нем баб, так не было бы и бед.
Мы с детства своего к ним в руки попадаем
И более всего от нянюшек страдаем,
Преображающих неопытных детей
В орудие души испорченной своей.
Потом, вступая в свет, мы бездну баб встречаем,
Лелея молодых, мы старых избегаем,
Но в юных яд кипит под пышной красотой,
А в старых черт сидит мод маскою святой.
В том горе главное, что сами всё мы знаем
И волей в сети к ним, как мухи, попадаем,
И муж обманутый, подобно псу, спешит
Ту ж руку облизать, которой вечно бит.

Митрофан Лавров

ПЕВЦУ

Зачем замолк певец родной?
Иль больше песен нет уж в мире?
Зачем смолк голос громовой
И струны порваны на лире?

Воспрянь, певец! Твой чудный глас
Зажжет сердца... в твоем народе
Еще не весь огонь погас.
Так пой нам песню о свободе!

Буди родных богатырей...
И верь, на голос твой любимый
Они придут с своих полей,
Ты только пой, певец родимый!

РАССВЕТ

Гаснут и гаснут далекие звездочки;
Ветер проснулся, пахнул,
Тронул он елей вершины уснувшие,
В поле туман колыхнул.

Что-то шепнул он цветам наклонившимся,
Травку и птиц разбудил,
Речки спокойной поверхность зеркальную
Зыбью сребристой покрыл.

Выше, все выше туман поднимается;
Светел, отраден, могуч,
В море тумана кой-где пробивается
Солнца желанного луч.

ВДАЛИ

Полусвет... полутьма... уж давно
Тишина воцарилась ночная;
Сквозь акацию белую шлет мне в окно
Бледный луч свой луна золотая.

И такую же ночь, но в стране, мне родной,
Я припомнил с тоскою глубокой,
Я припомнил ту ночь, ночь прощанья с тобой,
Милый друг мой, но друг мой далекий!

Так же месяц светил, как теперь, и цветы
Аромат свой несли нам порою;
Тихо, чудно вокруг нас все было, а мы...
Мы надолго прощались с тобою.

ЗИМОЮ

Точно саваном одетая,
Ты покрыта снегом вся;
Чудным солнцем не согретая,
Спишь ты, родина моя!

А давно ль здесь благодатная
Жизнь во всем видна была?
Эта ширь, ширь необъятная,
Волновалась и жила.

Богатырь-лес густолиственный,
То с грозой он в бой вступал,
То в прохладу, в мрак таинственный,
Тихо, дружески он звал.

И неслась здесь многоводная
Ширь – река, шум, жизнь кругом...
А теперь зима холодная
Все покрыла снегом, льдом.

Мрак, молчание могильное
Здесь царят теперь везде.
Что-то чуется бессильное,
Моя родина, в тебе!

КРЕСТЬЯНСКОЙ ЖЕНЩИНЕ

О хлебе вечная забота,
Уход за домом, за семьей,
И непосильная работа
В мертвящий холод, в летний зной.

Побои мужа, голод, слезы,
В семье и горе и разлад,
И часто, часто жизни грозы
Над бедной женщиной гремят.

Покоя, ласк она не знает,
В них отказалася судьба;
Она живет, молчит, страдает,
Как безответная раба.

Летят года... угасла сила,
Она больна и смерти ждет,
И вот холодная могила
Покой желанный ей дает.

МОЕЙ СОБАКЕ

Поди ко мне, мой верный пес,
Поди скорей! Но что с тобою?

Ты все грустишь, и капли слез
Блестят в глазах твоих порою.

Развеселись, мой друг, сейчас!
Но ты угрюм, товарищ милый,
Ты, не сводя прекрасных глаз,
Глядишь в глаза мои уныло.

Не показалось ли тебе,
Что дружбой нашей я играю?
Что прежней страсти нет во мне,
Что реже я тебя ласкаю?

Нет, верный мой, все тот же я!
В моих словах нет лжи презренной,
И я по-прежнему тебя
Люблю, товарищ неизменной!

Ты дорог мне, и все сильней
К тебе я, друг мой, привыкаю;
На дружбу щаткую людей
Твоей любви я не сменяю.

Не оттого ль твой грустен взор,
Что мы давно нейдем с тобою
В тенистый лес, в степной простор,
Где пахнет скошенной травою?

Пожди! Заблещет свод небес,
Река, как море, разольется,
И зашумит заветный лес,
И песнь над полем пронесется,

Зазеленеют выси гор,
Пахнет теплом, пахнет весною,
Тогда в леса, в степной простор,
Уйду я, верный мой, с тобою!

Ну, дай мне лапку! Гоп!.. На грудь,
На грудь ко мне! Зимы унылой
Ты дни тяжелые забудь
И знай: весна идет, мой милый!

ПРОРОК

Из края в край земного мира,
Неся свой крест, он твердо шел,
И против ложных сил кумира
Гремел, как гром, его глагол.

Он звал уснувших к пробуждению,
Обман и лесть он обличал,
И злых, и мстящих к всепрощению
Глагол пророка призывал.

Холодных к общему страданью,
В грехах погрызнувших, в крови.
Он звал к святому покаянию,
На подвиг правды и любви.

Он говорил: «За зло расплату
Забудь, прощай врагам своим
И верь: дающим милость брату
Простится многое самим.

Народ, во тьме, в грехах живущий,
Спаси от мук себя! Внемли!
Ведь, может, близко Он, грядущий
Судить деяния земли».

Дрожа за мрак, покой блаженный,
В порывах гнева своего,
Безумцы с криком: «Прочь, презренный!»
Бросали камнями в него.

«Не надо нам твоих учений,
Оставь нам грех и наш порок! –
Кричал народ. – В свой мир лишений
Иди от нас, смешной пророк!»

И тихо, полный скорби жгучей,
Он путь свой трудный продолжал,
И вновь глагол его могучий
К любви и к свету призывал.

ПРИМЕЧАНИЯ. Тематически и образно стихотворение перекликается с одногодичным произведением М.Ю. Лермонтова. ...против ложных сил кумира – против заблуждений, владеющих человечеством. ...Он, грядущий Судить деяния земли. – Иисус Христос.

ЗАВЕТ ОТЦА

Мой сын, богатый знанием, силой,
Вступаешь в жизнь ты, в море бед;
Возьми мой крест и с ним, мой милый,
Прими последний мой завет!
Одно ты, друг, найдешь в завете –
Теперь и в будущие дни, –
Что благо высшее на свете
Есть совесть чистая. Храни,
Храни ее, как дар небесный!
Не лги, на зло не увлекай,
И лишь пред тем, что светло, честно,
Свою ты голову склоняй!

* * *

За мир принял смерть, Безгрешный,
Когда бы на землю Ты пришел,
То в этом мире тьмы кромешной
Голгофу бы новую нашел!
И за призыв Твой к правде вечной,
К святой любви, как в оны дни,

Народ преступный, бессердечный
Кричал бы в бешенстве: «Распни!..»
Мир гибнет вновь, грехов так много,
Что страшно думать, страшно жить...
Приди, Святой, в величье Бога,
Но не прощать приди – судить!

ПРИМЕЧАНИЯ. *Безгрешный* – Иисус Христос. *Голгофа* – холм, на котором Иисус был распят. ...*Народ преступный, бессердечный Кричал бы в бешенстве: «Распни!..»* – В Священном Писании повествуется о том, как народ, вопреки намерению Пилата отпустить арестованного Иисуса, требовал его казни: «Пилат <...> сказал им: какое же зло сделал Он? я ничего достойного смерти не нашел в Нем; итак, наказав Его, отпушу. Но они продолжали с великим криком требовать, чтобы он был распят; и превозмог крик их и первосвященников. И Пилат решил быть по прошению их» (Евангелие от Луки, гл. 23, ст. 20–24).

ПЕРЕД ПАМЯТНИКОМ М.С. ЩЕПКИНА

На службу чудного искусства
Ты ум и душу отдавал,
И гений твой святые чувства
Половека в людях пробуждал.

В избе рожденный и в неволе,
В приюте горя, нищеты,
Еще ребенком к чудной воле,
К труду, к искусству рвался ты.

Немало лет, среди лишений,
Ты жаждал света и страдал...
Прошли года – твой мощный гений
Тебя вознес на пьедестал.

Артист, художник вдохновенный!
Ты тьму стремился победить
И в дело с верой неизменной
Учил прекрасное любить.

Нередко в храм твой, храм прекрасный,
Убитый горем приходил,
И от тебя с душою ясной
Он обновленным уходил.

Он уходил, забыв мученье,
С надеждой, с силою в груди,
С душой, готовой дать прощенье,
С душою, полною любви...

Всю жизнь свою ты, до могилы,
Из мрака к свету звал людей
И отдавал свои все силы
На благо родины своей.

За труд твой должным воздавая,
Тобой гордясь, тебя любя,
Венчает родина святая
Венком бессмертия тебя!..

ПРИМЕЧАНИЯ. Щепкин Михаил Семенович (1788–1863) – выдающийся актер, реформатор русского театра, блестящий исполнитель ролей в спектаклях по пьесам классического репертуара («Горе от ума» А.С. Грибоедова, «Ревизор» Н.В. Гоголя, «Свадьба Кречинского» А.В. Сухово-Кобылина, «Венецианский купец» В. Шекспира, «Скупой» Ж.-Б. Мольера и др.). Стихотворение было прочитано автором 9 мая 1895 г. при открытии памятника М.С. Щепкину в г. Суджа, где актер начинал свой творческий путь в домашних спектаклях графа Волкенштейна. *В избе рожденный и в неволе* – Щепкин был сыном крепостного крестьянина.

НА ТЯГЕ

Как вечер тих! Глубокой тишиною
Объято все... ни ветра нет, ни туч,
И далеко огнистой полосою
Прорезал лес заката яркий луч.
Но гаснет он... Заметно потемнели
Поля и лес. И вот в последний раз
Тот луч в ветвях давно уснувшей ели
Скользнул на миг, вспыхнул и погас.

Какая тиши! Дремотой безмятежной
Охвачен лес, и только под горой
Волна ручья о чем-то шепот нежный
Ведет с своей подругою волной.
Я здесь один; здесь все кругом приветно.
Леса и тиши, грядущая весна
Живят меня, и сходит незаметно
На душу мне святая тишина.
Природа-мать! Привет твой и обятия
Дают покой; в измученной груди
Стихают гнев и недругам проклятья,
Стихает боль обманутой любви.

Приди сюда, кто изнемог душою,
Кто вышел в жизнь с надеждой дорогой –
Служить добру, но смехом и враждою
Наказан был за подвиг смелый свой!
Приди сюда, кто нежно и глубоко
Умел любить подругу всей душой,
Кто верил ей, но низко и жестоко
Обманут был изменницею злой!
Приди сюда, кто молча нес несчастье,
Кто при толпе от горя не рыдал
И за обман, разбивший веру в счастье,
Не мог простить, не мог и не прощал;
Кто свой кумир, сказав в сознанье строгом,
Что он есть ложь, рукой своею мог
Разбить в куски, и для кого уж богом
Не мог быть вновь разбитый прежний бог!
Придите все, кто терпит и терпели,
Кто жертвой стал в угоду злой судьбе,
Кто шел к благой, прекрасной, светлой цели
И пал со злом, с неправдою в борьбе,
Кто изнемог от горя и мученья,
Кого клянут, кто терпит и молчит,
Придите все, кто ищет утешенья, –
И вашу боль природа исцелит!

Но вот мелькнул... то вальдшнеп! Я дождался...
Я взвел курки; я жду... я долго ждал...
Вот он летит... вот близко... Испугался...
Вот взял левей – за сосны – и пропал.
Я снова жду; вокруг меня темнеет,
Но бросить лес нет просто сил во мне:
Приволье, тишина... теплом и негой веет,
И шепчет все о счастье, о весне.
Но вот опять в ветвях берез мелькнуло...
Да, это он! Как прям его полет!
Я взял на цель – но сердце мне шепнуло:
Он хочет жить. Да, правда! Пусть живет!
Пора домой. Поля и лес уж спали,
И я побрел... Светила мне луна –
И душу мне отрадой наполняли
И лес, и тишина, и чудная весна.

НА РОДИНЕ

Красоты пышные чужбины,
Роскошный юг, вас видел я;
Но ваши чудные картины
Уврачевали ли меня?

Я видел горы снежные,
Я видел пышные леса,
И, в дивном блеске, голубые
Я видел юга небеса.

Я видел Грузии долины,
Я слышал грохот горных рек,
Я видел мрачные картины
Дарьяла страшного, Казбек.

Не раз один я видел море
С его затишьем и грозой.

И что ж? Везде тоска и горе
Гнались, как тень моя, за мной.

Но вот родной страны картины
Встают все ближе, все ясней,
Вот избы ветхие, овины,
Вот ширь родных моих полей!

И нет тоски. Здесь все мне мило,
Как мил свиданья поцелуй,
Все в сердце радость пробудило.
Отчизна милая, врачуй!

ПРИМЕЧАНИЯ. *Дарьяд* – ущелье в долине реки Терек на Кавказе. *Казбек* – вершина в центральной части Большого Кавказа (высота ее 5033 м).

Павел Засодимский

ПИСК КОМАРА

Ребенком он в саду играл
С сестрой своей, веночки вил.
Смеялся, бегал и шалил:
То пел, то бабочек гонял...
А музыкант-комар назойливо пищал.

За книгой в школе он сидит.
Учитель скоро будет в класс,
Зубрит бедняжка: *elephas*,
Уделы русские долбит...
А над ухом комар пищит.

Но вот он юношескою стал
И полюбил он в первый раз.
О, скоро ль ночь, свиданья час!..
И все он об одном мечтал.
Комар по-прежнему пищал.

Он возмужал; писать он стал:
Добиться славы вздумал он!
Добился – все прошло, как сон,
И грустно он рукой махал,
Когда комар над ним пищал.

Прошли года. Он старцем стал;
Мечты исчезли, все прошло –
Все злое время унесло.
Всем недовольный, он ворчал...
А музыкант-комар пищал.

И бледный он в гробу лежал,
Хор «память вечную» гласил,
И дьякон ладаном курил.
Он не слыхал и не видал...
А все комар над ним пищал.

ПРИМЕЧАНИЯ. Впервые было опубликовано под псевдонимом «Горацио». *Elephas* – слон (греч.); в данном случае обозначает занятия греческим языком. *Уделы русские* – здесь: исторические сведения о русских удельных княжествах (XII–XVI вв.).

СВИДАНЬЕ

Знакомый шепот под окном,
Тенистые аллеи,
Осенний день и поздний час,
И смутный рой видений...

Вот старый дом, и там она...
Все радости свиданья!
И сердце бьется веселей
В груди от ожиданья.

Как птичка легкая, мила –
Встречается со мною...
Берет за руку и ведет,
Ведет в свои покои.

Не видим, как часы летят,
А речь все льется-льется...
И месяц скатится за лес,
И солнышко зажжется.

Пора, пора! Прощай, мой друг!
Будь весел! До свиданья!..
А там... у ивы под окном
И поцелуй прощанья.

ПРИМЕЧАНИЕ. Впервые было опубликовано под псевдонимом «Горацио».

БЫЛО – ПРОШЛО

Я помню веселые, славные глазки,
Горячие, пылкие помню я ласки...
Но все это было уж очень давно,
Было – прошло и быльем поросло.
Те глазки потускли, то тело в земле,
Что видел я въяве, что видел во сне...

Любви ли объятий мне снова искать,
Иль жизнь одиноко в тиши доживать?

И вот год за годом идет чередой –
Одни лишь ошибки приносит с собой:
Так нечего, видно, напрасно и ждать,
На помошь мне некого, незачем звать,
Моленея без отзыва – душит, гнетет,
Сомненье зловещие песни поет.
Мечта за мечтой отлетает,
А сил между тем убывает.
Обильная чувством, живая, игравая
Проносится юность, проносится лживая!
В будущем – горе, нужда и страданья,
От светлого прошлого – только преданья...

Летняя ночь и запах цветов,
Скамейка дерновая, тень от кустов...
Все это снова словно мне видится,
Шелест деревьев точно мне слышится...

.....

Как вспомнишь... и грустно так станет и больно;
Но прошлого незачем звать: ведь оно
Само мне на память приходит невольно, –
Все то, что я пережил очень давно,
Что было – прошло и быльем поросло.

ПРИМЕЧАНИЕ. Впервые было опубликовано под псевдонимом «Горацио».

БАБОЧКА И ДИТЯ

Es ist eine alte Geschichte.

H.

Играло весело дитя,
Ловило бабочек шутя
И, наконец, одну поймало;
А няньшка в тени дремала.
Но вдруг заплакало дитя.
Проснулась няня и, крестя,
Взяла его к себе на руки:
«Ну что, ну что опять за штуки!
Уж не обжег ли пальчик ты?
Вон все крапивные листы».
— Я баби крыльшки порвал...
Кто их опять бы привязал? —
Смотря на бабочку уныло,
Дитя в слезах ее спросило. —
Ведь, если их не привязать,
Она не будет и летать! —
«Ну, полно, полно же, родное!
И что ты выдумал такое...
Да если их и привязать,
Не станет бабочка летать».
— Да как же так? Да отчего?
Ведь я не портил ничего. —
«Ты, как я вижу, зашалил, —
Ворчала няня, — заблажил!»
Дитя ж, не слушая, просило,
Чтоб няня крыльшки пришила,
И, плача, повторяло все:
«Мне жаль ее, мне жаль ее!»

ПРИМЕЧАНИЯ. Впервые было опубликовано под псевдонимом «Горацио». Es ist eine alte Geschichte. H. — Это старая история (немецк.). Г<еине>.

НАПОМИНАНИЕ

Memento vivere.
G.

Что грустишь ты, ненаглядная?
Что печалишься, мой свет?
Ты послушай-ка, желанная,
Немудреный мой совет!

Божий мир цветет, красуется:
Птичка звонко разливается,
Роза с ландышем целуется,
Солнце словно улыбается.

Лист акаций не трепещет,
По цветку пчела бредет,
Ручеек чуть слышно плещет,
В небе облачко плавает...

Прогони ж свои ты думушки!
Любишь ты – люблю и я...
Улыбнись, моя голубушка,
И целуй, целуй меня!

ПРИМЕЧАНИЯ. Впервые было опубликовано под псевдонимом «Эпикурец». *Memento vivere. G.* – Помни о жизни (лат.). Г<ете>.

НОЧЬЮ (В Петербурге)

Слышишь ли, зали раскатился далкий,
Окна дрожат и звенят...
Где-то во тьме этой ночи глубокой
Наших собратьев казнят.
Тверд и привычен послушный палач,
Пуля метка, и не дрогнет рука.
Друг мой! Мужайся, не плачь.

Завтра такой же кончиной безвестной
Можем погибнуть и мы:
В полночь глухую наемник бесчестный
Выведет нас из тюрьмы,
Зали разнесется, встревоживши ночь...
Стоны души, о мой друг, заглуши:
Горем не сможешь помочь.

Было довольно и слез, и рыданий.
Их не заметил тиран!
Братья, мы гибнем от тяжких страданий,
Гибнем от сабельных ран,
Нас заключают, ведут на расстрел.
Горе и стыд! Но довольно обид!
Есть и терпенью предел...

ПРИМЕЧАНИЕ. По мнению Н. Якушина, впервые опубликовавшего стихотворение, оно было написано в период массовых казней революционеров-народников (1878–1881 гг.).

ПАМЯТИ ЛЕРМОНТОВА

Как море, гладь степей раскинулась кругом,
Лишь изредка мелькнет убогое селенье,
И церковь бедная с сияющим крестом
На мирные поля зовет благословенье...
Так вот куда, певец, всевластию мечтой
Так часто мысль тебя, тоскуя, уносила.
Загубленный пророк страны моей родной,
Великий Лермонтов, так вот твоя могила!
Цветущие поля ласкают жадный взор.
Вот старый дом и сад, и милые Тарханы,
И роща вдалеке, а там опять простор,
Где вечером в степи синеются туманы;
Как стая птиц, на юг несутся облака,
И если твой привет с собой в страну изгнанья
Казбеку вечному снесут издалека,
То скажут, что поэт давно забыл страданья,
Что горе спит в земле и что могильный сон

Ни клеветы друзей, ни зависть не встревожит,
Что роем светлых грез покой твой окружен
И злоба самая развеять их не сможет.

Но если б иногда страны своей родной
Ты смог увидеть жизнь, – проснулось бы мученье.
Печально б ты глядел, с щемящею тоской,
На племя жалкое, на наше поколенье.
Напрасно протекли привычной чередой
Полвека долгого томительные годы;
Бесславен, как и встарь, наш скучный путь земной,
И сами мы бежим от счастья и свободы.
Лишь наглой дерзостью твой слух бы поразил
Разнужденных страстей пир далеко не новый,
И с головы «венец певца, венец терновый»
Ты сам сорвал бы и разбил!

ПРИМЕЧАНИЯ. По предположению Н. Якушина, впервые опубликовавшего стихотворение, оно было написано под впечатлением от посещения писателем Тархан в 1890-х гг. *Тарханы* – село в Пензенской губернии, принадлежавшее башке М.Ю. Лермонтова; здесь прошли детские годы поэта и здесь же находится его могила. ...*в страну изгнанья* – речь идет о ссылке Лермонтова на Кавказ, поводом для которой послужили его стихи на смерть А.С. Пушкина. *Казбек* – гора в центральной части Кавказа, неоднократно упомянутая и описанная в произведениях Лермонтова. *Печально б ты глядел, с щемящею тоской, На племя жалкое, на наше поколенье.* – Реминисценция из стихотворения Лермонтова «Дума», основной пафос которого – осуждение молодого поколения за бездеятельность. ...«*венец певца, венец терновый*» – реминисценция из стихотворения Лермонтова «Смерть поэта» (1837).

ПРИВЕТ

Привет тебе, мой край родной,
Замученный, но горделивый, –
С прекрасной, светлою мечтой
Пришел к тебе сын терпеливый.

Больное сердце исцели,
Забей тревогу обновленья

И не заставь искать вдали,
В изгнанье грустном, ободренья.

Не для того моя мольба,
Чтобы застыть в оцепененье, –
Меня зовет сама судьба
Пойти в последнее сраженье,

Чтоб умереть иль победить,
Чтобы увидеть обновленье,
Чтоб чашу горькую разбить
Всех мук твоих и слез терпенья,

Чтобы сказать тебе: «Я твой!
Возьми меня, мои мученья!»
Хочу я видеть над тобой
Зарю святого искупленья.

Вячеслав Гусев

КРЕСТЬЯНИН-БЕДНЯК

Наклонилась, как старушка,
В селе ветхая изба;
Отвалилась от окон
Уж давным-давно резьба.

С крыши грязную солому
Ветер в поле разметал;
На дворе сугробы снега
Еще с осени сметал...

Подъездом соха гнилая
Развалилась пополам;
С ношу тоненьких дровишек
Завалилось тут и там...

В голбце мыкают овечки:
Сена нету ни клочка!
Вот, читатель, все именье
Земледельца-бедняка.

Вот он сам сидит на лавке
(В хате греется: мороз!).
Грудь нужда ему сдавила,
А от стужи зябнет нос.

Плачут горько ребятишки:
«Мама, ести! Где еда?»
Вот где детям воспитанье!
Эх! ты враг-нужда, нужда!

Вот он лапти надевает,
Вышел, лошаденку впряжен,
Топор за пояс засунул
И поехал шаг за шаг...

Вот в один он лес въезжает,
Нарубил возишко дров;
Лошадь выехать не может:
Дровни втиснулись в сугроб...

Вот он в город приезжает:
Ахти! к утру опоздал!
Тут за рубль берет полтину,
Лишил бы кто возишко взял...

Хлеба нет, гроша в кармане:
Воз приходится продать...
Каково в нужде суповой
За алтын копейку взять?!..

<1877>

ПЕСНЯ ДРОВОСЕКА

Подражание Кольцову

Размахнись, рука
Молодецкая,
С утра раннего
С новой силою,
И ударь, топор,
В ель корнистую!

Надо молодцу
Одиночному
Работать весь день
Без усталости,
Наживать казну
В лето красное...

Надо молодцу
Одинокому
Завестись женой,
Хатой темною,
Сбруей, лошадью,
Сохой-матушкой...

Не оставил мне
Родный батюшка
Сбруи, лошади,
Сохи-матушки,
А один топор
Ненаточенный...

Молвил молодцу,
Умираючи:
«Засунь за пояс
Топор, молодец,
И поди весной
В дальню сторону...

Наймись лес рубить
В лето красное,
Наживай добро,
Сберегай казну:
Как придешь домой,
Хату выстроишь!

Заведешь потом
Все хозяйство сам
На свою казну
Сбереженную,
Так и будешь жить,
Себя знаючи!..»

ПРИМЕЧАНИЕ. *Кольцов Алексей Васильевич* (1809–1842) – поэт, в творчестве которого главное место занимала крестьянская тематика; служил образцом для подражания литераторам из народа.

НИВА

Солнце греет, нива спеет:
Как я весел, как я рад!
Скоро нива уж поспеет,
Скоро нивушку скосят.

Эх! ты нива золотая,
В точь ты жемчугу копна!
Мне с тобой зима выюжная
Будет сытна и красна...

Ты в сусеках не изноешь:
Мигом в город убежишь.
Ты мне ветхий двор покроешь,
Ты мне пива наваришь!

ДУМА АРЕСТАНТА

Растворись, тюрьма,
Мне, безвинному;
Упади с руки,
Цепь железная...

Подлети стрелой
С моей родины
Ко мне гнедый конь
Необъезженный!

Я помчусь, как вихрь,
К моей родине,
Там увижу я
Свою милую...

Там увижу я
Ниву зрелую,
Там увижу я
Поле чистое!

Там бурлит река
Водопадная,
Там цветут луга
Водоемные,

Там стоит село,
Пораскинувшись,
В хате там живет
Мать родимая.

Там расстался я
С вольной волюшкой,
Кулаки в тюрьму
Упекли меня!

Эх, нельзя мне там,
На полях-лугах,
Работать весь день
С звонкой песенкой!

Эх ты, родина
Ненаглядная,
Ты прости-прощай,
Моя матушка!

Знать, уж мне с тобой
Не увидеться,
Отворить тюрьму –
Не усилиться!..

ВСАДНИК

В полночь осеннюю промчался
По полю всадник молодой;
С высоким берегом сравнялся,
Где церковь видна за рекой;

Безмолвно тут остановился,
Где ключ холодный в камень бьет,
На этом месте он простился
С своей подругой юных лет.

В глазах его село родное
Во мраке темной ночи спит,
Не слышен сельский говор в поле,
Лишь волны мечутся в гранит.

И спомнил он былое время,
Когда здесь юношей сидел;
Тихонько встал ногою в стремя
И тихим голосом запел:

«Ты спиши, краса, моя подруга,
Тяжелым сном в семье родной,
А своего не видишь друга
В слезах горючих за рекой!

Ты помнишь: были мы с тобою
Когда друзьями юных лет,
Во мраке ночи под горою
Любовный делали совет?

Но нас с тобою разлучила
Не кто, как самая судьба,
Мне в руку бранный меч вложила,
“Прости, – я думал, – навсегда”.

Промчалась пуля роковая
С могильным свистом надо мной;
Тебя опять, страна родная,
Я снова вижу в тьме ночной!

Прости навеки, край родимый!»
Вдруг громко всадник зарыдал
И, тайной грустию томимый,
Опять по полю поскакал.

Неизвестный автор

СКЛАДЧИНА ТРУДИЛОВИЧ

Сказка

Посвящается двоим: вам и им

Глава первая

Жили Яков да Ирина
Из деревни Звездина;
Яков важный был детина,
И не хуже и она.

Не венчались, не ругались:
Врось им ласковей жилось.
А сошлись да обвенчались,
Стали жить уж как пришлось.

«Нет, без дров-то не вспотеешь, –
Крикнет баба, – вот зима;
Пьян, так что? Не околеешь!»
– Околей вперед сама.

Видишь, белой рубашонки
Лень на праздник припасти.
Ни парнишка, ни девчонки
Не сумела принести.

Перестану пить с парнишком. –
«Погоди же, принесу».

— Десять лет годим уж с лишком. —
Баба с легкого часу

Через год, наскучив точно
Укоризной муженька,
Принесла — и как нарочно —
Принесла ему сынка.

Муж взглянул: лоб плосковитый,
На головке вихорек;
Молвил: «Будет даровитый», —
И Митющенком нарек.

Через три скончался года
Яков Львов из Звездина,
И принялась у прихода
Выпрочитывать жена:

«Собрался, стариk, в дорогу.
Ну, прощай. На том свету
Не забудь ты молвить Богу,
Сохранил бы сироту».

Все стояли в панихиду,
Все явились помянуть;
Кто от правды, кто для виду —
Долгом все сочли вздохнуть.

«То пришло, не стало Яши;
То придет, и нам там быть». —
Да, Семен; житъя-те наши!.. —
«Перестань, Ирина, выть!»

Потрясли и Мите руку,
Поласкали... «Тятти нет?
Спрятан в землю тятъя?» — Ку-ку! —
Крикнул мальчик на ответ.

Глава вторая

Ты мани меня, мани;
Да смотри, не обмани.

Вот однажды из правленья
Подал сотский в Звездино
От начальства объявление.
Было в нем объявлено,

Что священник от Николы
Ездил просьбу подавать
Об открытии земской школы.
Разрешили открывать.

Мало думала Ирина.
Сын уж был годов восьми.
Привела учиться сына
С просьбой: «Батюшко, нажми».

И не шлялся сын на воле,
Слушал, делал да твердил.
Тридцать пять их было в школе,
Яшин всех опередил.

Близко вешнего Николы
Сделать школам всем обзор
Был во все отправлен школы
Из управы ревизор.

Вот обзор: «Узнали мало
(Бог простит на первый раз),
Отвечали тихо, вяло,
Только вот один у вас

Соколиного полета.
Это чей у вас зверок?»
— С соколиного болота, —
Вслух промолвил паренек.

«Митя, что ты!» – Браво, браво,
Соколиный, брат, и взор! –
И отправился в управу
Из управы ревизор.

Хоть закрыть-то не закрыли,
Ожидаючи плода,
Только вдаль переместили...
Призадумался тогда

Этой школы попечитель:
«Мальчик редкостный, божусь.
Вы в гимназию не хотите ль?
Приготовить я возьмусь».

– Я ништо, да как вот мама,
И живем мы ведь бедно. –
«Будь умен, поступиши прямо».
– Побывайте в Звездино. –

Скоро в гости соберется,
Кто не стар и кто не прочь,
Если денежка ведется,
Делу доброму помочь.

Не успел еще учитель
Кончить класс, а в Звездино
Наш Зарыбин-попечитель
Прилетел уже давно.

Рассказал он там честненько,
Что крестьянский ныне сын,
Проучившийся умненько,
Будет точно дворянин.

«Так вступись уж, сделай милость,
Укажи свет бедняку».

И крестьянка повалилась
Прямо в ноги добряку.

Положила три поклона,
Стала сына целовать.
«Митя, вот тебе икона;
Дай Бог счастье наживать!»

Глава третья

И счастливы мы довольно,
И довольно хороши.
Отчего же так невольно
Мы не чувствуем души,

Если встретится порою
Мальчик свеженький, живой,
Крепкий телом и душою,
Со способной головой?

Доходила ли заслуга,
Иль кто любит, тот хорош?
Иль душой своей на друга
Зародился он похож?

Или маленькая птичка,
Кто не сам в себя влюблен,
По сердчишку он – тряпичка,
По умишку – поп Семен?

Иль, быть может, не с того ли
Тянет здесь детей любить,
Что чужой завидно доле,
А самим пришлось губить

Без плода, без исполненья
В этой жалостной глуши

Благородные стремлењья
Недоразвитой души?..

Не свернул ли я немножко?
Может быть, вам недосуг?
Но длинна еще дорожка.
Отдохни, мой милый друг.

Рад бы я и сам развязке.
Только парня проводить –
И конец бы нашей сказке.
Да велели погодить.

Видно, в каждом добром деле
Оппозиция нужна...
Врозвь родные заглядели,
Заглядела вкось она...

На пилатовскую ногу
Стать Зарывину пришлось,
И при отправке в дорогу
«До свиданья» сорвалось.

Тут заплакала Ирина:
«Уж и тот-то обманул,
Кто учиться дальше сына
Всех усерднее тянул.

Что я с женским-то умишком
Буду делать?» На беду
«Сотни две вам нужно с лишком», –
Ей сказали в городе.

Через год стипендиатом
Посулилися принять.
Посоветоваться с братом
Мать поехала назад.

Глава четвертая

Кабы я была царица,
Третья молвила сестрица,
Я б для батюшки-царя
Родила богатыря.

Пушкин

Ночь проходит. Дело к свету.
На машину уж пора.
Время полдень. Мити нету.
Он не трогался с двора.

Тут Зарывин вздумал охнуть,
Охнуть чисто от души,
Что приходится заглохнуть
Парню умному в глухи.

И стал складывать от скуки
Песнь о деле мужика,
Песнь о средствах для науки
И о грязи бедняка.

Песен этих вышла книжка.
Здесь же можно поместить
Только две. Хоть читки лишка,
Но позвольте угостить.

Песня Зарывина, посвященная матери

Так уважать и ученых не всякого
Совесть советует мне,
Как из крестьянок вдову после Якова.
Женщина есть в Звездине.
Крепче проси ты у жизни Подателя,
Дал бы тебе Он пожить

И посмотреть, как в чину председателя
Стал бы Митюха служить.
Парня крестьянского чуть не из Азии
Вывести в люди хотят.
Грустно и знать, что его из гимназии
Пусто отправят назад.
Не помогайте священника сыну, дворянскому –
И без пособия выучат тех,
А не помочь сироте и крестьянскому
Грех нам, ученые, грех.

Вторая песня Зарынина,
посвященная сыну

Родился в деревне он глухо,
Митюхой деревня зовет,
Но с грустью в селе про Митюху
Один из безвестных поет:

«Судьба моя, что ли, такая?
Тебя мне любить привелось –
И так высоко, что на многих
Смотреть уж пониже пришлось.

Не кудри меня приманили,
Не грудь и не черная бровь,
Тебя завещала любить мне
К развитью народа любовь.

Теперь ее кинуть мне жаль уж:
Давно та любовь завелась,
И если бы мог ты увидеть,
Как пышно она развилась!

Да жаль, не настолько мы зорки,
Чтоб видеть, как сердце горит,
Красив ли цветок нашей жизни,
Куда с него пыль полетит.

Посмотрят на карточку дома
И скажут, я знаю, одно:
“Гляди-ко: Зарыгин с Митюхой –
Чудно, дядя Павел, чудно”».

«Ну, пожалуй, дядя, будет.
Будут люди засужать».
– Да, пожалуй что засудят.
Будем сказку продолжать.

Этот случай, слишком мерзкий,
Попечителя привел
К мысли грустной, может – дерзкой,
О значенье сельских школ.

Он кричал: “Крестьян побольше
Нужно в город отправлять;
А как выучатся, дольше
Жить в деревне заставлять.

Здесь железная дорога.
Тужат: мало ездоков.
Средство есть, их будет много:
Даром брать учеников.

На егорьевской платформе
Тоже мать из Звездина
Встретить вышла б сына в форме
(Для чего она нужна?),

И пред всем народом сына
Целовала б горячо.
Нам подобная картина
Не наскучила еще...”.

Я опять... Прости, читатель,
Что сбиваюсь иногда!

Может, с вами как писатель
Не увижусь никогда.

Не с претензией поэта
Вздумал я писать стихи,
Хоть и очень лестно это
(Ха-ха-ха да хи-хи-хи!).

До поэтов от погоста,
От святых почти ворот
Далеко... А вот вопрос-то,
Чтоб попомнил наш народ:

Если любит кто ученье,
А карманчику невмочь,
Так иметь бы попеченье,
Как бы бедному помочь.

Как и в сказках говорится:
Бедность – лютый богатырь,
Где в гостях она явится,
Там пустырь да монастырь.

Роет всем она могилу.
Нужно, значит, силача,
Чтобы бедность, злую силу,
Со всего рубил плеча.

Нарождается детина
В царстве белого царя;
Называется Складчина,
Сын Труда-богатыря.

Выступай, голубчик, смело
Против бедности в поход,
Есть тебе святое дело:
В селах тысячи сирот.

Дожидаются Складчины
Выйти к ним помогу дать!
Что способным без причины
Даром в селах пропадать?

Вот выходит... Покормите
Молодого силача,
И пойдет он, поглядите,
Бедность потчевать сплеча.

Не кормили, а кутили,
И наместо папирос
Предложили, прокатили
О Митющенке вопрос.

Прокатили!.. Где ж Складчина?
«Вот он, тут же. Что молчит?
Заколдован? Есть причина?
Сробел, молод, пьян иль спит?

Молод...» Крикнули все: – Браво!
Экономно, отказать! –
И про всех – грешны иль правы –
Он не мог еще сказать.

Только шибко: «Кто же выше?» –
Спьяна молвил молодец.
Вдруг звонок: «Прошу потише!»
Все замолкли – и конец.

Заключение

Сон Зарывина,
им самим рассказанный

Я сборщиком шел по столице,
На шею икону надев
И жертвы Небесной Царице
Прося на известный напев.

Вхожу в одно место. Картофель
Крошит там Митющенко наш,
А рядом сидит Мефистофель...
«Картофельку, Митя, мне дашь?»

Хохочет: «Ты выучил важно,
Сижу я высоко, смотри,
Смотри, как поджарится влажно,
Так кушают только цари.

Прикончив твой курс гимназиста,
Я в Питер приехал служить,
Имею уж фартук форсистый,
Пять лет могу даром прожить.

Понятно? Две сотни в кармане,
А пища-то как хороша!».
Я всплакал, и скрылась в тумане
Разбитой душонки душа.

ПРИМЕЧАНИЯ. Поэма была подписана инициалом «В.» (возможно, это «Всесвятский»). Священник от Николы – священник храма святого Николая Мирликийского. Земская школа – школа, находящаяся в ведении земства (местного самоуправления). Вешний Никола – церковный праздник Перенесения мощей святителя и чудотворца Николая из Мир Ликийских в Бар (9/22 мая). Управа – здесь: земская управа, административный орган местного самоуправления. Школы попечитель – почетный руководитель школы. На Пилатовскую ногу – т. е. снимая с себя, по примеру Пилата, ответственность за принятое решение (в Евангелии римский наместник Пилат, вынужденный согласиться на казнь Иисуса, совершает символический обряд омовения рук перед толпой и тем самым демонстрирует свою непричастность к гибели праведника). «Кабы я была царица, – Третья молвила сестрица, – Я б для батюшки-царя Родила богатыря». Пушкин – цитата из «Сказки о царе Салтане...» (1831) А.С. Пушкина. На машину – на железнодорожный поезд. ...в чину председателя – в чине председателя одного из государственных учреждений (казенной палаты, палаты уголовного или гражданского суда). Мефистофель – персонаж трагедии И.В. Гете «Фауст» (злой дух, дьявол, насмешник, искушатель и губитель человека). «Картофельку, Митя, мне дашь?» – реминисценция из стихотворения М.Ю. Лермонтова «Пир Асмодея» (1830–1831): «...И вот лакей картофель подает, Затем что самодержец Мефистофель Был родом немец и любил картофель».

Д. Всесвятский

ПОСВЯЩЕНИЕ

Не барошням – от них я ласк не получаю,
Не матери – не то на небе нужно ей, –
Ребенку сельскому я в память посвящаю
Незрелые плоды фантазии моей.

Дитя, ужель и ты учителя осудишь –
Того, кто знание тебе передавал?
Возьми мою тетрадь и, может, не забудешь,
Что о твоей судьбе он долго тосковал,

И, может, вздумаешь на лишние копейки
Помочь Христа ради в нужде ученикам,
Чтобы, как и тебе, от бедности-злодейки
Не привелось загибнуть умным беднякам.

<1881>

БЕСЕДА

«Ну-с, где побывали?» – спросил я за ужином гостя.
– Да был на беседе. – «Ну, как там понравилось?» – Скучно.
Кто прядь, кто пошить, кто и просто поспорить сошлися.
Поспорить тут любят о кончивших курс и о братьях,
Пошли было сплетни, но это к концу уж беседы.
Хотелось послушать, да вас бы пришлось беспокоить,
Пришлось бы за полночь часу во втором воротиться. –
«Напрасно стеснялись. А песни там пели какие?»
– Должно быть, по песням и жизнь тут, по жизни и песни.
Извозчик везет седока и у кладбища плачет;

Кольцов со своей “Жизнь, зачем ты собой обольщаешь?”,
Некрасова две: “Огородник” и “Тройка”. И только.
Как видите, только и есть, что в любви неудача!
Любить, видно, в свете погостянкам некого стало,
Весь мир для погостянов клином, должно быть, сошелся.
Хотел я пропеть: “Что так жадно глядишь на деревню...” –
«Влюбить, видно, сами мечтали, да вышла осечка.
Вы все расскажите, чтоб мог я всю истину ведать;
Ведь ночи теперь бесконечны, ложиться нам рано».
Разумное выслушав слово, и гость мой разумный
Ответил разумно, Гомеру в речй подражая:
– Так слушайте, сладкодушистым вином утешаясь,
И верьте, я все расскажу откровенно, как брату.
Здесь жители делятся надвое: в селах двудомных –
Отцы с матерями и девки, в училищах парни.
Приедет который на праздники – славит в приходе,
А может, и пьяный; и этот, как кончит ученье,
Вступая на место, получит невесту в придачу.
«Теперь-то повывелось это иль нет?» – «Как придется.
Но летом каникулы есть; наглядеться успеют».
– А кто так досужен, что может влюблаться и в будни,
В рабочую пору? Для этого нужны наряды,
Морозный румянец, луна, керосин, вечерины.
В рабочую пору венчаний у нас не бывает. –
«Однако вы – физик. Чем больше мы жжем керосину,
Тем больше, по-вашему, явится в свете влюбленных».
– В деревне живете, не зная, что скажут крестьяне.
Они уже знают, что этот чертовский напиток,
Сгораючи в лампах, проходит в умы молодые.
Вот видите, вашим девицам купить не мешает.
К ним скука пристала, как масло скромное к платью.
Бог знает, споют ли они про удачу в любви... –
Так кончилась речь наша. Ужин наш кончился тоже.
Тогда мы, друг другу приятного сна пожелавши,
Отправились, как говорится, в объятья Морфея.
Морфей деревенского любит. Мы были в объятьях,
Пока не проехала по небу юная Эос.

А так как она в генваре проезжает не рано,
Без малого в десять часов разбудили нас к чаю.

1881

ПРИМЕЧАНИЯ. Стихотворение стилизовано под античную идиллию (небольшое поэтическое произведение, изображающее мирную сельскую жизнь); написано оно, однако, пятистопным амфибрахием, а не гекзаметром – обычным для идиллий размером. *Извозчик везет седока и у кладбища плачет* – возможно, народная песня «Вот на пути село большое» (на стихи Н. Анондиста «Гремит звонок и тройка мчится» – 1848). «Жизнь, зачем ты собой обольщаешь?» – начальные строки ставшего популярной песней стихотворения А.В. Кольцова «Расчет с жизнью» (1840). ...*Некрасова две: "Огородник" и "Тройка".* – Народные песни на слова стихотворений Н.А. Некрасова: «Огородник» («Не гулял с кистенем я в дремучем лесу...» – 1846) и «Тройка» («Что так жадно глядишь на дорогу...» – 1846). Гомер – легендарный древнегреческий поэт-певец, которому приписывается авторство эпических поэм «Илиада» и «Одиссея» (IX–VIII вв. до н. э.), а также гимнов богам. ...*в училицах* – здесь: в духовных училищах. ...*славит в приходе* – имеется в виду праздничный обход духовным лицом домов прихожан с крестом. ...*Вступая на место, получит невесту в придачу* – см. примеч. к поэме В. Сиротина «Исповедь». *Масло скоромное* – сливочное масло.

БРАК

Резво на улице в праздник играла
За две недели малютка в лапту:
Бегала круто и бойко стрекала,
Ловко хватая свечи на лету.

Ну, а сегодня в хозяйки попала!
Сделано дело, пришлось обвенчать.
Первой игруны в деревне не стало.
Новые игры придется начать.

Да, признаемся, и мы тут играли!
Было на брак нам смотреть тяжело.
Словно уж старыми вдруг все мы стали;
Грустное что-то на сердце легло.

Трудно, я знаю, крестьянское бремя.
Часто отцу я твердил: погоди.
Бабой у нас хорошо быть во время;
Время, малютка, твое впереди.

Много молитв тут по книге читали,
В сердце молитва была лишь одна,
Долго и после ее мы шептали:
Будь ты счастлива, малютка-жена!

1881

ПРИМЕЧАНИЕ. *Свечи* – здесь: вертикально падающие мячи.

ВОРОЖБА

Терентий Дарью бьет, и учат бабу люди:
«Испорчен под венцом.
Ты, Дарья, молочком напой его из груди,
Разбавивши винцом».
Я знахарь, матушка! Ты мужа пой хоть кровью,
И то не быть проку,
Когда венчаться шла ты с искренней любовью
Не к мужу, к кошельку.

1881

* * *

Беда рожит примету,
Примета – чудеса,
Просители – карету,
А лещего – леса,

Свободный день – компанию,
Компания – винцо,
Винцо рожит каналью
Да битое лицо.

1885

ПРИМЕЧАНИЕ. Стихотворение входит в цикл «Набиушки».

ИЗ ЖИЗНИ ПАРИШКА

Бывало, бродит по дороге
С толпой оборванных ребят,
Весной зачернит грязью ноги,
И кожу цыпки разъедят.

Нащеплет ножичком лучинок
И, где случится ручеек,
Наставит по лугу тычинок,
Свернет кувшинчиком платок;

Потом накопом пустит воду.
По склону тропочкой в реку
Поток, найдя себе свободу,
Бежит, веселый, по лужку.

А парень ловит в бредень глибу.
«Что ловишь? – шутят мужики.
Ответит бойко: «Видишь, рыбу».
– От дураков и дураки!.. –

Возьмут с товарищем веревку,
Ножом натяпают кустов;
В плотах имеючи сноровку,
Вдвоем наделяют плотов.

Вдвоем кататься собираются
И разместятся на концы.
Плот еле держится... сойдутся...
Ступайте в воду, молодцы!..

Дрожат. Вода течет с рубашек.
«Давай обсушимся!» Пойдут,
Возьмут береста, спичек, плашек,
Огонь в печурках разведут.

Про смерть и слов уж нет. У речки
Из глины делают горшки

И сушат их в трубе, а в печке
Пекут из глины пирожки.

В лесу споются с пастухами,
А те научат их вполне
Ругаться вычурно, стихами,
И петь сестре наедине...

1885

ПРИМЕЧАНИЕ. ...накопом *пустит воду* – т. е. *пустит воду, набравшуюся в запруде*.

* * *

Ленив со злом вступить ты в битву,
А в ней так нужен человек!
И вот подобную молитву
Не забывай во весь свой век:

«Воззри на сонное творенье,
Воззри, Господня благодать!
К высоким подвигам стремленье
Приди бездушному подать.

Мне дай дух гордого терпенья
И научи среди войны
Смотреть на плоть, на жизнь, именье,
Смотреть на все со стороны!»

1885

ПРИМЕЧАНИЕ. Стихотворение входит в цикл «Конфетти».

ПОРТНОЙ

Домой на Смоленскую шел портной лесом.
И вышла история. Несчастному бесом

Был выслан навстречу волчонок.
Должно быть, сам бес был ребенок.

Ведь черти почаще людского рождаются;
Иначе откуда бы снова им взяться,
Когда бы от старых чертей не родились?
Немало их в ад с петухов провалились.

В деревню на праздник портной шел один.
Проворно достал он железный аршин,
Махнул – да как щелкнет! Волчонок
К мамаше удрал.

Надумали волки артелью собраться
И в силе с портным всей семьей потягаться.
Выходят двенадцать волков на дорогу.
Идет и портной – слава Богу!

Завидя волков, наш портной, точно бес,
В четыре секунды на дерево влез.
Волкам его вздумалось сдернуть и съести.
Для этого нужно на дерево лезти.

Решили: волк сильный полезет вперед,
Другой – позади и того подопрет;
Последний подпорщик полезет – волчонок
(Должно быть, опять напроказил бесенок).

Увидя, что кончик приходит, портной
Простился со светом и жизнью земной,
Заочно всех обнял – девчонок, жену
И выдумал: дай-ка в последний нюхну.

Табак был заборист. По лесу «ач-хин»
Как гром прокатилось. Волчонку аршин
Почудился. Выскочил, бедный. Все волки,
Как черти, попадали кувылем с елки;

Завыли от боли, волчонка догнали
И шкуру с бедняжки останную сняли.

1885

ПРИМЕЧАНИЯ. ...на Смоленскую – на праздник иконы Смоленской Божьей Матери (28 июля / 10 августа). *Немало их в ад с петухов провалились.* – По народному поверью, утренний крик петуха служит сигналом к тому, чтобы нечисть убивалась к себе в ад. *Аршин* – здесь: линейка длиной 0,71 м с делениями.

ПРИЧЕТЫ

«Причитать –
Это срам.
Перестать!
Здесь ведь храм».

Дни и ночи три недели
У больного у постели
Привелось ей помолчать.
Дайте бедной покричать.

И с тоски
Головой
У доски
Гробовой,

Над умершим припадая,
Наша бабка молодая
Певчей птичкой засиялась,
За причеты принялась.

Сотни лет
Уж назад
Был поэт,
Говорят.

Песни пел, и миллионы
Для наживы, обороны
Шли под песни на убой,
Не стояли за собой.

И теперь,
Ты поверь,
Что в тиши,
Здесь в глухи

Протерпела молодица,
Все пропела мастерица
И родню наперечет
Всю поставила в причет,

Потому
Что народ
Никому,
Кто поет

Над умершим в погребенье,
Не становит в преступленье.
Люб крестьянину причет,
Сельской бедности отчет.

Кто забит,
Притеснен,
Кто забыт,
Огорчен –

Только, слушая, молчали,
Замолчать уж не кричали,
Сердце ныло, и слеза
Шла без спросу на глаза.

Даже тот
Заскучал,
Кто причет
Запрещал.

Скрывши слезы через силу,
Как рвалась вдова в могилу,
Он с измученной душой
С похорон ушел домой.

<1888>

НА ПЧЕЛЬНИКЕ

Пчелки вам, дети, поклон посыпали;
Мед, говорят, приходили бы кушать,
Мне уж стихи сочинять помогали.
Вот потрудитесь послушать.

Капля воды возле елки упала:
Стало ей в воздухе жить тяжело.
Падала капля и вовсе не знала –
Дерево с капли сильнее росло.

Дерево мало-помалу толстело.
Выросло дерево в десять вершков,
Вот топором подрубили, слетело,
Сделан из дерева столб для ульёв.

Лето настало. Работают пчелы.
Мед добывать их Господь сотворил.
Знают ли пчелы, что бывают для школы?
(В школу крестьянин роя подарил.)

Сколько о деточках в жизни старанья!
Сколько у деточек в школе хлопот!
Знает ли это святое созданье,
Что оно жизни с собою несет?

Тайнам подобным нельзя не дивиться,
Дерево, пчелочки, дети росли.
А для кого им пришлось потрудиться,
Даже не знали – и знать не могли.

<1888>

B. Соколов

ГОРЕМЫЧНАЯ *(Фрагмент из поэмы)*

Не сбылися думы девичьи,
Не сбылися сны желанные...
Для чего, родные, выдали
Дочку бедную за пьяницу?
Для чего еще до времени
Загубили мою молодость?
Все соседи и соседушки
Уж давно ушли с полосыньки;
Я одна лишь, горемычна,
В поле в поздний час работаю;
Недосуг досытка выспаться,
Приласкать ребято некогда...
Муж ленивый только пьянствует
Меж потерянных головушек
Да из дома тащит доброе
За застойку к целовальнику.
Ой, мужик не образумится,
Что он подло, гадко делает,
Что крохи детей последние
Он тащит в кабак безжалостно!
Не давать – так сильно бьет меня,
Надругается при детушках,
А давать – так малых крошечек
Жаль пустить голодных по миру.
Горе мне! ребято пятеро –
Все есть просят – хлеба надобно!
Вот и бьюсь до темной ноченьки
На полоске я, усталая...

Как поднять мне будет детушек,
До рабочей силы вырастить?
Как наставить уму-разуму,
Научить добру великому?
Ой, зачем на свет родилася,
Горемыка бесталанная?..
Для чего, родные, выдали
Дочку бедную за пьяницу?
Для чего еще до времени
Загубили мою молодость?..

1879

ПРИМЕЧАНИЕ. *Доброе* – здесь: добро, имущество.

ПОСЕЛОК

Стонут леса вековые, дремучие,
Стонут, валятся, трещат;
Крепко работают руки могучие,
Щепки, как брызги, летят.
Бревна проворной рукой очищаются,
Жгутся сучки на оgne;
Живо из бревен дома воздвигаются
В тихой, глухой стороне.
Падают ели и сосны косматые,
Мрак исчезает лесной;
С корнем дерутся пеньки суковатые,
Мелкий лесок молодой.
Девственной почвою тучной, богатою
Лошадь с сохою прошла;
Почва за труд многолетний оратаю
Плод со сторицей дала...
Крепкие руки да сила задорная
Долго работали, знать,
Что на корню колосистая, порная
Рожь едва может стоять.
Плетью повисли колосья тяжелые

С крупным, созревшим зерном;
Спелую рожь стали жницы веселые
Жать своим острым серпом...
Любо! народ над полоской старается,
Занят разумным трудом,
С горем, нуждою не бьется, не мается
В новом поселке своем.
Дети не дрогнут от стужи, от холода,
В теплых избах не ревут,
Зимней порою не ведают голода,
Словно как мухи, не мрут...
Сытые дети, тепленько одетые,
Слушают в школе родной
Слово учителя, сердцем согретое,
Теплою лаской одной...

НОЧНАЯ ДУМА

(Памяти Н. Н-ва)

Божественная ночь! Очаровательная ночь!
Н. Гоголь

Я, довольный своею судьбой,
Чуждый всякой тревоги, печали,
Созерцаю порою ночной,
Восторгаясь сребристой луной,
Что поэты в стихах воспевали...
Мне хотелось бы петь про луну,
Про безмолвный покой, тишину
И про звезд на лазури сиянье,
Но напрасно мое все желанье:
Нету звуков таких у меня,
Нету искры врожденной небесной,
Мало в сердце порыва, огня,
Чтоб воспеть прелесть ночи чудесной...
Но что делать! Я думу свою
Про чудесную ночку спою

Языком непривычным и дурным;
Наша муга собой не звучна...

Тихо, тихо... На небе лазурном
Серебристая светит луна.
Свежий воздух тихохонько веет,
На березках листки шелестит;
Луг зеленый цветками пестреет;
Рожь на ниве безмолвно стоит.
Словно дедушка с крепкою думой
На морщинистом старом челе,
Над рекою лес темный, угрюмый
Тихо дремлет в ночной полумгле.
Тишину нарушая ночную,
В глубине непроглядных ветвей,
Заливаясь, поет соловей
Песню звонкую, песню лихую;
Подымает он в сердце, в крови
Бурю песней своею прекрасной,
Как последнее слово любви
Выражает в мелодии страстной...

Так и хочется петь про любовь,
Про желанья и сладкие грезы;
Все вернуть бы прошедшее вновь,
Что разбили ужасные грозы;
Так и хочется петь о луне,
О башмачках, о маленьких ножках,
Что оставили след на дорожках,
О любви при ночной тишине
И символе ее – о цветочках
С ароматом в своих лепесточках...
Но зачем, что прошло, дорожить?
Для чего же над тем издеваться,
Что не можешь уж больше любить,
Чем не можешь никак увлекаться?
Виноват! нынче мало поют
На великой Руси уж об этом;
Нынче сразу тебя осмеют,

Если будешь подобным поэтом.
Ныне каждый поэт молодой
Со слезами на свет выступает;
Что ни строчка – то брызжет слезой;
Ныне каждый рыдает, рыдает,
Словно слез своих бурной волной
Затопить целый мир он желает.
Ныне каждый поэт говорит,
Что страданье, страданье, страданье,
Что народ непробудно наш спит
И душе его чуждо желанье.
Мы напрасно-де будим его
И тоскою зовем либеральной
К жизни лучшей, святой, идеальной, –
Но не сделали мы ничего!
Наш народ так же глупо страдает
И бессмысленно ношу несет,
Лучшей жизни себе не желает,
С равнодушием смотрит вперед!
И с могилою кончается муки,
Как пройдет он тяжелый свой путь, –
Не коснулись его наши звуки,
Света луч не запал в его грудь!
Знать, мужик никогда не проснется;
«Он духовно навеки почил»;
Мужика нам оставить придется,
Пробудить его нету в нас сил.
Сколько даром мы слов расточили,
Сколько песен мы спели ему!
Как его мы глубоко любили,
Как его мы учили всему!
Восхищались трудом благородным,
Воспевали его шалаши;
Восхищались мы лаптем народным,
В этом лапте не слышав души...
Все напрасно! Народ нас не знает,
Так же все равнодушно зевает,
На полоске трудится родной
И не знает о жизни иной...

Полно хныкать, родные поэты,
Полно волком голодным вам выть,
И слагать о народе куплеты,
И о нем слезы горькие лить!
Вы довольны своими стихами,
Вы довольны судьбою, как я
(Мы, не правда ли, будем друзьями;
Ваша жизнь – все равно, что моя?).
Мы заботимся только ведь, братья,
О кармане своем, о рублях,
О пустых, либеральных словах
Да о славе своей без изъятья...
Я скажу слово правды святой, –
Хоть оно неприятно для слуха, –
В нас самих, в нашей жизни родной
Многое прежнего барского духа:
Или рабствуем мы, иль гнетем –
И от этого дальше нейдем;
Нам не чужда лакейская лесть,
До похвал мы особенно падки,
Любим вкусно и плотно поесть,
Поваляться на теплой кроватке;
И в тепле любим мы помечтать
(Коль на улице стужа, ненастье),
Над бедой мужика порыдать,
Словно этим дадим ему счастье!

Между тем, как в тепле и в тиши
Мы заботы и горя не знаем
И гражданские слезы роняем,
Где-то там, в отдаленной глухи,
В уголках земли русской родимых,
Средь лесов и степей травяных,
Мужички в своих лаптях любимых
На полосках трудятся родных,
Как дремучий лес, вечно угрюмы.
В жизни-доле своей трудовой
Тяготят их тяжелые думы:
Как не встретиться им с нищетой,

Как бы хлебушка на год хватило,
Как семейка была бы сыта,
Недоимка вперед не страшила,
Как избавиться палки, кнута...

Завывают зимою метели,
На дорогах наносят бугры;
Стоном стонут косматые ели,
На просторах гуляют ветры;
Снег столбом подымается, вьется,
Заунывно гудет под окном;
Пред какой-то бедой раздается
Песня лещья в лесу за селом.
Уж не нашу ль деревню родную
Летом знойным огонь попалит?
Не зараза ли землю святую
На людей и на скот посетит?
Не жары ли посевы погубят?
Не появится ль жук на хлебах?
Не червяк ли голодный загубит,
Что посеяли мы на полях?

Где ж представить нам ясно, поэты
О народном житье в деревнях,
Как слагаем о нем мы куплеты
У камина, халатом согреты,
В кабинете своем в городах?
Где ж понять нам, вечерней порою
Распивая китайский чаек
Со счастливою вместе семьею,
Как от стужи дрожит мужичок?
Где ж понять нам, как в «Руси» Самарин,
Что полоска узка мужика,
Что сбывает поместия барин
И снабжает землей кулака?
Где ж понять, как «чумазый» воюет
В деревнях – создает кабаки;
Как народ его носит, целует
И несет ему все пятаки?

Где ж понять, что полоска родная
Весь свой сок кулаку отдает;
Недоимка все больше крутая
Год от году растет и растет;
Как сибирская язва гуляет,
Дифтерит по деревням, чума;
Как в отчизне родной угрожает
Трудовому народу сума?..

Хорошо б с полосы заповедной
Мужичку все сторицей собрать,
В чем нуждается в жизни он бедной,
Без чего нельзя жизнь продолжать;
Хорошо б мужички избежали
Недоимки крутой и нужды;
Хорошо б, как они не теряли
Ни за грош роковые труды,
Хорошо бы студеной зимою
На полатцах в избушке лежать, —
Сытым быть мужичку полосою
И страды на морозе не знать;
Но свой брат, потолстевший от холи,
Обчищает совсем мужика;
Нету хуже кабальной неволи —
Состоять должником кулака!
Оттого, над чем лето страдают,
Достается им мало на труд;
Что с полосок своих поснимают,
Кулаку в кладовую свезут...
Полоса, мужика не питая,
Весь свой сок кулаку отдает;
Истощается почва родная —
Все бесплодней она, что ни год.
Голод родину-мать посещает,
Возлюбил он родную страну,
Мужичка от полей вынуждает
Уходить — к наковальне, к горни,
На копанье канав, на заводы,
На постройку железных дорог,

А какие приходят доходы
Там ему – это ведает Бог!

Деревеньки такой не найдется
По широкой России родной,
Где б не вырос кулак сам собой...
Словно овод вокруг лошади вьется
На работе тяжелой в полях,
Кулаки наш народ осаждают,
Пятаки из него выжимают
В тихих селах, в глухих деревнях.
Как на нивах хлеба истребляет
Саранча беспощадной ордой,
Так кулак без души разоряет
В нашей родине люд трудовой.
Всюду видит себе он поживу,
Всюду видит заветную цель;
Чтоб купить хлебородную ниву,
Накупить себе новых земель
(Бедняки-горемыки, глядите,
Разевайте пошире, мол, рот!),
Он в любом поземельном кредите
Без труда себе денег найдет.
От деревни степной до столицы,
На судах многоводной реки,
При заборке овса и пшеницы –
Всюду кишка кишат кулаки.
Встретишь их у казенных подрядов,
В созиданье питейных домов,
За хвостом у оленей номадов,
В стороне росомах и бобров.
Встретишь их на спектаклях, гуляньях,
В ресторанах, в грязных кабаках,
И держащих на земских собраньях
Всю судьбу мужика на весах.
Встретишь их на толкучке базарной,
Покупающих сало, зверей,
На работе сапожной, гвоздарной –
Отнимающих труд кустарей;

Есть кулак и в овчинном тулупе,
Есть во фраке, в очках голубых,
Есть в поддевке, в енотовой шубе,
При перчатках, часах золотых...
Есть кулак в допотопной фуражке –
Глотка вся в непечатных словах;
Есть кулак и в кумачной рубашке
С либералью фразой в устах;
Позабывши дневную тревогу,
Скрыв торговлю свою вечерком,
Вот енотовка молится Богу,
Засветивши лампаду пред сном.
Вот в роскошном своем кабинете
За работой согнулись очки,
Сочиняя проект, чтоб на свете
Были сыты всегда мужички.
На челе с либералью думой,
В красной русской рубашке, в пенсне,
Вот кулак и кабатчик угрюмый,
Погрузившийся в Маркса вполне.

Все давало бы повод смеяться,
От души целый век хохотать,
Все мешало б сомненью забраться
В душу – сердце больное сосать,
Но наполнится болью утроба,
На душе появляется дрожь
И какая-то дикая злоба,
Что невольно ты им запоешь:

«Право, с Марксом вы возитесь рано,
Рано стали проекты писать, –
Лучше вам бы читать Еруслана
Да акафистом дух услаждать.
Бьете жен и детей вы отлично,
И гнетете вы их без души,
С мужиков же рукою привычной
Трудовые дерете гроши.
Лучше пить вам баварского кружку,

Чем об истине громко орать;
Лучше вам бы глазеть на Петрушку,
Чем Гамлетом себя баловать...»

Что сказал я? Смсешься невольно
Там, где б нужно рыдать и рыдать;
На душе хотя горько и больно,
Но все это ты должен скрывать.
Бич свой спрячешь на сердце горячем,
В нем навеки его затаишь;
Думу думаешь горькую с плачем,
А со смехом людям говоришь.
Видишь степь пред собой травяную,
А людям говоришь: это лес!
Восхваляешь ты глупость людскую,
Превозносишь ее до небес!
От столиц до глухой деревнюшки,
От портфеля до жалкой сумы,
От палат и до курной лачужки
Лжем искусно, бессовестно мы.
Из-за хлеба-куска подаянья,
Из-за медного только гроша,
Обеспечить себя из желанья –
Гнется словно стальная душа...
Мне нет дела, чужой я хлеб ем ли,
Обираю ль казенный сундук,
Расхищаю ль башкирские земли, –
Лишь концы в воду спрятать бы вдруг.
Дело сделав, займусь я газетой
С чистой совестью, честной душой, –
Прочитаю, что вырублен где-то
Мужиками лесенко чужой.
«Ах, мерзавцы! Ах, воры! – октавой
На царящее зло вопию. –
Кем даны, мол, законы и право,
Чтобы собственность трогать мою!»
Мы на всякую мерзость готовы,
А на добroе дело – нас нет;
Ненавидя свободное слово,

Ненавидим мы истину, свет...
Булюбашей, Гулак-Артемовских,
Митрофанию, честную мать,
Да клевретов лишь может К-вских
Только наша отчизна рождать!
Чужды мы идеальным стремленьям;
Им проснуться в душе не даем,
И усердно другим поколеньям
Мы богатый пример подаем.
Мол, учитесь, глупые дети,
Как должно жить на белом на свете!
Обезличив себя самого,
Пред наживой кривляйте душою,
Не имейте сказать ничего
И идите во всем за толпою;
Капиталец себе сколотить –
Вот высокое, дети, стремленье!
Постарайтесь в себе задушить
Идеалы, любовь, убежденье...
И тогда-то увидите вы
(Не ошиблись отцы – были правы),
В чем достигнуть вы можете славы,
Быть предметом народной молвы...
Дети нас хорошо понимают
(И еще бы! ведь плоть наша, кровь),
Капитальцы нажить не зевают
И ко злату питают любовь.
Все идут по известным дорогам,
По указанным нами тропам, –
Нас самих обогнали во многом...
Да и где нам поспеть, старикам?
Добрались наши дети до сути,
Жизни поняли смысл роковой –
И к наживе, как умные люди,
Устремилися всею душой...
От избытка шикарно рядиться,
Прифронтавшиеся выехать в свет,
По паркету геройски кружиться,
Получать всюду ласку, привет,

Над кокетками делать победы,
Задавать, как Лукуллу, обеды –
Это сладкие в жизни плоды,
Что даются за наши труды!

Видя лжи и обмана примеры,
Из дремучих лесов, из степей
Мужичок подымается серый,
Как медведь из берлоги своей, –
Мало-мальски поучится в школе
И, желаньем нажиться горя,
Оставляет работушку в поле
И идет в торгаши, в писаря.
Кто прошенья строчит, сочиняет,
Кто сидельцем садится в кабак,
Из собрата в глупши выжимает
Трудовой и последний пятак...
Жизнь твоя, пахарь-труженик бедный,
Незавидна, горька, тяжела; –
Много скрыто по селам бесследно
Вопиющего темного зла!
Это зло ты выносишь, могучий,
На своих богатырских плечах;
Вокруг тебя вьются алчные тучи
Мироедов в глупши, в деревнях;
То урядник тебя опивает,
То «чумазый» вконец разоряет,
То кутузкой грозит становой, –
Что невольно от жизни такой
Ты, обув свои ноги в лаптишки,
Со своею простишься избой,
Где остались с женой ребятишки
Биться-маяться с горькой нуждой, –
И пойдешь ты по свету скитаться,
Все исходишь болота, пески, –
Подаянием будешь питаться,
Сходишь в Киев, в Москву, в Соловки...
Право, полный ко знанию стремленья
Должен в скит мужичок уходить,

Чтобы в сердце заглохло сомненье,
Чтобы жажду души утолить.

Что я хнычу? Довольно, довольно!
Что в себе я так долго хранил,
Что на сердце лежало так больно, –
Все в слезах на бумаге излил.
А в лазури небесной, ясна,
Серебрилася ярко луна,
Освещая и дебри лесные,
И луга, и деревни степные.
Много мягких и сладостных грез
Все на душу тебе навевает, –
И в лесу, меж кудрявых берез,
Соловейко-злодей напевает:
«Милый друг, не горюй!
Прочь уныние, прочь!
Можно ль плакать о чем
В эту чудную ночь?..»

1880

ПРИМЕЧАНИЯ АВТОРА. *И с могилою кончатся муки, Как пройдет он тяжелый свой путь* – два стиха Некрасова. «Он духовно навеки почил» – его же. «Милый друг, не горюй! Прочь уныние, прочь! Можно ль плакать о чем В эту чудную ночь?..» – Эти четыре стиха взяты у Алеева.

ПРИМЕЧАНИЯ СОСТАВИТЕЛЯ. Произведение посвящено памяти Н.А. Некрасова (1821–1878), влияние творческой манеры которого отчетливо проявилось в его ритмике и образности (наиболее очевидна связь «Ночных дум» с некрасовскими стихотворениями «Рыцарь на час» и «Размышления у парадного подъезда»). Эпиграф – из повести Н.В. Гоголя «Майская ночь, или Утопленница». *И с могилою кончатся муки, Как пройдет он тяжелый свой путь* – реминисценция из стихотворения Некрасова «Тройка» (1846. – «И склонят в сырую могилу, Как пройдешь ты тяжелый свой путь...»). «Он духовно навеки почил» – неточная цитата из стихотворения Некрасова «Размышления у парадного подъезда» (1858. – «...И духовно навеки почил»). *Песня лешня* – песня лешего. Самарин – Юрий Федорович Самарин (1817–1885), философ, историк и публицист, участник подготовки крестьянской реформы 1861 г., один из идеологов славянофильства и сотрудник газеты «Русь», печатного органа этого направления общественной мысли. «Чумазый» – название крестьянина-кулака, нажившегося на скопке помещичьих земель после отмены крепостного права. *Поземельный кредит* – кредит на приобретение участка земли. *Казенный подряд* – поставка товара или выполнение работы по договору с государством за определенную плату. *Номады* – кочевники (здесь: коренные народности Севера, занимающиеся оленеводством). ... *В стороне росомах и бобров* –

в тайге (росомаха – крупное животное семейства куньих). Земские собрания – собрания земства, уездного или губернского распорядительного органа местного самоуправления. ...На работе... гвоздарной – на кузнечной работе по изготовлению гвоздей. Кумачная рубашка – рубашка из кумача, хлопчатобумажной ткани ярко-красного цвета. Енотовка – здесь: обладатель енотовой шубы. Маркс – Карл Маркс (1818–1883), немецкий мыслитель и общественный деятель, основоположник марксизма, автор работ о фундаментальных законах капиталистического производства. Еруслан – здесь: лубочная книжка о Еруслане Лазаревиче, произведение массовой литературы, рассчитанной на низкопробные вкусы. ...баварского кружку – кружку баварского пива. Петрушка – здесь: персонаж народного кукольного театра. Гамлет – персонаж одноименной трагедии В. Шекспира. Курна лачужска – лачужка без дымохода, отапливаемая по-черному. ...Расхищаю ль башкирские земли – имеются в виду спекуляции с земельными участками в Башкирии, входившей в состав Российской империи. Октавой – здесь: громко. Булюбаш – вероятно, А. Булюбаш, полтавский меценат второй половины XIX в. Гулак-Артемовский – вероятно, Семен Степанович Гулак-Артемовский (1813–1873), певец, композитор и драматург, автор оперы «Запорожец за Дунаем» (1863). Митрофания – игуменья Серпуховского монастыря Митрофания (в миру баронесса П. Г. Розен); обвинялась в подлоге векселей, духовного завещания и вымогательстве денег на постройку монастырей; в 1874 г. была предана суду и приговорена к ссылке в Енисейскую губернию, замененную ссылкой в Ставрополь Кавказский. К-вский – вероятно, писатель и журналист Всеволод Владимирович Крестовский (1840–1895), автор авантюрного романа «Петербургские трущобы» и антинигилистических романов «Панургово стадо» и «Две силы». Лужуул (ок. 117 – ок. 56 до н. э.) – римский полководец, славившийся боеглавством, роскошью и пирами. Сходишь в Киев, в Москву, в Соловки... – Т. е. совершишь паломничество к русским православным святыням. Алеев – сведения об авторе цитированных в конце произведения строк не выявлены.

Николай Бунаков

ЛИТУРГИЯ

В храме песнь звучит торжественно и стройно,
В храме вьется переливный фимиам;
Все вокруг меня и свято и спокойно:
Здесь не место ни пороку, ни страстям.
Вижу: чудно лики праведных сияют
В блеске трепетном лампадного огня...
Вижу: ангелы, как бабочки, порхают,
Их прозрачными крылами осеня...
В алтаре святом, коленопреклоненный,
Пастырь молится Царю земных царей:
Он молитвой призывает задушевной
Духа Божия на жаждущих людей.
Что-то дивное на сердце совершилось,
Новым чувством грудь таинственно полна...
Предстоящая толпа зашевелилась, –
Жарче молится в безмолвии она...
И зыбями фимиам во храме вьется,
И душа полна глубокой тишиной,
А святая песнь торжественнее льется:
Над людьми витает Дух Святой...

1853

ПРИМЕЧАНИЯ. В своих «Записках» автор признавался: стихи написаны «в пору непродолжительного экстаза, овладевшего мною на 16-м году жизни, когда я сделал опыт даже поститься, вовсе не принимая пищи, и ослабел до галлюцинаций: в них сказалось свежее, полудетское чувство, вскоре навсегда мной утраченное». Царь земных царей – Иисус Христос.

САМОДЕРЖАВИЕ

Счастлив народ, спасительно хранимый
Самодержавия могучею рукой:
Он царственный покой блюдет ненарушимо,
Он движим волею властителя одной...
Обрушится ль над ним господний гнев грозою,
Он, верой крепкою, единством полн святым,
Пред Господом падет с покорною мольбою,
Как любящим отцом, царем руководим...
Неправда ль на него в безумии восстанет,
К отеческой стране любовию горя,
Он молнией блеснет, он громом правды грянет,
Послушный голосу родимого царя...
Под сенью тишины спокойно, кротко правит
Самодержавия могучая рука;
Величие его народ в восторге славит;
Об нем нам говорят минувшие века.
Когда в отчаянье народы погибали,
Свободы гибельной мечтой увлечены,
Они ценою бед вновь счастье покупали,
Самодержавием могучим спасены!
Припомните: в стране, где расцвели искусства,
Когда ее постиг неистовый раздор,
Вдруг стали потухать божественные чувства,
Как ясная заря за цепью темных гор...
И греки гордые искали только злата,
Родные племена сражались меж собой,
И грозно восставал в безумье брат на брата,
И глас оратора замолк в толпе пустой.
Отвергнут он толпой, он более не нужен,
Не встретят истину восторги и привет,
И Аполлонов храм таинственный разрушен,
Подкуплен гражданин, вития и поэт...
Тогда явился вдруг приветливый и гордый
Царь Македонии с улыбкой и мечом;
Он Грецию покрыл своей десницей твердой,
И расцвела она опять, как сад, при нем...
Читали мы, как Рим, и грозный и великий,

Непобедимый Рим, в пороках огрубев,
Осуществленная эмблема воли дикой,
Безумно бушевал, как разъяренный лев...
Презрел заветные преданья он надменно,
И сила твердая, как призрак, унеслась...
Гремела дикими восторгами арена,
Безмолвствовал сенат, и кровь лилась, лилась...
В то время с берегов живительного Нила,
Увенчан лаврами побед, предстал герой,
И волю дикую толпа, как сон, забыла,
И перед Августом склонилась головой...
Как гордо вновь тогда расцвел Рим семихолмный,
Как сладкою, отрадной тишиной
Сменился грозный бунт, убийств, смятений полный,
И в светлый сонм богов записан царь-герой.
Давно ли Франция роскошная безумно
Попрала счаствие цветущее свое,
И лютая война по ней промчалась шумно,
И сила Вышнего оставила ее...
Бесплодно истощен междуусобной бранью,
Отчаянный народ в бессилье погибал,
Не веря в счаствие, привыкнувши к страданью,
Он власти, и закон, и веру низвергал!
Но небо сжалось... Как гений-покровитель,
Высоко над толпой восстал Наполеон,
Отец своих дружин и нации спаситель,
Путь новый указал французам к счастью он.
И гибнущий народ, из праха восставая,
Исполненный любви, его благословил
И, под десницею героя расцветая,
Былое счаствие и славу воскресил.
Россию вразумил Всевышний Бог издревле
Вовек властителей своих высоко чтить
И, голосу страстей губительных не внемля,
С любовью крепкою родимый трон хранить.
И Русь великая сильна самодержавьем:
Пусть окружат ее враги со всех сторон,
Она пойдет на них в священном упованье
И грудью защитит царя родного трон!

Жива, сильна в сердцах у русского народа
Любовь к отечеству, надежда на царя,
И солнце ясное двенадцатого года
В надзвездной вышине блестит, огнем горя.
Увидит с трепетом святой России знамя
Победоносное Христа кичливый враг,
Раздастся русский гром, блеснет широко пламя,
И он падет, падет, поверженный во прах!
И воскресится Русь, коварство побеждая,
Самодержавная над миром высоко;
Народ благословит с любовью Николая,
И слава русская отгрянет далеко.

1854

ПРИМЕЧАНИЯ. В пору написания стихотворения автор был учеником гимназии, что отмечалось при публикации текста в «Вологодских губернских ведомостях» (Часть неофициальная. – 1854. – 8 мая. – № 14). Патриотический пафос обусловлен событиями Крымской войны. *Аполлонов храм* – святилище греч. бога солнечного света, покровителя искусств Аполлона в Дельфах; был возведен в VI в. до н. э. и разрушен землетрясением в 373 г. до н. э. Царь Македонии – Филипп II (ок. 382–336 до н. э.), создавший сильную армию, завершивший объединение Македонии и установивший ее господство над Грецией; создал предпосылки для образования мировой державы своего сына Александра Македонского. Август – римский император Октавиан Август (63 до н. э. – 14 н. э.); он завершил гражданские войны, начавшиеся после смерти Цезаря, установил принципат (форму монархии, при которой сохранялись республиканские учреждения); при нем в Риме расцвели науки и искусства. ...в светлый сонм богов записан царь-герой – Август добился признания божественности Цезаря, сам он избегал культовых почестей, но народным сознанием был обожествлен. Давно ли Франция роскошная безумно Попрала счаствие цветущее свое – речь идет о Великой Французской революции 1789–1799 гг. Высоко над толпой восстал Наполеон – генерал Наполеон Бонапарт в 1799 г. совершил государственный переворот, в результате которого стал первым консулом, в 1804 г. он был провозглашен императором Франции и помазан папой Римским на императорский престол. ...солнце ясное двенадцатого года – победа России в войне с наполеоновской Францией. ...Христа кичливый враг – турки, мусульмане по вероисповеданию. Николай – российский император Николай I (1796–1855).

ИЗ ГЕЙНЕ

Ты мертв, невозмутимо тих...
Погас огонь очей твоих,

Румянец уст поблек уныло:
Ты умер, мой ребенок милый...

То ночь была ужасных грез,
Как я тебя к могиле нес...
Уныло соловьи свистали,
И звезды труп сопровождали...

Хор темным лесом проходил
И робко литию творил,
А елки в трауре теснились
И в умилении молились...

Над тихим озером в тени
Кружились эльфы, и они
Вдруг неподвижно над пучиной
Остановились с грустной миной...

Когда пришли к могиле, сам
Спустился с неба месяц к нам
И речь держал... Рыданья, стоны,
И где-то колокола звоны...

1854

ПРИМЕЧАНИЯ. Стихотворение относится к гимназическим опытам Бунакова. Гейне Генрих (1796–1857) – немецкий поэт, в творчестве которого нашли отчетливое выражение как проникновенно лирическое, так и сатирическое начала.

ПАДШИЙ АНГЕЛ *С французского*

Ангелы славят Тебя, Вседержитель,
Но, отчужденный от них, одинок,
Я оставляю святую обитель,
Мыслю от неба далек.

Мрачно чело мое, в сердце тревога,
Больше не стало ни воли, ни сил:

Ту, кому стражем я послан от Бога,
Страстью земной полюбил.

Вечный, возьми мои белые крылья!
Больше блаженства мне нет в небесах:
Радость бессмертия похоронил я
В черных блестящих глазах.

Грусть безотрадную в душу вливая,
Страсть погубила блаженство мое...
Милая, все бы, любя и страдая,
Отдал за сердце твое.

Страстью объятый, в позоре паденья,
Я оставляю архангельский сонм,
Жизни небесной святые виденья
Скрылись навеки, как сон.

Трепетный, бледный, найду ль утешенье,
Ласковый встретив очей ее взор?..
Горе мне, горе, — и в них лишь презренье
Вижу, как грозный укор.

1854

ПРИМЕЧАНИЕ. В пору написания этого произведения автор учился в Вологодской гимназии. В его «Записках» первоисточник охарактеризован следующим образом: «стихотворение неизвестного мне французского поэта, почему-то произшедшее на меня большое впечатление».

ПРИХОД ЗИМЫ

Природа замерла, и в час ночной Всеышний
Облек ее в покров блестательный и пышный.
В сиянье лунного холодного луча,
Весь в искрах, блещет он — нарядная парча.
Но в пышной красоте природа так печально
Безмолвствует... Увы, покров тот погребальный!
Наутро солнышко явилось без лучей

И скоро спряталось за белою горою,
Как будто бы взошло проститься лишь с землею...
И ветер загудел средь дремлющих полей,
И похоронный гимн запел земле унылой,
Как сумрачный монах над новою могилой...

1856

АЛЬПИЙСКИЙ РОЖОК

Из Кёрнера

Вот звучит рожок-волшебник по альпийским высотам...
Там как будто мир особый, мир соседний небесам.
Облака, цветы иные в той волшебной стороне;
Но и там любовь и мука те же самые при мне.
Я на горные вершины от любви своей бегу,
Но и там твой образ дивный позабыть я не могу...
Скорбью звуки в сердце льются... Тщетно счастье и покой
От тебя ишу далеко: мое счастье лишь с тобой...

1856

ПРИМЕЧАНИЕ. *Кёрнер* Теодор (1791–1813) – немецкий поэт.

В ХРАМЕ

Вхожу я в храм. И пол и своды грязны.
Тяжелый запах веет от лампад.
На образах все лики безобразны:
Огромные глаза навыкате глядят.
На клиросе заголосил невнятно,
Неистово, как давленый, дьячок.
Выходит поп вполпьяна, неопрятный,
И Бог весть что, гнуся, хрюпя, изрек.
И вяло он в святой алтарь вступает,
И дерзко он все тою же рукой
Нос табаком с азартом заряжает
И к чаше прикасается святой.

И, чужды небесам, стоят народа сонмы,
Зеванье, смех и болтовня кругом...
О, Боже! где ж Твои карающие громы,
Поправшие Гоморру и Содом?
Так вот наследники апостольского чина,
Служители святого алтаря!
Вот Православия российского пучина,
Которым мы так хвастаемся зря!

1857

ПРИМЕЧАНИЯ. Стихотворение написано Бунаковым во время его учительства в г. Кадникове. Доминирующее в нем настроение прокомментировано автором так: «Поэзия исчезла из моей жизни, и единственное стихотворение, которое сохранилось в моей памяти от этого времени, носит на себе печать того прозаического ощущения, которое тогда быстро разлилось по Русской земле, которое заразило и меня». *Гоморра и Содом* – в Библии города, уничтоженные Богом за распутство их жителей (Бытие, гл. 19).

ИМЕНИННИКУ-ТОВАРИЩУ

Уходящие годины
Нашей жизни молодой
Провожая в именины,
Мы пируем всей душой.
И, бывало, не жалея,
Мы поем: лети скорее,
Жизнь, своею чередой!..
Жизнь летит – и мы увянем...
Чем же молодость помянем
Мы, товарищ дорогой?
Подневольною работой
Да погоней за рублем?
Надоедливой заботой
О питании дневном?
Неисполненным желаньем
Да напрасным ожиданьем,
Да разбитою мечтой?
Жизнь летит – и мы увянем...
Чем же молодость помянем

Мы, товарищ дорогой?
Стариком холодным, хилым
Грустно юность вспомянешь;
Пробежит ли вдруг по жилам
Электрическая дрожь?
Ты работал ли свободно?
Рисковал ли благородно?
Знал ли счастья сладкий зной?
Жизнь летит — и мы увянем...
Чем же молодость помянем
Мы, товарищ дорогой?

1860

ПРИМЕЧАНИЕ. Посвящено М.А. Нагорскому, другу юности поэта.

ПЕРВЫЙ ПСАЛОМ ЦАРЯ ДАВИДА

Хорошо тому, кто смело
От распутных прочно бежит
И кого ни злое дело,
Ни разврат не соблазнит;
Кто свершает путь тернистый
Правды, чести и труда,
Человека образ чистый
Не пятная никогда.
Будет он что сад, растущий
У истока свежих вод,
В изобилии цветущий,
Приносящий многий плод;
Он прекрасные мечтанья
В дело жизни претворит!
Он благие начинанья
К общей пользе довершит.

Но жестоко посрамятся
Все, живущие в грехах:
Их деянья разлетятся,
Как от ветра легкий прах.

Воцарится над землею
Божья правда, честных щит,
И могущею рукою
Нечестивцев сокрушит!

*с. Петино.
1886 г. Апреля 30.*

ПРИМЕЧАНИЯ. Поэтическая вариация на темы книги «Псалтырь», сборника псалмов, произведений духовной лирики, восходящих к царю Давиду (ок. 1000 до н. э.) и включенных в состав Библии. Текст псалма 1: «Блажен муж, который не ходит в совет нечестивых и не стоит на пути грешных, и не сидит в собрании развратителей; но в законе Господа воля его, и о законе Его размышляет он день и ночь! И будет он как дерево, посаженное при потоках вод, которое приносит плод свой во время свое, и лист которого не вянет; и во всем, что он ни делает, успеет. Не так – нечестивые; но они – как прах, взметаемый ветром. Потому не устоят нечестивые на суде, и грешники – в собрании праведных. Ибо знает Господь путь праведных, а путь нечестивых погибнет». *Петино* – село в Воронежской губернии, где Бунаков учительствовал в школе, построенной им на собственные средства для бесплатного обучения крестьянских детей.

ТРИНАДЦАТЫЙ ПСАЛОМ ЦАРЯ ДАВИДА

Напрасно безумец твердит, что нет Бога:
Бог в правде, в любви и в святом идеале.
Вела к Нему прежде прямая дорога,
Но люди в потемках ее потеряли.

В погоне за благами жизни – сознанье,
Что правда, что ложь, извелось и пропало,
Позорное всюду звучит величанье
Бездушных кумиров – и Бога не стало...

Стремятся к наживе да к почестям люди,
Корысть да тщеславие их обуяло,
Лишь злоба да зависть волнует их груди,
Вражда воцарилась – и Бога не стало...

И все озверели в разгаре стяжанья,
Нет светоча жизни – уж нет идеала,
О счастии общем былые мечтанья
Закиданы грязью – и Бога не стало.

Нет, жив Он для смелых, чья воля благая
Все прелести жизни отдаст без печали,
Чтоб с ложью бороться, любя и страдая:
Бог в правде, в любви и в святом идеале!

1896

ПРИМЕЧАНИЕ. Текст псалма 13: «Сказал безумец в сердце своем: “нет Бога”. Они развратились, совершили гнусные дела; нет делающего добро. Господь с небес призрел на сынов человеческих, чтобы видеть, есть ли разумеющий, ищущий Бога. Все уклонились, сделались равно непотребными; нет делающего добро, нет ни одного. Неужели не вразумятся все делающие беззаконие, съедающие народ мой, как едят хлеб, и не призывающие Господа? Там убоятся они страха, ибо Бог в роде праведных. Вы посмеялись над мыслию нищего, что Господь упование его. “Кто даст с Сиона спасение Израилю!” Когда Господь возвратит пленение народа Своего, тогда возрадуется Иаков и возвеселится Израиль».

ДЕВЯНОСТО ТРЕТИЙ ПСАЛОМ ЦАРЯ ДАВИДА

1

Явись, о грозный Бог отмщенья,
Спаси порабощенный край,
Гордыню зла – без сожаленья
Суди, карай!

Довольно себялюбцам лживым
Святую правду попирать,
Довольно злым и нечестивым
Торжествовать!

Бесстыдных хищников ватага
Поработила Твой народ,
Себе взяла все жизни блага,
Власть и почет.

Разврата баловни, сурово
Живую мысль, свободный труд

И независимое слово
Они гнетут.

Гордясь сомнительным успехом,
Протеста шепот, дальний гром,
Они встречают грубым смехом
И кулаком...

2

И возглашают вслух они, жрецы порока:
«Исчез, погас предвечной правды свет!
Над нами больше нет всевидящего ока,
Карающего Бога нет!»

Безумцы жалкие! Ваш разум ослепляет
Невежество и обаянье зла:
Господь, Бог правды, жив всевидящий! Он знает
Все ваши мысли и дела!

Блажен, кто следует божественным законам:
Под гнетом зла Господь его хранит,
Пока нечестие, в разгуле исступленном,
Само себя не поразит.

Он правду утвердит на белом свете снова,
Поддержит Он забитых бедняков;
Их мысль, живую мысль, и руки их, и слово
Освободит Он от оков.

А вас Он поразит, могучий Бог отмщенья;
Вас, хищники, утратившие стыд,
За беззакония, за злые преступления
Он беспощадно истребит!

1896

ПРИМЕЧАНИЕ. Текст псалма 93: «Боже отмщений, Господи, Боже отмщений, яви Себя! Восстань, Судия земли, воздай возмездие гордым. Доколе,

Господи, нечестивые, доколе нечестивые торжествовать будут? Они изрыгают дерзкие речи; величаются все, делающие беззаконие. Попирают народ Твой, Господи, угнетают наследие Твое. Вдову и пришельца убивают, и сирот умерщвляют, и говорят: “не увидит Господь, и не узнает Бог Иаковлев”. Образумьтесь, бессмысленные люди! когда вы будете умны, невежды? Насадивший ухо не услышит ли? и образовавший глаз не увидит ли? Вразумляющий народы неужели не обличит, – Тот, кто учит человека разумению? Господь знает мысли человеческие, что они суетны. Блажен человек, которого вразумляешь Ты, Господи, и наставляешь законом Твоим, чтобы дать ему покой в бедственные дни, доколе нечестивому выроется яма! Ибо не отринет Господь народа Своего и не оставит наследия Своего. Ибо суд возвратится к правде, и за ним последуют все правые сердцем. Кто восстанет за меня против злодеев? кто станет за меня против делающих беззаконие? Если бы не Господь был мне помощником, вскоре вселилась бы душа моя в страну молчания. Когда я говорил: “колеблется нога моя”, – мильость Твоя, Господи, поддерживала меня. При умножении скорбей моих в сердце моем, утешения Твои услаждают душу мою. Станет ли близ Тебя седалище губителей, умышляющих насилие вопреки закону? Толпою устремляются они на душу праведника, и осуждают кровь неповинную. Но Господь – защита моя, и Бог мой – твердыня убежища моего. И обратит на них беззаконие их, и злодейством их истребит их, истребит их Господь Бог наш».

СТО ТРЕТИЙ ПСАЛОМ ЦАРЯ ДАВИДА

Благослови Творца вселенной,
Душа моя, Его воспой!..
Велик Ты, Боже, Несравненный,
Господь, облекся ты красой.

Одетый светом, из лазури
Раскинул небо, как шатер;
На облаках, на крыльях бури
Ты превознесся выше гор.

На тяге землю утвердил Ты, –
Не поколеблется вовек,
И воздухом ее повил Ты,
И всю изрезал сетью рек.

Ты повелел – и воды льются:
Твоих велений внемля гром,
То легким паром вверх несутся,
То долу падают дождем.

Вода лилась, вода шумела,
Но Ты ей положил предел,
И дальше этого предела
Не разливаться повелел.

Смирясь, вода в ключах прохладных
Журчит в долинах и горах,
Поит зверей, и травоядных,
И птиц, поющих на ветвях.

По слову Твоему, от века
Трава пестреет на лугах,
И злак, на пользу человека,
Колосья клонит на полях.

И человек встает сильнее,
Вкусив от хлеба после сна,
Лицо блистаєт от елея,
Бодрее сердце от вина.

Ты кедру повелел стремиться
Главой к небесной вышине;
На кедре том орел гнездится,
И белый аист на сосне.

Там вихрем мчится быстроногий
Олень на горных крутизнах;
Там заяц прячется убогий
Между каменьями в кустах.

Ты сотворил луну премудро
Для показания времен:
Взойдет – и солнышко до утра
Скрывается за небосклон.

Падет на землю тьма ночная,
Выходят звери из берлог,
И львы рыкают, ожидая,
Какую пищу даст им Бог.

Восходит солнце, золотятся
Его лучами небеса, —
В берлоги хищники ложатся,
Звучат пернатых голоса.

И человек, покинув ложе,
Выходит на труды свои...
Как многочисленны, о Боже,
Дела премудрости Твои!

Морей безбрежные пучины
Ты населил, Ты жизнь им дал:
Играют жадные дельфины,
Корабль бежит, растет коралл...

И все живое ожидает
Твоих, о Господи, щедрот:
Дохнешь Ты — жизнь кругом играет,
Ты отвернешься — все умрет...

Все твари Господом живятся...
Он взглянет — и земля дрожит,
Коснется гор — оне дымятся,
Речет — и море закипит...

Его твореньем восхищенный,
Всю жизнь я буду петь Творца:
Прими, Господь мой, благосклонно
Хваленье Твоего певца!

Исчезните с земли смиренно,
Вы — нечестивцы, дети зла!
Благослови Творца вселенной,
Душа моя! Ему хвала!

1896

ПРИМЕЧАНИЯ. По свидетельству Бунакова, произведение хронологически предшествовало созданию им цикла переложений псалмов. Он писал: «Работа над этим псалмом остановила мое внимание на “Псалтыре” вообще, и я нашел в этой

книге массу поэтических произведений, которые прекрасны не только сами по себе, как эхо и отражение отдаленного времени, но и по живому отношению к недалекой и даже теперешней современности, с ее идейным содержанием и душевным настроением, и я решил не останавливаться на 103 псалме. Многие другие песнопения Давида, при недостатке личной творческой силы, дают мне готовые образы для выражения моих личных настроений как живого человека переживаемого на ми времени. Вероятнее всего, что получится ряд заурядных стихотворений, ценных только для меня, но все же... хоть не "декадентских". Текст псалма 103: «Благослови, душа моя, Господа! Господи, Боже мой! Ты дивно велик, Ты облечен славою и величием. Ты одеваешься светом, как ризою, простираешь небеса, как шатер; устрояешь над водами горние чертоги Твои, делаешь облака Твою колесницу, шествуешь на крыльях ветра. Ты творишь ангелами Твоими духов, служителями Твоими — огнь пылающий. Ты поставил землю на твердых основах: не поколебляется она во веки и веки. Бездою, как одеянием, покрыл Ты ее; на горах стоят воды. От прещения Твоего бегут они, от гласа грома твоего быстро уходят. Восходят на горы, нисходят в долины, на место, которое Ты назначил для них. Ты положил предел, которого не прейдут, и не возвратятся покрыть землю. Ты послал источники в долины: между горами текут, поят всех полевых зверей; дикие ослы утоляют жажду свою. При них обитают птицы небесные, из среды ветвей издают голос. Ты напояешь горы с высот Твоих, плодами дел Твоих насыщается земля. Ты произрашашь траву для скота, и зелень на пользу человека, чтобы произвест из земли пищу и вино, которое веселит сердце человека, и елей, от которого блестает лицо его, и хлеб, который укрепляет сердце человека. Насыщаются древа Господа, кедры Ливанские, которые Он насадил. На них гнездятся птицы: ели — жилище аисту, высокие горы — сирнам, каменные утесы — убежище зайцам. Он сотворил луну для указания времен; солнце знает свой запад. Ты простираешь тьму, и бывает ночь: во время ее бродят все лесные звери; львы рыкают о добыче и просят у Бога пищу себе. Восходит солнце, и они собираются и ложатся в свои логовища. Выходит человек на дело свое и на работу свою до вечера. Как многочисленны дела Твои, Господи! Все сделал Ты премудро; земля полна произведений Твоих. Это море — великое и пространное: там пресмыкающиеся, которым нет числа, животные малые с большими. Там плавают корабли, там этот левиафан, которого Ты сотворил играть в нем. Все они от Тебя ожидают, чтобы Ты дал им пищу их в свое время. Даешь им — принимают; отверзаешь руку Твою — насыщаются благом. Сокроешь лицо Твое — мятутся; отнимешь дух их — умирают, и в персть своюозвращаются. Пошлешь дух Твой — созидаются, и Ты обновляешь лицо земли. Да будет Господу слава во веки; да веселится Господь о делах Своих! Призирает на землю, и она трясеется; прикасается к горам, и дымятся. Буду петь Господу во всю жизнь мою, буду петь Богу моему, доколе есмь. Да будет благоприятна Ему песнь моя; буду веселиться о Господе. Да исчезнут грешники с земли, и беззаконных да не будет более. Благослови, душа моя, Господа! Аллилуя!». Тяга — здесь: центр тяжести.

Николай Александрович Иваницкий

РОДНАЯ ДОЛИНА

Цветут цветы в родной долине;
Не для меня они цветут;
И птицы весные поют,
Но голоса их не дойдут
До слуха друга на чужбине.

Родные там томятся очи.
С каким вниманием они,
Припоминая счастья дни,
Тоской мучительной полны,
Глядят в туман прозрачной ночи.

Не плачьте! Жизнь еще пред нами.
А с вами я мечтой своей
Живу, брожу среди полей,
Я слышу звук родных речей,
Сижу, невидимый, меж вами.

* * *

В окна застывшие смотрит угрюмая
Темно-морозная ночь;
Боли глубокой, навеянной думами,
Я не могу превозмочь.

Пала на долю мне жизнь одинокая,
Грусти тяжелое бремя;

Вспомнил невольно я время далекое,
В вечность ушедшее время.

Образы светлые, речи веселые,
Юности чудные грезы!
Рано сменили вас думы тяжелые,
Залили горькие слезы.

Утро подымется ярко-отрадное,
Сумрак прогонит ночной;
В сумрака царство, о ночь непроглядная,
Я улетел бы с тобой!

1869

ПРИМЕЧАНИЕ. В рукописном сборнике, составленном Иваницким в 1888 г., к тексту стихотворения сделана сноска: «Положено на музыку Макаровым под названием “Пала на долю мне жизнь одинокая”».

* * *

Мороз, и мрак, и тишина
Над бедным, сонным городишкой;
Свеча мелькает лишь одна
В окне углового домишка.
Тот домик – тихий мой приют;
Свет – в комнате моей убогой.
И долго жил, и думал много,
И перечувствовал я тут.

Как часто, просидев весь день
Один над книгами своими,
Когда спускалась ночи тень,
Томимый думами глухими,
Я на дорогу выходил,
И долго, долго в ожиданье
Ночные звуки я ловил.
Полна горячего желанья,
Душа летела в край иной,

Вослед тому, кого напрасно
Я ждал к себе с такою страстной,
С такой мучительной тоской.

Теперь все то же. Та же келья
И те же книги предо мной,
Но тот один, кто мог веселье
Внести ко мне душой живой, –
Он за далекими морями,
Как я, быть может, со слезами
Глядит, тоскуя, на восток
И ждет желанного рассвета,
Как ждет лучей дневного света
В ночи раскрывшийся цветок.

ПРИМЕЧАНИЕ. В «Записках» Иваницкий так рассказывал о состоянии одиночества, владевшем им во время пребывания в Тотьме на правах ссыльного: «Когда наступали сумерки, то делались приступы тоски, иногда до того тяжелые, что я плакал. Эти переходы от света к мраку и утром от мрака к свету я вообще никогда не любил и впоследствии принял за правило избегать их по возможности: как только садилось солнце, я спускал шторы и зажигал огонь, а утром сидел с огнем до полного рассвета».

* * *

Н.А. Г – т

Ты говоришь: «Как пленный лев,
Я чахну медленно в неволе,
А если б вырваться я мог,
То гибель ждет меня и в поле».

Во-первых, вовсе ты не лев
И добровольно здесь томишься,
А если в поле не бежишь,
То потому, что львов боишься.

1870

ПРИМЕЧАНИЕ. Посвящено ссыльному Н.А. Гернету, бывшему студенту Петровской академии в Москве, с которым автор стихотворения подружился в Тотьме.

ПО ПРОЧТЕНИИ Я.П. ПОЛОНСКОГО

Твои стихи – как озеро пресное,
Раскинулись в песчаных берегах.
Бредешь, бредешь, и плоская мыслишка
Мелькнет порой, как рыбка на волнах.
А где поглубже, там между камнями
Зеленый рак грозит тебе клешнями.

ПРИМЕЧАНИЕ. Полонский Яков Петрович (1819–1898) – поэт и прозаик, автор популярных лирических стихов, положенных на музыку и ставших народными песнями.

* * *

Бедняк в изгнанье умирал
От тягостной душевной раны;
Сверчок отходную читал,
А отпевали тараканы.

За гробом пес скакал хромой,
Над гробом слов не говорили,
И только кошки в ночь гурьбой
Поминки слезные творили.

<1871>

ПЕСНЯ НИЩЕГО

Блажен, кто в жизни никогда
В лакеях не служил,
Кто ничего ни у кого
Не брал и не просил,

Кто заработать мог кусок
В углу своем один
И был судьбы своей всегда
И жизни господин.

Блажен ты, нищий человек!
Спокойно ты живешь;
Тебе не страшен гнев людской,
И что с тебя возьмешь?

Одну лишь жизнь? Но что за жизнь –
Ряд долгих, скучных дней!
Я нищий сам, и, право, мне
Не жаль расстаться с ней.

Мне все равно – проснусь ли я
Назавтра или нет,
И не могу понять, зачем
Родимся мы на свет.

СТЕПНОЙ ОГОНЕК

Видал ли ты в степи глухой
Порою бурною ночной
Вдали дрожащий огонек?
Твой скучен путь и одинок,
И, как в степи, в душе твоей
Холодный сумрак зимних дней.
Но тот далекий, тусклый свет
Отрадный шлет тебе привет.
Следишь за ним с надеждой ты,
И роем светлые мечты
В душе проносятся твоей:
Ты там опять найдешь людей,
От ветра бурного приют,
Покой и сон тебя там ждут.
Но, между тем, средь темноты
Давно с дороги сбылся ты;

К оврагу дикому привлек
Тебя коварный огонек,
И кони выбились из сил;
И ты невольно порешил
В степи угрюмой ночевать
И терпеливо утра ждать.
Сильней холодный ветр шумит;
Тоска сильней тебя томит;
И так же бледен и далек
Горит приветный огонек.

1872

ОТРЫВОК

Река изгнанья – Сухона. Она,
Однако ж, без сомнения, прекрасна:
То меж холмов спокойная волна
Чарует взор, то между гор опасный
Порог шумит, и внемлет глубина
Ему лесов сосновых; то обитель
В лучах вечерних изумленный зритель
Перед собою видит, как сквозь сон,
И за стеной высокой слышит он
Призывные, таинственные звуки,
Понятные его душевной муке.

То – деревенька красная глядит
С высот крутых на волны голубые;
То – водопад в расселине шумит;
То, – спрятавшись за сосны вековые,
Рыбацкая избушка точно спит.
То – мирные, то – грозные картины!
Дивуешься на камни-исполины,
Что здесь и там на берегу лежат
Иль из воды, как чудища, глядят.

Вода меж ними и кипит и вьстся,
И горе судну, коль на них наткнется.

То – островов зеленых светлый ряд,
Прибежище пугливой водной птицы;
Здесь голоса и день и ночь гремят;
И люди не зайдут сюда, убийцы,
И мирных гнезд ее не разорят.

.....

Здесь полукругом высится стена,
К реке обрывом страшным упадая;
Под ней летит и пенится волна,
«Святую» гору круто огибая.
Взяла тут много жизней глубина,
И много тут стихии грозной сила
Судов больших и малых сокрушила.
Дном золотым Опоки прозвались
У жителей окрестных. Разжились
Они на счет несчастия другого;
Ученье это, кажется, не ново.

ПРИМЕЧАНИЯ. *Опоки* (Опока) – крутая излучина в нижнем течении Сухоны, опасная для судоходства. Эту природную достопримечательность Вологодского края дважды описал в своей «Автобиографии» дядя поэта, Н.И. Иваницкий. В начале 1820-х гг., будучи ребенком, он проезжал Опоки на речном судне, которое тащили шедшие по берегу лошади: «Как теперь вижу эту ужасную скалу, нависшую над водою; река делает кругой поворот кругом этой скалы и между каменистыми порогами образует опасные водовороты. Мы въехали в это место в ясный воскресный день, кажется, около вечерен, – и вдруг лошади, которые шли в лямках по узкой дорожке, под навесом скалы, упали на колени, потому что судно силою водоворота потянуло назад; работники едва могли ладить с рулем; хозяин – молодой человек и, как видно, довольно малодушный, совершенно растерялся; он встал на колени на палубе и молил о помощи. Маменька моя, как женщина, тоже очень струсила. Она держала на руках маленького моего брата и горько плакала. Женщина, которая была с нами, держала меньшую мою сестру, а старший брат, я и покойная сестра стояли кругом их и с любопытством смотрели на эту суматоху. Впрочем, тут шутки плохие: мы действительно были в большой опасности. К счастию, в деревне, находящейся на противоположном берегу реки, было гулянье. Много мужиков приехало оттуда в лодках; они пристегнулись к бичеве, и судно благополучно вышло из опасности. Помню также, что один мужик был очень пьян: он беспрерывно падал и шумел, как будто от него зависело наше спасение». Впечатления от Опок взрослого человека описаны Н.И. Иваницким так: «Окрестности превосходны: оба берега Сухоны круты и высоки; на них шумит густой лес. Есть много местоположений живописных... В горах как-то лучше дышишь: сердце

лучше понимает природу. Есть много таких гор, на которых и сосны представляются с реки кустарником. В Опоке припомнил старину, как мы тонули с лишком 20 лет назад. Только место это совершенно не в таком виде осталось у меня в памяти. Скала саженей 15 вышины образует не выпуклую, а вогнутую дугу — здесь тонули мы; а подле нее — так называемая Медвежья гора. Она образует выпуклую гору; она вдвое выше скалы. На противоположном берегу такая же гора, называемая Порогом».

НА СУХОНЕ

Глядится полночь голубая
Ко мне в открытое окно;
В лесах, над тихою рекою,
Безмолвно, пусто и темно.

Лишь там, за красными горами,
Вдруг что-то глохно застучит,
В лесах откликается, и снова
Все страшно-тягостно молчит.

Но вот опять... и вырастает,
Гудет, грохочет над водой...
Я подымаюсь в изумленье, —
То пароход идет большой.

Река шумит и набегает
На берег, и о камни бьет;
Рыбак, сосед мой, пробудившись,
Бормочет: «Дьявола несет!».

ПОЛДЕНЬ

На склоне берега крутого
Стоит избушка рыбака;
Пред нею быстро, горделиво
Катится светлая река.

В лесу зеленом — песня птицы;
В ложбине — ропот ручейка,

А надо всем покров лазурный
И белой стаей облака.

Бежит членок; пловец в нем дремлет,
Полдневный жар его томит;
С сосны кривой большая птица
За ним внимательно следит.

Замолкла песня. Лес зеленый
Не шелохнется; лишь ручей
Один журчит неугомонно
Волной холодною своей.

НА БЕРЕГУ КУБЕНСКОГО ОЗЕРА

Садилось солнце за холмами,
А между их, чаруя взор,
Открылось озеро пред нами,
Как синий бархатный ковер.

И там, где волны голубые
Сливались с небом золотым,
В неясных очерках, как дым,
Белели стены вековые.

Они, казалось, упливали
И нас манили за собой
Под тихий свой приют святой
Из мира скорби и печали.

1875

ПРИМЕЧАНИЕ. ...белели стены вековые – стены Спасо-Каменного монастыря на острове Кубенского озера.

ИЗ ЭЙХЕНДОРФА

Твой образ чистый, ясный
В душе моей сокрыт;

Он светлыми очами
В лицо мое глядит.
Родится в сердце песня
И в даль из уст моих
Летит к тебе, малютка,
На крыльях золотых.

<1879>

ПРИМЕЧАНИЕ. Эйхендорф Йозеф фон (1788–1857) – немецкий писатель-романтик.

ИЗ МУРА

Прочь, прочь возьмите кубок,
Хоть и сверкает он.
Былых годов веселья
Он поднял чудный сон.
Он помрачил мне очи,
Слезами увлажнил,
Я образ в нем увидел,
Что некогда любил.

Припомню с каплей каждой
Друзей я дорогих;
Блеснут глаза усопших,
Зардеют губы их.
И если все я вспомню,
Что в жизни потерял,
Покажется мне полон
Слезами мой бокал.

ПРИМЕЧАНИЕ. *Mur* Томас (1779–1852) – ирландский поэт.

ИЗ РЮККЕРТА

Новорожденное дитя,
Вступая в мир, кричит и плачет,

Как будто знает наперед,
Что жить – не радоваться значит,
Как будто зная, что ему
Здесь, на земле, всю жизнь придется
И ненавидеть, и скорбеть,
Что сердце рано разобьется.

ПРИМЕЧАНИЕ. *Рюккерт* Фридрих (1788–1866) – немецкий поэт.

ИЗ ГЕЙНЕ

Что гнусно ты так поступила,
О том пред людьми я молчал,
Но вышел на синее море
И рыбам там все рассказал.

Я доброе имя оставил
Тебе на земле меж людей,
Зато уж во всех океанах
О низости знают твоей.

ПРИМЕЧАНИЕ. *Гейне* – см. примеч. к стих. Н. Бунакова «Из Гейне».

В ДОРОГЕ

1. Утро

Тонкий снежок на полях помертвелых;
Лужи прозрачным подернуты льдом;
Даль утопает в тумане холодном,
Мертво, и глухо, и пусто кругом.
Вьется дымок над деревней убогой;
Колокол где-то далеко гудит;
Длинный обоз по разбитой дороге
Тянется вяло, скрипит и стучит.

*Кокошилово
7 ноября*

2. В сумерках

О, где ты теперь, мой случайный,
Мой милый, мой ветреный друг?
Как свет полуночной зарницы,
Блеснул и исчезнул ты вдруг.
Бываю же люди такие,
Что самые слабости их
Для нас несравненно дороже
Высоких достоинств других!

*Кокошилово
7 ноября*

3. Ночь

Ночь зимняя, морозная;
Давно деревня спит.
Чу! колокольчик слышится,
В холодной мгле звенит.
Звенит и приближается...
И чудится, что вот –
Широко дверь отворится,
Желанный гость войдет;
Войдет с румяным лицом,
С кудрявой головой,
С приветливой улыбкою,
С горячею рукой.
И взглянут очи черные
Любовно и светло,
Обнимут руки верные
И крепко и тепло.
Польется речь веселая,
Раздастся смех живой;
Тоску и мрак сомнения
Все снимет, как рукой.
Мелькнули тени черные
И – мимо. Звон лихой

Теперь все тише слышится
И тонет в тьме ночной.

Гробцово
11 ноября

4. Вечер

За рекой унылый колокол
Возвещает поздний час;
Стар и млад – все спят давно уже,
Мой же сон бежит от глаз.
Спите, добрые! Минувшее
Вам не тяжко вспомянуть.
Вы живете, как былиночки,
Настоящим только днем
И сойдете в мрак ничтожества,
Не жалея о былом.
Говорят, что философию
Надо вашу перенять;
Трудовою жить минутою,
Не жалеть и не желать.
Если, в самом деле, счаствие
В простоте заключено,
Почему же вам, философам,
Не принять ее давно?
Невозможно стать философом
Мужику в один прием;
А философу бы, кажется,
Стать нетрудно мужиком?
Нет! и от избы крестьянина
Счастье тоже далеко.
Трудно жить всему живущему,
Философствовать легко.

Попчиха
12 ноября

5. Мотив

Едем мы долго, и лес понемногу чернеет.
Крадутся сумерки тихо, как старость седая.
Небо над лесом висит полосою свинцовой;
Вокруг же безмолвье такое, что кажется, будто
Кроме тебя никого не осталось в мире,
Кажется, лесу не будет конца и утонет
В сумраке самая жизнь незаметно и тихо.

*19 ноября 1886 года
Село Новое*

ПРИМЕЧАНИЕ. Цикл был опубликован в газете «Вологодский листок» после смерти автора в январе 1913 г. В рукописный сборник, составленный Иваницким в 1888 г., включены как самостоятельные тексты двух стихотворений этого цикла: «Ночь» под названием «В деревне» и с разбивкой на четверостишия, а также «Мотив» (оба датированы 1887 г.). *Гробцово* – возможно, ошибка в написании (следует читать «Грибцово»).

НА ПЕЧОРЕ

Вот желанная пустыня,
Вот дремучие леса,
Ширь и гладь реки безлюдной
И иные небеса!

Блещут снежные вершины
Недоступных, дальних гор;
Ах, на них налюбоваться
Никогда не может взор!

Вон за рощею кедровой
Струйкой синей всходит дым:
Там рыбак в своей землянке
Обитает нелюдим.

Стонут серые гагары
Над равниной водяной,

Нам назавтра предвещая
Дождь и ветер ледяной.

Вот и жаль угла родного!
Он опять в мечте живой,
Как вершина сугробовая,
Блещет чудной красотой.

Он, как Тэлпоз, чист и светел,
Там тепло и ясны дни,
Как на Тэлпозе, живут там
Духи добрые одни.

1888

ПРИМЕЧАНИЯ. *Печора* – река на северо-востоке Европейской части России. *Тэлпоз* – Тэлпоз-Из (Непу-бы-Нер), самая высокая гора Северного Урала (высота 1617 м).

* * *

Я.К. Гrotу

«Минутный призрак – жизнь земная».
Но тот велик тем боле был,
Кто своему родному краю
Минуту эту посвятил,
Кто жизнь свою лишь понимает
Как жизнь упорного труда,
И чья минута оставляет
Следы на долгие годы.

1892 (?)

ПРИМЕЧАНИЕ. *Гrot Яков Карлович* (1812–1893) – языковед, историк литературы, переводчик и поэт, академик Петербургской Академии наук. Первая строка – цитирование начальных слов его стихотворения, произведшего сильное впечатление на Иваницкого еще в детстве. Пересыпая свое произведение адресату, Иваницкий писал: «Оно, может быть, не так красиво по форме, но написано от души и выражает мое искреннее убеждение».

* * *

Слезы горячие, слезы святые твои!
В ночи бессонные много их, много лился.
Их никому на земле осушить не пришлось:
Были у каждого горе и слезы свои.

Я им не верил, смеялся над ними порой,
Жалкий, не зная, что скоро тебя я утрачу.
Ныне в бессонные ночи, томимый тоской,
Слез тех следы, как святыню, целую и плачу.

<1897>

ПРИМЕЧАНИЕ. Лирический адресат стихотворения не установлен. Приводя этот текст во вступительной статье к собранию фольклорных материалов Иванецкого, Н.В. Новиков выражал сожаление, что при публикации его «Записок» в журнале «Север» в 1923 г. редакция «сочла необходимым исключить из них все то, что представляло, как она указывала, «узкосемейный интерес», лишив таким образом читателей и исследователей возможности ознакомиться с некоторыми, быть может, существенными сторонами биографии поэта». В настоящее время полный вариант «Записок» считается утраченным.

ВЕЧЕРНИЙ КОЛОКОЛ

Из грустной мглы уединенья,
В себе лелея мысль одну,
Я на крылах воображенья
Лечу в знакомую страну.

Лазурью кроткою и ясной
Над ней простерлись небеса;
Такой мелодией прекрасной
Шумят зеленые леса.

Там над рекой с горы высокой
Вечерний колокол гудит;
Душе больной и одинокой
Как много звук тот говорит!

Промчится жизнь, и я, усталый,
Давно в могиле буду спать,
А в час вечерний в церкви старой
Все будет колокол звучать.

О, помяни, страна родная,
Того, кто верною душой,
Всю жизнь, участия не зная,
Трудился для тебя одной.

<1897>

* * *

Любимый уголок страны моей родной!
Как часто по тебе я плачу на чужбине!
Как часто я во сне и наяву мечтой
Переношусь к моей оставленной святыне.
За бедность горькую тебя я полюбил,
За то, что ты пригрел меня во дни несчастья.
И твой простой привет всегда дороже был
Мне страстных ласк любви и жаркого участья.
О, если б мог ты знать, как жажду я порой
Под сумрачную сень лесов твоих укрыться,
Забыть прошедшее, как сон души больной,
И с жизнью твоей своею жизнью слиться.

Николай Саблин

ГОЛУБИ

Голуби по двору ходят, воркуют
Сизой артелью своей;
Все подозрительно как-то толкуют,
Быстро летят от людей.

Часто гурьбою громадной слетаются
Мирно ко мне под окно;
Целой коммуной дружно питаются,
Делят по-братски зерно.

Видно влиянье идей растлевающих
В бедной семье голубей,
Мыслей, основы основ подрывающих,
Социализма идей!..

Где у них личность от злых ограждающий
Мудрой полиции глаз?!

Где у них кормчий, их жизнь направляющий, –
Этот порядка компас?

Здесь анархизма пример замечается –
Страшный пример для людей!..

Браки свободны – никто не венчается,
Нет ни попов, ни церквей!

Голуби сизые, пташечки бедные!
Развращены вы совсем!
Кем же идеи-то эти зловредные
К вам прививаются? Кем?

Скажут – природой?.. Для благ человечества
Выскажу мненье свое:
Если природа враждебна отечеству –
Выслать подальше ее!

<1879>

НЕДОРАЗУМЕНИЕ

Разговор рабочего с фабрикантом

«С чем, брат, предъявился?
Приплелся зачем?
Думал, что простился
Я с тобой совсем!»

– Руку оторвало, –
Чай, помочь не грех,
Работал немало
Для твоих утех. –

«Малый ты не старый,
Чтоб с сумой ходить,
Мне же не пристало
Даром вас кормить».

– На твоем заводе
Я ведь рук лишен...
Чай, при всем народе... –
«Ты, брат, мне смешон,

Ты ведь был свободен,
Кто тянул тебя?
Сам пришел, был годен –
Ну, и принял я;

Руку оторвало –
Стал негож теперь,

Ну, вот – образ, малый,
А вот это – дверь!

У тебя землица,
Есть чем, значит, жить,
Есть чем прокормиться –
Стыдно зря просить!»

– Землю-то, позволь-ка,
Я в аренду сдал;
Чтоб приняли только,
Пять рублей отдал.

Ведь ее задаром
Лиши дурак возьмет;
Хоть оброк-то барам
С нас теперь нейдет,

Так в казну поборы –
Чистый всем разор, –
Помирать так впору... –
«Мелешь, братец, вздор!

Я и так немало
Извожу деньжат;
Сил моих не стало...
Мало вас лежат

Здесь в больнице нашей?
Я ведь вас лечу,
Из-за лени вашей
Лекарям плачу.

У меня здесь, слышал,
Двое докторов,
Из больницы вышел --
Значит, ты здоров!

Не держу паспорта
И расчет отдал,
Так какого ж черта
Ты ко мне пристал?!»

<1880>

НОВЬ

Отрывок из неоконченной поэмы

Посвящена Анне Васильевне Якимовой

Глава 4-я

Утро. Ночи тьма редеет,
День чуть брезжить стал...
Возвратившись поздно, пьяный,
Дремлет генерал.
Вот, сквозь сон он ясно слышит –
Отворилась дверь,
И к нему Малюта входит,
Сам Малюта-зверь;
К ложу пышному подходит
Твердою стопой...
И с Малюты глаз не сводит
Генерал седой...
«Гость нежданный – что татарин!
Рад ты иль не рад,
Принимай меня: недаром
Я покинул ад!»
– Чем служить могу Малюте? –
Генерал сказал
И красивым жестом молча
Кресло указал.
Сели. «Слушай-ка, кормилец,
Я в аду слыхал,
Что душить крамолу грозно
Ты в России стал?»
– Да, служу моей отчизне

Я по мере сил
И косой закона плевел
Много покосил! –
«Ну, так я к тебе с поклоном,
Друг, – не откажи!
Разожги ты кровь мне в жилах,
Пытку покажи!
Всюду новь – чай, тоже в пытках
Новый обиход?»

– Покажу, изволь, хоть тотчас
Двинемся в поход! –
Видит дальше, что с Малютой
Он в тюрьму идет,
О былом с ним гость дорогой
Речь свою ведет:
«При царе Иване Грозном
Лихо я пытали;
Много крови пролили, мяса
Много растерзали!
Понатешил душу вдосталь.
Если ж вспоминать –
И таких видал, что пыткой
Даже не пронять.
Помню я: один боярин
Приведен был... Что ж?
Ни словечка, как глубоко
Ни вонзали нож!..
Из спины кроили сразу
Два ремня – молчит,
А из раны кровь струею
Алая бежит...
Припекать железом стали,
Думали – проймет!
Все молчат и лишь молитвы
Тихо к небу шлет...
Поднял я его на дыбу,
Ногти вырывал,
Кипятком, и льдом, и кошкой –
Всем его пытали,

Так и бросил, не добился,
Он не застонал!..
Через день его в синодик
Грозный записал...
А то раз попал в застенок
Сокол молодой.
Был станичник он удалый,
Грабил под Москвой,
И богатому – проезду
Парень не давал,
Бедняков не трогал пальцем,
Сам им помогал...
Привели его на пытку –
Рослый удалец!..
“Ну, скажи-ка, с кем ты грабил,
Добрый молодец?” –
“Я тут весь перед тобою,
Ты во мне волён,
Но предать... скорей язык свой
Вырву с корнем вон!..”
Я ему смолой на спину
Капать приказал –
Он как пень стоит и терпит,
Даже не стонал
И не морщился, как будто
И смола не жжет!..
“Не томи меня, признайся!”
Он свое поет!
Начал крючьями я тело
Белое терзать;
Всадишь крюк – и дрогнет тело,
Вырвешь – дрожь опять...
И на свежие я раны
Солью посыпал,
И спиртами да настоем
Всласть их поливал...
Сам зашел вперед и в очи
Молодцу гляжу:
“Слышишь, парень, эй! признайся!

Скажешь?" – "Не скажу!"
И, треска, ломались кости,
И хрустела грудь...
Длил неистово я пытку,
Не давал вздохнуть...
Вдруг глаза перекосило...
Крик протяжный... вздох,
И, товарищей не выдав,
Негодяй издох!..»

– То-то вот, вы торопились –
Как бы поскорей!
Зря терзали только тело,
Мучили людей!..

А ведь в теле – образ Божий,
И терзать – грешно!
Вот душа! Она без формы!
Душу – ничего!..

И для дела-то полезней –
Ты увидишь сам!..

Вот сюда теперь... к подъезду
Путь, Скуратов, нам. –
Вот широким коридором
Направляют путь...
«Нам куда сначала, к бабам,
Что ли, завернуть?
Ишь глаза-то засверкали!
Ну, пойдем, пойдем...
Чем потешить дорогого
Гостя – мы найдем!»

Сам над шуткой захихикал
Мрачный балагур,
И игриво в бок Малюту
Локтем он толкнул.
И вошли... Малюта ахнул:
Камер – без числа!
«Нынче осень урожайна,
Много принесла!
В каждой камере стекольце
Вделано в двери,

Коли любо – забавляйся,
Сколько хощь смотри!..
Ну, вот эта больше года
Здесь уж прожила.
На допросах нас сердила –
Чересчур смела...
Письмецо с условным шифром
У нее нашли!
Ну, девицу тотчас взяли,
В крепость привезли...
“Вам известен шифр?” – “Конечно!” –
Как же ей не знать.
“Не угодно ли нам способ
Этот указать?” –
“Не затем, чтоб вам открыла,
Доверялись мне!” –
“Ну так вам придется долго
Посидеть в тюрьме!” –
“Вы меня не испугали,
Знаю это я!” –
И сидит... А жаль семейство –
Честная семья...»
Глаз приставивши, Малюта
На нее глядел;
Генерал в стекло небрежно
Тоже посмотрел...
«Ничего. Не изменилась:
Тот же самый взгляд,
Те же волосы густые
По плечам лежат.
Мы недавно только книжки
Дали ей читать,
Стала будто веселее –
Надо отобрать!..
Эка злоба!.. И ничем ей
Душу не проймешь!..
Ну, сидеть тебе, покуда
В землю отойдешь!
Через номер тут девчонка:

Ей семнадцать лет...
На допросах: «Всё забыла!» –
Весь ее ответ.
Года три как их забрали –
Мать и дочерей:
Бунтовать там в сельской школе
Вздумали людей!..
Эта сильно изменилась –
Знать, душа болит...
Посмотри: ребенок с виду –
А в ней бес сидит!»
И Скуратов с генералом
Приложили глаз...
Было в камере темненько –
Слабо пущен газ...
У стены стоял ребенок,
Глухо он рыдал...
Вдруг рыданья перервались,
Он захохотал...
Дико хохот раздавался,
Оглушая свод.
Генерал шептал: «Прекрасно!
Хорошо идет!
Вот теперь мы на допросы
Вызовем тебя...
Запоешь ты, как нам надо,
Нынче у меня!»
Хохот кашлем заменился...
Плюнула в платок,
На платке образовался
Розовый кружок...
И махнула безнадежно
Слабою рукой...
«Все равно... – она шептала, –
Путь покончен мой!..
Все равно... А близко воля –
Тут ведь, за стеной...»
И к стене она припала
Русой головой...

Вдруг улыбкой озарились
Бледные черты;
Радость, волю ей рисуют
Дерзкие мечты...
Но ведь радости ревниво
Гонит прочь тюрьма,
И вот... образы иные
Видит въявь она...
Вот в ее глубоких глазах
Отразился страх...
Мать пред нею как живая,
Руки в кандалах...
«Мама милая!» – и разом
Ринулася к ней...
Сил уж нету... И упала
С криком у дверей...
«У тебя бежит, Скуратов,
По лицу слеза?!
Полно... Полно... ободрися
И утри глаза!..
Встарь ты не был так изнежен,
Мучил зауряд!»
– Нет, клянусь тебе, я в жизни
Не пытал ребят!.. –
«Ну, да мы, Малюта, разом
Дух развеселим –
Диво дивное покажем...
Здесь вот!.. Поглядим...
Видишь – женщина? Красивей
Редко встретишь ты!
Смелый взгляд, как у орлицы,
Гордые черты...
Выступает величаво,
Ростом, всем взяла...
Проживать бы в свете павой.
Нет!.. В народ пошла!
С месяц здесь, как опросталась,
Дочку родила...
Мы ребенка отобрали...

Долго зла была!
Неприступна, как тигрица,
Все швыряет, рвет...
Ночь настанет, так со злобы
До утра ревет!..
Чрез неделю словно сняло
Зло с нее рукой...
Вызывает прокурора.
Тот пришел со мной...
“Возвратите мне ребенка!” –
Прокурор в ответ:
“В показаньях откровенней
Будете иль нет?”
Просит, молит: “Пожалейте!
Пощадите мать!..
За какие ж преступленья
Должен он страдать?..
Вы загубите ребенка...” –
“Что ж возиться с ним?
Где жалеть нам поросенка,
Коль свиней палим?!”
Обмерла. Мы постояли
Так минут с пяток
И ушли... Вдруг донесенье –
Мне под вечерок:
“Честь имею...” и так дальше
Этого числа...
Без причины арестантка
Вдруг с ума сошла...
Посмотри: качает тряпки
На своих руках...»
Взор блуждающий, без смысла,
И лицо в слезах...
Вот она засуетилась –
Мучит скорбь ее...
Ищет, ищет... перерыла
На руках тряпье.
«Не нашла!» – И крик раздался,
Страшный, скорбный крик...

Над несчастной издевался
Генерал-старик...
«Не нашла? Ну, постарайся!
Это не беда!
Завалился? Что же, нету?
Нету и следа?
Ах, несчастная, как жалко –
Видно, не найдет?!»
Вдруг страдалица поднялась
И к окну идет.
Словно что-то против воли
Бедную влекло!
Вот рукой она взмахнула –
Вдребезги стекло
И осколком режет шею...
Кровяной фонтан
Брызнул на стену, и стройный
Покачнулся стан...
На колена опустилась,
Оперлась рукой
И безжизненно упала
На пол головой...
Видя это, сам Малютка
Словно задрожал...
Не смутился лишь привычный
К делу генерал.
И спросил он гостя: «Нашу
Как вы новь нашли?
Вы ли нас хитрее были?
Мы ль вперед ушли?»
– Победили вы, – Малютин
Был на это сказ, –
Мы спроста бывали люты,
Вы ехидней нас!..

1880

ПРИМЕЧАНИЯ. «Новь» – один из вариантов названия произведения. Помимо него, существовали и другие: «Малюта Скуратов», «Поток». Отрывок является непосредственным откликом на «Процесс 193-х» (суд, проходивший в Петер-

бурге в конце 1877 – начале 1878 г. над революционными народниками, участниками «хождения в народ». Учительница А.В. Якимова-Диковская (1856–1942), которой поэма посвящена, проходила по этому процессу как обвиняемая и была оправдана. Позднее она участвовала в подготовке покушений на Александра II, по «Процессу 20-ти» в 1882 г. ей вынесли смертный приговор, замененный вечной каторгой. По свидетельству Якимовой, название «Новь» относилось не ко всей поэме, а только к четвертой ее главе, где речь шла о новых пытках, уготованных революционерам. Первая глава, посвященная «хождению в народ», должна была называться «Поток». Якимова считала, что образ первой женщины в «отрывке» конкретного прототипа не имеет, в образе второй героини есть черты матери семейства Субботиных и трех ее дочерей, принимавших участие в революционном движении. И еще один женский образ имеет сходство с О.Г. Алексеевой, привлекавшейся к «Процессу 193-х», но оправданной. Генерал, каким он изображен в поэме, является порождением творческой фантазии автора. *Малюта* – прозвище Г.Л. Скуратова-Бельского (?–1573) – думного дворянина, приближенного Ивана Грозного, одного из организаторов опричного террора; его имя стало нарицательным для обозначения жестокого палача.

Феодосий Савинов

ВЕРА

Сила юная, могучая
Гордо кроется в груди...
Ты печаль, слеза горючая,
С ней бороться погоди!..
Не тебе, кручина-долюшка,
Не тебе ее сломить –
Много видели мы горюшка,
Да сумели же прожить...
Не склонялись обессиленно
Под грозою и бедой,
Все боролися усиленно
С злую мачехой-судьбой...
Мы свою мечту любимую
Возрастили, как могли,
Лишь ее одну, родимую,
Пуще жизни берегли...
Сохранилася желанная
Сила мощная в груди,
Это – вера богоданная,
Вера в счастье впереди...

СИЛА МОЛИТВЫ

Приидите ко Мне все труждающиеся
и обремененные, и Аз успокою вы.

Ев. от Матф., гл. XI, ст. 28

С души как бремя скатится,
Сомненье далеко,
И верится, и плачется,
И так легко... легко...

Лермонтов

Мучительно день пережитый – в исходе,
Вечерние краски ложатся везде...
Пора отдохнуть, позабыть о невзгоде,
О горе дневном, как о прошлой беде...
Я дома теперь, в своей комнате скромной,
Расстроен, измучен тревогами дня,
И кажется тихий мой угол укромный
Чуть-чуть не эдемом самим для меня.
Теперь отдохну я от лютой печали,
Забуду все дрязги, терзавшие днем,
Те дрязги, что душу мою возмущали,
И все, что я видел и слышал кругом.
Невзгод и печалей я встретил немало,
Я видел, как горькие слезы лились,
Как люди друг с другом порой враждовали,
Хотя в обоюднейшей дружбе клялись...
И было мне, полному личного горя,
И больно, и страшно за братьев моих;
Вражде их напрасной и распре не вторя,
Мучительно было глядеть мне на них...
Я думал: «Зачем эти вечные браны?
Зачем эта злоба? Ужели она
Приятнее мирных и братских лобзаний,
Ужели отрадней любви она?..
Ужели не снидет для всех ожидавших,
Для всех, утомленных тревогой дневной,
Озлобленных, слабых и духом упавших,
Желаемый отдых и тихий покой?..»

И так же, как все, я устал от волненья,
Искал я покоя себе, тишины,
Чтоб ночью забыть все дневные мученья
И видеть одни лишь волшебные сны...
И вот теперь тихо... Души возмущенной
Я тоже невольно смиряю вражду
И, к лицу Спасителя взор умиленный
Смиренно поднявши, отрады я жду...
Припомнил я речь Его кротко-благую:
«Придите ко Мне все больные душой,
И Аз ваши муки и боль уврачую
И дам вам желанный и тихий покой...»
Я вспомнил и верю, один Он в несчастье
Подаст Свою помошь, поддержит в борьбе,
И думы свои о любви и о счастье
Пред Ним изливаю в горячей мольбе:
«С ярким светочем спасенья,
С кротким счастьем, с тишиной,
Бог любви и примиренья,
Снизойди к нам в мир земной –
К нам, враждующим, болящим,
К нам, озлобленным душой,
Снизойди с животворящим
Словом кротости святой...
Исцели нас от недуга,
От тревожных дум и снов,
Научи любить друг друга
И прощать своих врагов...
Снизойди! да свет узная,
Отдохнем от бед и зла,
Да рассеется густая
Воцарившаяся мгла...
Да пройдет проказа века –
Жажда крови и вражда,
Да взойдет для человека
В жизни новая звезда...
И светилом путеводным
Пусть сияет на пути,
Чтобы к целям благородным

И к добру его вести...».
И, жаркой молитвой себя успокоя,
С надеждой, без страха вперед я гляжу
И, видя там царство любви и покоя,
Я с миром душевным ко сну отхожу.
И кажется мне, что и горе, и муки,
И все, что я пережил, выстрадал днем,
Есть только мираж, обманувший напрасно,
Солгавшая сказка с печальным концом,
Что в жизни ни кривде, ни злобе нет воли,
Что видел я это в болезненном сне,
Что люди не знают нерадостной доли, –
И славно... отрадно становится мне...
Струятся из глаз моих сладкие слезы,
Картины мелькают одна за другой,
Сменяются яркие, чудные грэзы,
Рисуя мне счастье, и мир, и покой...
Наплакавшись вволю, счастливый, довольный,
Крестом осенившись, глаза я сомкну
И крепко и сладко, как малый ребенок,
Прильнувши к подушке, я мирно засну...

<1887>

ПРИМЕЧАНИЯ. Стихотворение было прочитано 29 ноября 1887 г. на литературно-музыкальном вечере, посвященном пятидесятилетнему юбилею церкви при Вологодской губернской гимназии. Перевод первого эпиграфа: «Придите ко Мне все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас...» (слова Христа). Второй эпиграф – из стихотворения М.Ю. Лермонтова «Молитва» («В минуту жизни трудную...» – 1839).

CANTILENA JUVENTUTIS

Дружно поднимем бокалы с вином,
Дружно за молодость их разопьем!..
Пенистой влагою блещет вино,
Жизнь и волнение будит оно...
Выпьем же, други, пока не остыл
Наших мечтаний восторженный пыл...
Все мы здоровы, и бьется волной

Кровь молодая в груди удалой...
Верим мы в силу живящих идей,
Верим мы в счаствие честных людей...
Духом мы бодры и жаждем найти
Только сиянье и блеск на пути...
Будем же смелы, и нас не смутят
Дни треволнений и тяжких утрат...
Будем мы действовать все заодно –
Лейся же пенистой влагой вино!..
Жизнь пробуждай в нас волшебный фиал –
Пьем мы за юность и наш идеал...
Пьем мы за лучшие, светлые дни,
Пьем мы за честные думы свои!..

ПРИМЕЧАНИЕ. *Cantilena juvenilis* – песнь молодости (лат.).

ХЛЕБА И ЗРЕЛИЩ!..

Два вопля вечные несутся,
Моля всеправедное небо...
Голодных стоны раздаются:
«Нам нужно хлеба, хлеба, хлеба!..»

А люди сытые взывают,
Не зная голода тревоги,
И тоже небо умоляют:
«Побольше зрелиц, зрелиц, боги!..»

ПРИМЕЧАНИЕ. *Хлеба и зрелиц!* – Клич римской черни (крылатое выражение, восходящее к 7-й сатире древнеримского поэта Ювенала).

ИЗ «ПЕСЕН ДРУГУ»

I

Поверь, на все твои стремленья
Толпа ответит лишь враждой,
Насмешкой дерзкою презренья

Над пылом жизни молодой...
Для ней мечты твои ничтожны;
Нет, дай ей видимый кумир,
Кумир бессильный, хрупкий, ложный,
Но чтобы краски видел мир...
Дай бога ярче и пестрее, —
Толпа падет пред ним во прах...
Что ей в невидимой идее?
Что ей в возвышенных мечтах?..
Пусть святы все твои стремленья
И пусть в них — благо для людей,
Но дай толпе не размышленья,
А образ яркий для очей...

II

Идеалы, грезы,
Грезы да любовь;
Всюду мнятся розы,
Розы без шипов...
Бури да ненастья
Ты еще не знал,
Сердцем веришь в счастье,
Веришь в идеал...
Все это на время, —
Подожди, мой друг,
Сломит жизни бремя,
Пригнетет недуг...
Идеалы, грезы
Все умчатся в даль,
Их заменят слезы,
Скука да печаль...

III

Когда, измученный тоской,
Бредешь, не ведая привета,
И нет на грусть твою ответа
Средь зла и пошлости людской,

И в этот миг увидишь слезы
Погибших в жизненной борьбе,
И встретишь брата по судьбе,
Злым людям щлющего угрозы, –
То, нет сомнения, поймешь,
Что много вынес он когда-то,
Не оттолкнешь, а обоймешь
С любовью падшего собрата...

IV

О, друг! Позабудь свое личное горе,
Гони свои думы тревожные прочь, –
Но братьям спеши, сколько можно, помочь,
Как ты, утопающим в жизненном море...
Не ты, одинокий, с волнами в борьбе,
Не ты лишь застигнут грозою стихии –
Немало найдется в родимой России
Стремящихся к свету, подобно тебе...
Их также тревожит тяжелое горе
И также гнетет их бессилья недуг,
И грустно им видеть, что всюду вокруг
Неправда и пошлость царят на просторе...
Спеши к этим людям с открытой душой,
Буди в них отвагу на подвиг боренья,
Восторженной речью крепи их стремленья,
А личное горе поглубже сокрой...
Забудь свои муки и словом привета
Поддерживай братьев в тяжелой борьбе, –
Поверь, что и сам не уйдешь без ответа,
И той же любовью заплатят тебе...

V

Всю жизнь прожить рабочей клячей,
Себе покоя не давать,
Бороться с горем, неудачей
И над мечтой своей горячей

Судьбы насмешку увидать,
И снова мучиться, страдать...

К тому же видеть, как открыто
Царят повсюду мрак и зло,
Встречаться с ленью сибарита
И знать, что счастье паразита
Из слез твоих же возросло, –
Ей-богу, очень тяжело...

VI

Иди!.. Пусть грянет над тобою
Суда толпы враждебный гром...
Пусть, предназначенный судьбою,
Твой путь исполнится борьбою –
Мы с боя счастие берем...

Иди!.. Пусть темные невежды,
Глумясь над подвигом твоим,
На яркий свет закроют вежды
И назовут твои надежды
Безумством диким и смешным...

Иди, честна твоя дорога...
Сознанья долга, правоты
И для борьбы сил много, много
В своей груди отыщешь ты...

МЫ...

(Разговор с Е.П. В-ской)

Потихоньку, понемножку,
Лицемеря, притворяясь,
Мы торим себе дорожку,
Наклоняясь и сгинаясь...

Не крушась и не тоскуя,
Подставляя брату ногу
Да его же критикуя,
Мы живем во славу Богу...

Нашу мелочность пустую
Прикрывая фразой громкой,
Про других мы зачастую
Рады сплетничать сторонкой.

Мы готовы, мы согласны
Всех клеймить пятном позора,
О себе лишь мы безгласны
И не любим разговора...

Чуть словечко повернется,
Что мы жнем не то, что сеем,
Нам и тут исход найдется, –
Мы смиренничать умеем...

Вид принявши непорочный,
Паразитов проклинаем, –
Сами ж, словно ненарочно,
Глазки в землю опускаем.

Восхищаемся работой,
Хвалим тружеников муки, –
А меж тем, с большой охотой,
Под шумок мы греем руки...

А меж тем, не обинуясь,
На чужой спине покорной
Рады ездить, повинуясь
Лени пошлой и позорной...

Фарисействуя и строя
Планы жизни семьянина,
Наставлений «Домостроя»
Дома держимся и ныне...

Рассуждая с видом дельным,
Мы торгашество бичуем, —
И с нахальством беспардонным
Тут же чувствами торгуем...

И повсюду, изгинаясь,
Потихоньку, понемножку,
Лицемеря, притворяясь,
Мы торим себе дорожку...

ПРИМЕЧАНИЯ. По ритмической организации и сатирической направленности произведение сходно со стихотворением А.К. Толстого «Благоразумие» (1854). «Домострой» — свод житейских правил и наставлений XVI в., отличающихся патриархальной строгостью.

ПАМЯТИ А.С. ГРИБОЕДОВА (1795–1895)

«Судьба, проказница-шалунья,
Определила так сама:
Всем глупым – счастье от безумья,
Всем умным – горе от ума!..»
Звучала нам из минувшей дали,
И в наши дни близки для нас
Слова пророческой печали,
Бесспорной правды веющий глас...
И всем, кто ищет в жизни света,
Кого гнетет и душит тьма,
Так внятен веющий глас поэта,
Протест великого ума!..

* * *

Тихо... Не шелохнет
Ничего вокруг...
И от сладкой неги
Замирает дух...

Эта тиши святая
Прелести полна...
Навевает думки
Чудные она:
Думки о всеобщем
Счастье на земле
И о свете ярком
В непроглядной мгле...

ПРИМЕЧАНИЕ. Стихотворение входит в цикл «В тихие ночи».

ИЗ ЦИКЛА «НА МОТИВ ГЕЙНЕ»

«Сцен» не вышло при разлуке,
Слезы вовсе не лились,
И, пожав друг другу руки,
Мы учтиво разошлись...
Но когда сошлись мы снова,
То, веселые на вид,
Не сказав еще ни слова,
Мы заплакали навзрыд...

ПРИМЕЧАНИЕ. Гейне – см. примеч. к стих. Н. Бунакова «Из Гейне».

ЖИЗНЬ

Жизнь – это шумное море,
Жизнь – это праздник любви,
Жизнь – это вечное горе,
Жизнь – это пламя в крови,
Жизнь – это бури и грозы,
Жизнь – это фальшь и обман,
Жизнь – бесконечные слезы,
Жизнь – это злой ураган;
Жизнь – это скорбная повесть,
Повесть разбитых надежд;
Жизнь – чепуха и не новость,

Жизнь – заблужденье невежд...
Жизнь – это фурия злая,
Жизнь – это благо небес,
Жизнь – это щутка пустая,
Жизнь – это женщина-бес...
Жизнь – это злобы арена,
Жизнь – лишь ходячий товар,
Жизнь – колоссальная сцена,
Жизнь – это шумный базар;
Жизнь – это странствие люда,
Жизнь – это вечности миг,
Жизнь – это рока причуда,
С слабым мерцаньем ночник...
Катится в пропасть телега,
Жизнь – это пропасти зев;
Жизнь – это ласка и нега,
Чудной сирены напев...

ПРИМЕЧАНИЯ. ...Жизнь – это щутка пустая – реминисценция из стихотворения М.Ю. Лермонтова «И скучно и грустно» («А жизнь, как посмотришь с холодным вниманьем вокруг, Такая пустая и глупая щутка»). ...Катится в пропасть телега – реминисценция из стихотворения А.С. Пушкина «Телега жизни».*

РОДНОЕ

Слыши песни жаворонка,
Слыши трели соловья...
Это – русская сторонка,
Это – родина моя!
Вижу чудное приволье,
Вижу нивы и поля...
Это – русское раздолье,
Это – русская земля!
Слыши песни хоровода,
Звучный топот трепака...
Это – радости народа,
Это – пляска мужика!
Коль гулять, так без оглядки,
Чтоб ходил весь белый свет...

Это – русские порядки,
Это – дедовский завет!
Вижу горы-исполины,
Вижу реки и леса...
Это – русские картины,
Это – русская краса!
Всюду чую трепет жизни,
Где ни брошу только взор...
Это – матушки-отчизны
Нескончаемый простор!
Внемлю всюду чутким ухом,
Как прославлен русский Бог...
Это значит – русский духом
С головы я и до ног!

1889

ПРИМЕЧАНИЯ. Стихотворение стало народной песней, получившей широкое распространение в 1920–1930-х гг.

КАРТИНКИ СТАРИНЫ

Посв. М.Ад. К – ции

I

Ох ты гой еси, родина милая,
Во твою ли во славу великую
Ты позволь молодцу краснобайному
Про житье на Москве стародавнее
Притчу-правду сказать и поведати...
Начинаю для вас, други-родичи,
Правду-матку свою верной повестью,
Как живали у нас наши прадеды,
Как вели свою жизнь в благочинии.

Гул идет на Москве белокаменной,
Звуки медные льются, проносятся...
Этот звон призывает к молению

И народ, и бояр православных...
И стекается люд в храмы Божии,
Что блестят золотыми верхушками
От лучей заходящего солнышка,
От лучей дорогих и заветных...
Что от тех ли лучей светозарных
Загорается блеск на оконницах,
На оконницах изб на слюдяных,
Дюже добрых и дюже пригожих...
Мирно движутся в храм люди разные,
В церковь Божью идут чинной поступью,
По простой мостовой по бревенчатой
Раздаются шаги их нескорые...
По простой мостовой по бревенчатой
Колымаги, топтаны тяжелые
С богомольцами, людьми странными
Тихо катятся в храмы Господние...
На Москве на реке на привольной
Ветерок тихоструйный проносится,
И колышутся близ хором царских
Лодки малые, челны рыбачии...

Во дворце же, в палатах богатых,
Огоньки пред божницами светлые
Дополняют картину бывалую,
Наших дедов житье стародавнее...

Жизнь старинная, жизнь благочинная,
Богомольная жизнь стародавняя,
Свой привет и любовь задушевную
Шлет баян тебе нововременный...
И тебе, народ, с прежней доблестью,
С прежней крепостью, молодечеством,
И боярыням, и боярам всем,
Слугам царским, слугам верным,
Молодой гусляр земно клонится...
Напоследок речь берегу для вас,

Красны девицы, раскрасавицы,
От души любовь вам, лебедушкам,
От души привет шлю, чаровницам,
Белолицым, краснощеким...

II

Спас-Преображенье

Гряньте, гусли яровчаты,
Пойте песни старины!..
Времена былые святы,
И добры, и тороваты,
И величия полны...

Жатва кончена... Моленье
В храмах Божиих идет
Спасов день – Преображенье,
От забот отдохновенье
Пахарь-труженик найдет...
Сельских страдных и тяжелых
Наступил конец трудов;
Много даст ему веселых,
Дней отрадных, не тяжелых,
Праздник хлеба и плодов...
Хлеб весь убран... а с плодами
И работы не трудны –
Освятить их только в храме
Водосвятыем да мольбами
Есть обычай старины...
В церкви Божьей людно, жарко,
И на ризах из парчи,
Добрых дателей подарках,
Блещут, светятся так ярко
Воска белого свечи...

Служба кончилась... Толпами
Из церквей валит народ
С освященными плодами...

Между людом, с овощами
И боярышня идет...
Летник стройно облегает
Стан девичий, молодой,
Позумент на нем сверкает
И лучом своим играет
По одежде парчевой...
В кике лалы-самоцветы –
Жемчуг, яхонт и рубин –
Блещут, словно божьи дети
Звезды яркие, кометы,
Словно солнце-исполин...
Шейку белую стыдливо
Ожерелье из камней
Прикрывает, и на диво
Светит ярко и красиво
Пуком розовых огней...
Из бурмитских зерен бусы
Вьются змейкой между кос,
А в руках, прикрыт убрусом,
Тонким, вышитым со вкусом,
С свежей овощью поднос.
И стоит на нем, сверкая,
Словно солнышко весны,
Сулея, вся золотая...

Гряньте ж, гусли, не смолкая,
Песни в славу старины...

III

Совет гусяря

Здравствуй, боярышня!
Что закручинилась,
Что затуманилась, лебедь моя?
Али не радостна
В доме родимого
Батюшки грозного

Доля твоя?
Мамушки-нянюшки,
Девушки красные,
Верны подруженьки,
Есть у тебя.
Все тебя юную,
Деву пригожую,
Солнышко ясное,
Холят любя...
Жемчугом-бисером,
Алыми лентами
И позументами
Тешат, дарят.
Ты же, кручинная,
Ходишь, тоскуючи,
Оченьки ясные
Грустью горят.
Серебро-золото,
Яства и пряности,
Платье и жемчуги, –
Все нипочем.
И утираешь ты
С глаз твоих ясных
Слезы горючие
Тонким платком.
Али зазнобушка
С сердцем спозналася?
В душу молодушки
Вкралась любовь?
Знать, полюбила ты,
Девица красная,
Молодца-сокола
Черную бровь?
Знать, и покрытую
Дымкой-кисейкою
Взгляды удалые
В силах прожечь?
Сердце молодушки
Пылкое, страстное,

От увлечения,
Знать, не сберечь?
Кинься же в ноженьки
Батюшке грозному
И умоли его
Дочку спасти.
Пусть не заставит он
Детище милое
За нелюбимого
Замуж пойти...
Пусть разудалого
Молодца-сокола,
Сердцем любимого,
Даст ей в мужья.
Пусть ему по сердцу,
Люб и желателен,
Будет девический
Выбор ея...
Воля родителя,
Грозного батюшки,
К просьбе боярышни
Будет добра...
Слушай же, девица,
Помни, красавица,
Речь немудреную,
Речь гусляра...

IV

Картинка

Полна гостями хата,
Друзей сидит семья –
Все жадно внимают песне
Баяна-соловья...
Звенят на славу струны
И тешат всех гостей;
Поет баян про дедов,
Про славу прежних дней;

Поет он про деянья
Героев старины,
И слушают все песню,
Внимания полны...
А песня нежно льется,
Как звон от серебра,
И дышит вдохновеньем
Лицо у гусляра...
Под бровью соболиной
Огнем горят глаза,
И катится в них тихо
Невольная слеза...
А руки так и ходят,
И скачут по струнам,
Как лодка в бурном море,
Отдавшиеся волнам...
И льется звук за звуком,
И льется, и звенит,
И, песни-были внемля,
Кружок гостей сидит...

V

Послесловие

Старины родной преданья
И заветы вековые,
Дедов мудрые сказанья,
Вечно в памяти живые,
Как баян, вас прославляю
И, любя вас всей душой,
Я за вас благословляю
Край отчизны дорогой...

ПРИМЕЧАНИЯ. Люди странные – странники. Баян – древнерусский поэт-певец. Спас-Преображенье – православный праздник Преображения Господня 19 (б) августа; его также называют вторым, или яблочным, Спасом, т. к. он совпадает по времени со сбором яблок. Бурмитские зерна – окатистый, крупный жемчуг, привозимый из Персии.

Никтополион Святский

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

Город Вологда есть,
В котловине стоит;
Я не раз имел честь
В этом городе быть.
Благодатный такой,
Летом — в зелени весь,
И бульвар пребольшой
В нем березовый есть,
Да полсотни церквей
Златоглавых стоит —
В час молитвы святой
Дивным звоном гремит.
Я от дедов слыхал
(И, конечно, — не вздор):
Грозный царь Иоанн
В нем построил собор.
Петр Великий живал,
И поныне тот дом
Как святыня стоит,
Как бы память о нем.
А народ-то, народ!
Простодушный такой,
Настоящий русак —
С чуткой, честной душой.
А река-то, река!
Много памятных дней
Подарила она
В прошлой жизни моей!
Снова мыслью лечу,

Вспоминаю, любя,
Ну, да может, Бог даст,
Вновь увижу тебя?..

ПРИМЕЧАНИЯ. ...*Грозный царь Иоанн В нем построил собор.* – Согласно летописному преданию, соборная церковь во имя Успения Пречистой Богородицы в Вологде была построена в 1568–1570 гг. повелением Ивана IV Грозного. *Петр Великий живал, И поныне тот дом Как святыня стоит, Как бы память о нем.* – Петровский домик, дом вдовы голландского купца Гоутмана, в котором Петр I останавливался в мае 1724 г.

СПЕШКА

Зачернело стороною –
Туча с севера глядит.
За зеркальною рекою
Дело спешное кипит:
Сено свежее граблями
Убирают сотни рук
И высокими стогами
Уставляют гладкий луг.
Сила чувствуется вдвое,
Дружно пестрая толпа
Катит сено молодое,
Ныне все ей трин-трава.
Надвигает тучу ближе,
Пыль с дороги вихрь поднял...
Тучка, тучка, погоди же –
Парень стог не дometал.
«Миновалось, значит, горе», –
Все толкуют меж собой,
И ватага через поле
С песней двинулась домой.

ОСЕНЬ В ДЕРЕВНЕ

Раздевается лес,
Пожелтевший лесок,

И уж солнце с небес
Не глядится в поток.

Вон село за рекой
За бурливой стоит,
На просторы с тоской
Сквозь туманы глядит.

Обложило кругом,
Никого и нигде,
Только дождь над селом
Льет и льет в тишине.

По пригоркам ковры
Желтой живы лежат,
Сняты с поля дары
И уж в скирдах стоят.

Все теперь нипочем:
Умолотится хлеб,
Принарядится дом,
Будет пахарь одет.

Лей же, дождь, поливай,
Не нагонишь тоску –
Бог послал урожай
На Руси мужику!

ПРИМЕЧАНИЕ. Стихотворение является подражанием А.В. Кольцову.

ДВЕ КАРТИНКИ

Поблекло все, и лист опал,
Сердито ветер завывает,
За мутным валом мчится вал
И, пенясь, берег омывает.
Как тени страшных великанов,
Ползут седые облака,
Чрез цепи гор от океанов

Их мчит незримая рука.
Льет ливня дождь, кругом ненастье,
Чернеет грязь, и рыбаки
Не тянут невода на счастье
Из разгулявшейся реки.
Не греет солнышко, не греет,
На землю изредка глядит –
Все гибнет, все кругом мертвает,
И что-то душу леденит.

А вот красавица-зима
Нас первопутком подарила,
Все рады, рады без ума,
Больных и дряхлых подбодрила!
Всмотрись в заботливость зимы!
Как все одела – разрядила,
Карнизы снежные свои,
Как пух роскошнейший, прибила,
На стекла бросила узор,
Деревьям кудри привязала,
Не позабыла и забор –
И там цветы нарисовала.
Зима, красавица-зима,
Блести же снежной пеленою,
Гори ты, ясная луна,
Высоко вставши над землею!

ПЕСНЯ

Где ты, милая,
Ненаглядная,
Где ты, звездочка
Лучезарная?!

Что ж, откликнись, друг,
Назови меня!
Не могу забыть,
Разлюбить тебя.

Так и хочется
На груди твоей
Вспомнить думушки
Невозвратных дней.

Часто вижу сны:
Говорю с тобой,
Неразлучны мы,
Как цветы с весной.

Эх, прощаюсь,
Я сказал, любя,
Буду век любить,
Вспоминать тебя.

Где ж ты, милая,
Ненаглядная,
Где ж ты, звездочка
Лучезарная?!

ПРИМЕЧАНИЕ. Стихотворение является подражанием А.В. Кольцову.

ПЕСНЯ

Без поры-то, безо времечка
Парня иссушило!
Ты зачем, почто, сердечушко,
Не спросясь, любило?

Вон за той-то за долиною
Часто мы встречались,
Вон за той-то ли за реченькой
Крепко целовались.

Все-то, все-то в дни счастливые
Мне позабывалось,
Ни о чем-то мне не думалось,
Ничего не зналось.

На беду я да на горюшко
Полюбил-спознался,
И теперь бы жил я, молодец,
Жил да красовался!

Не живать мне, как живалося,
Не спорится дело.
Изменила ненаглядная –
Сердце онемело.

ЗА ЗАМКОМ

Смотрит солнышко
С синевы небес,
Зацвели луга,
Зеленеет лес.

Мне наскучило
В заперти сидеть,
В поле чистое
Вдаль с тоской глядеть.

Рано, волюшка,
Рано скрылася!
Ты зачем-почто
Раздружила?

Гибнет молодость,
Нет пощады ей,
Тяжело житье
Без любви, друзей.

Слезы жгучие,
Не спросясь, текут,
Мысли-думушки
На простор зовут.

Кто бы выручил
Из беды такой,

Кто бы сжалился —
Разлучил с тоской?

Много лет прошло,
Да нет тех людей,
Не могу сыскать
От замка ключей!

Мучьте, думушки,
Думы лютые,
Лейтесь, горькие
Слезы жгучие!

Не пожалуюсь,
Не скажу теперь,
Пусть останется
Запертою дверь!..

ПРИМЕЧАНИЕ. Стихотворение является подражанием А.В. Кольцову.

С ГЛАЗУ

Шевелись, не ленись,
Силы рук не жалей.
Раскали добела,
Крепче молотом бей!

Отгони, позабудь
Все, что в сердце таил!
Приударь, принажми,
Чтоб хозяин любил.

Разошелся кузнец,
Только молот гремит,
Только дождик кругом
Искрометный летит.

Там, в родной стороне,
Только им и живут,

Не напрасно Петра
Все кормильцем зовут.

Если взялся за что –
Дело само кипит;
Для несчастных сирот
Он себя не щадит.

Приударь, принаддай,
Не задавит нужда!
(Ах, легко говорить
Да смотреть, господа!)

Пошатнулся, упал,
Побледнел, не глядит.
Да лишь пена у рта,
Пена с кровью кипит.

Тем и кончилась жизнь,
Темной ночью прошла,
Безотрадная жизнь
Отдохнуть не дала.

Схоронили Петра,
Как и всех бедняков.
Он свободен теперь
От тяжелых оков.

Спи же, труженик, спи!
Над могилой твоей
Туча слезы прольет
За родных, за друзей.

СМЕРТЬ ПАХОМА

Проскрипела дверца,
Вышел дед седой,

Пожевавши хлебца
Без соли с водой.

Вышел, помолился,
Припер дверь колом,
Снова покрестился
И побрел селом.

Утром занималось,
Забелел восток,
Солнышко сбиралось
Озарить снежок.

И лучом червонным
Брызнуло оно
В поле убеленном
В хату и окно.

Искры засветились
В снежной пелене,
Избы затопились
Где-то в стороне...

Дедова лачужка
Только не дымит
И, как мать-старушка,
В Божий мир глядит.

Ветерок проснулся,
Начал подувать,
Ворон встрепенулся
И давай кричать.

Где-то эхо вторит,
Кто-то рубит лес:
Ведьма ль тараторит,
Или шутит бес?

Это сиротина
Дедушка Пахом,
Прозванный «кручиной»
На селе родном,

Бревна вырубает –
Кто-то подрядил –
Хлебца добывает
Из последних сил.

И туда заглянем:
Где ты там, родной?
Мы не помешаем,
Труженик святой!

Рубит, отдыхает –
Сядет-посидит,
С кем-то рассуждает,
Что-то говорит:

«Что ты, ветер, воешь,
Что ты, лес, шумишь,
Что ты, сердце, ноешь,
Что ты ворожишь?

Не к добру заныло,
Быть опять беде!
Все-то опостыло,
Надоело мне!

Время бы забыться
Непробудным сном,
Силы нет трудиться,
Думы не о том.

Сила молодая,
Не спросясь, ушла,
Жизнь-то трудовая
Стала тяжела».

Вот он вновь ударил
Острый топором.
Силушки прибавил,
Отдохнув, Пахом.

С жизнью ель простилась,
Затрещала ель,
Прошуяев, свалилась
В снежную постель.

Тяжело упала.
Кто-то простонал –
Дедушку прижала,
Бедный оплошал...

Кости раздробила,
Раздавила грудь,
С жизнью разлучила,
Не дала вздохнуть.

Кто тебя склонит,
Труженик святой?
Кто слезу уронит
С плачем над тобой?

Ветхая лачужка
Будет друга ждать,
Как весны – старушка,
Как сыночка – мать.

Спи же, почивай же,
Кончены труды!
Вьюга, заметай же
Дедовы следы!..

НА МОГИЛЕ ДРУГА

Часто, друг, у могилы твоей,
У креста и у насыпи милой

Забываю я мир и людей.
Я люблю тебя с прежнею силой!

Ты не видишь, что здесь в тишине
Вются пчелки, цветы расцветают,
Ты не знаешь, как думушки мне
Неотвязные душу терзают...

Много слез этих пролито здесь,
Много дум передумано мною,
В край далекий безбрежных небес
Много их унеслось за тобою!

Вот опять тяжело, тяжело,
Вот опять и томлюсь, и страдаю;
Злое горюшко вновь налегло,
Льются слезы, молюсь и рыдаю.

Спи, покойся, Христос над тобой!
Знай, что друг твой тебя не забудет,
Посещает он вечный покой,
Любит он и любить тебя будет!

У КОЛЫБЕЛИ

Ангел светлый, неба житель,
Колыбель твою хранит.
Спи, младенец, сам Спаситель
Дал его, как лучший щит.
Спи! и прочие слетятся
Херувимы над тобой,
Запорхают, закружатся
Под небесной пеленой;
Зори ясные засветят,
Дождь брильянтовый прольют,
Солнце яркое повесят,
Гимны райские споют;
Все сокровища покажут

Тех невидимых миров,
О блаженствах их расскажут;
Спи, младенец, будь здоров,
Спи, объятый небесами,
Блеском радужных лучей!
Дорожи, малютка, снами,
Их немного в жизни сей!

ПОЭТУ

Не громкой трелью соловья
И не шумящими ключами
Люблю заслушиваться я –
Твоими дивными речами.
Живая прелесть дышит в них,
Как фимиам, благоухает,
И дорог мне твой каждый стих,
Душа в нем сладко отдыхает!
Ты, вещий, правду говоришь,
Всегда живущую с тобою,
Богатых пошлостью – клеймишь,
Как ангел, плачешь над землею.
Твой каждый звук, как жалких стон,
Глубоко в душу проникает
И, как воскресный, стройный звон,
Святые чувства навевает.

СОМНЕНИЕ

Вот я снова в полях, где цветы и весна
Там, где прежде душа отдыхала.
Вот и реченька вновь, пробудившись от сна,
В даль, безбрежную даль побежала.

Мир объятья раскрыл: небо дышит теплом,
Все проснулось, все к жизни стремится...

Что же мне тяжело? Что так мрачно кругом?
Мне хотелось бы тоже забыться!

Золотая волна! Унеси же печаль,
Унеси мое горюшко злое!
Нет, опять тяжело, затуманена даль,
Не вернется уж счастье былое!

РАССУЖДЕНИЕ

То парю под облаками,
То спускаюсь в мрак пучин,
То слежу за мотыльками,
Как премудрый властелин,

То невольно возмущаюсь
Морем пошлости людской,
То в ничтожность превращаюсь,
Залезая в угол свой,

То я слушаю тенистых
Шепот ропщущих лесов,
То у струй потока чистых
Понимаю речь без слов.

Рассуждаю сам с собою,
Чем могу – для всех служу,
И опять с моей тоскою
В даль безбрежную гляжу.

Анатолий Брянчанинов

БЕЛАЯ УТОЧКА

В палатах белокаменных,
В светлице изукрашенной
Князь-молодец прощается
С женой своей красавицей.
Недавно лишь повенчаны
По мысли, по согласию –
Немного было времечка
Друг друга речью нежною
Ласкать да приголубливать!
Но делать, видно, нечего:
Нужда приспела спешная!
Княгиня убивается,
Глаза, что звезды ясные,
Слезою отуманены;
А князь, хоть ноет душенька,
Супругу словом ласковым,
Разумным да приветливым
Утешить все пытается:
«Приеду я скорехонько,
И вновь уж не расстанемся!
Сиди, голубка в тереме,
В беседы не заглядывай,
От злых людей подалее,
Худых речей не слушайся!»
Наказ княгиня в точности
Исполнить обещалася –
И князь, обняв подруженьку,
С тоской покинул родину.

Грустит княгиня в тереме
И выйти не решается;
Вот долго ли, коротко ли,
Является к ней женщина,
Такая с виду Божия,
Простая да приветная!
«Тоскуешь, свет-княгинюшка?
По милом убиваешься?
Да ты бы хоть по садику
Прошлась да освежилася,
Тоску свою развеяла!»
Долгоночко не решалася
Княгиня просьбу мужнину
Нарушить опрометчиво,
Но после поразмыслила:
«В саду бояться нечего!»
В зеленый сад отправилась,
Вблизи сверкнуло озеро.
«А что, — вдруг молвит женщина, —
Жара стоит изрядная,
Нам здесь не искупаться ли?»
Велик соблазн княгинюшке:
Томит жара гнетущая,
Манит вода студеная...
На луг летит косыночка,
За ней одежда полная.
Скользнула в воду чистую
Красавица-княгинюшка,
Смеется, прохладжается,
В струях хрустальных плещется.
Вдруг женщина коварная
Слегка княгиню прутиком
Стегнула — и красавица
Поплыла белой уточкой.
Сама же ведьма злиющая
В наряд ее оделася,
Притерлась да подкрасилась
И стала ждать хозяина.
Несется пыль с дороженьки,

Звенят подковы конские –
Бежит встречать разлучница,
Целует князя милого.
Тот с радостью-веселием
Берет ее в объятия,
И сам того не ведает,
Какая злая гадина
К нему коварно ластится!

Снесла яички уточка
И деток вскоре вывела:
Двух мальчиков как следует
Да третьего заморышка.
Растут да крепнут деточки,
Гуляют вдоль по берегу,
В песочке желтом роются,
На зелен луг любуются.
«Ох, детки, детки малые!
В лужок не забирайтесь!» –
Твердит им мать, тревожася;
Но деточки не слушают:
Сегодня манит травушка,
Назавтра любы цветики –
Бегут все дальше, глупые,
И в княжий дом забралися.
Вмиг ведьма их почуяла,
Зубами злобно скрипнула;
Ребяток приголубила,
Покушать им поставила
И спать им приготовила;
Потом велела тотчас же
Котлы повесить медные,
Огни разжечь широкие,
Ножи готовить острые.
Легли два брата старшие
И вскоре сном забылись;
Заморышек же бодрствует,
Все слушает внимательно.
Вот ведьма в полночь самую

Подходит к двери спаленки.
«Что, детки, почиваете?»
Ответствует заморышек:
«Не спим, а думу думаем,
Что нас хотят порезати;
Огни горят горючие,
Котлы кипят кипучие,
Ножи вострят булатные!»
– Не спят! – ворчит проклятая.
Часок еще помешкала,
Подходит снова к спаленке:
«Что, детки, почиваете?»
Ответствует заморышек:
«Не спим, а думу думаем,
Что нас хотят порезати;
Огни горят горючие,
Котлы кипят кипучие,
Ножи вострят булатные!»
– Один все голос слышится! –
Дивится ведьма злая;
Открыла дверь тихохонько,
Глядит: лежат два мальчика
И крепким сном покоятся;
Сейчас рукою мертвою
До них она дотронулась –
И те немедля померли.

На зорьке кличет уточка
Своих любимых деточек,
Но те не возвращаются.
Сейчас беду почуяла,
Вспорхнула и отправилась
К палатам белокаменным.
Белы, как снег нетронутый,
Как лед, похолоделые,
Лежат на княжьем дворике,
Рядком, два братца милые!
На них утйца бросилась,
Прикрыла тельца крыльями

И материнским голосом
Запела песню скорбную:

«Ох вы, милые, бедные деточки!
Голубки вы мои, голубяточки!
Я нуждой поднимала вас тяжкою,
Я слезой вас поила горючею,
В ночки темные глаз не смыкаючи,
Сладкий кус изо рта вынимаючи!»

– Да это небывальщина, –
К жене князь обращается, –
Утица, словно женщина,
Голосит над покойником. –
«Тебе все это чудится!
Пугнуть ее отсюдова!»
Прогонят утку белую –
Она покружит несколько
И снова к мертвым мальчикам.

«Ох вы, милые, бедные деточки!
Голубки вы мои, голубяточки!
Погубила вас ведьма ехидная,
Ведьма злая, змея подколодная,
Отняла у вас батюшку милого,
Моего муженька ненаглядного,
Потопила обманом нас в озере,
Обернула нас белыми утками,
А сама-то живет – величается!»

– Эге! – князь пораздумался, –
Поймать мне утку белую! –
Ловить ее все бросились,
Но уточка увертлива:
Сморились только попусту;
Сам князь из дома выбежал –
К нему утица на руки
Сама сейчас спустилася.
Промолвил князь, не мешкая:

«За мною стань березонька,
Пред мной же красна девица!»
Береза сзади выросла,
Девица стала спереди,
И князь узнал в той девице
Жену свою любимую.
Поймали тотчас ворона,
Сосуд ему навесили,
Велев налить немедленно
Водою живо-мертвою.
Принес тот воду чудную;
Ребяток ею сбрызнули –
И те сейчас же ожили.
А ведьму приарканили
К хвосту коня свирепого
И по полю широкому,
Не мешкаяши, размыкали.
Слетелись птицы хищные –
Склевали мясо старое,
Промчались ветры буйные –
Все косточки развеяли,
И вскоре память самая
О ведьме затерялася!

ПРИМЕЧАНИЕ АВТОРА. ...Сейчас рукою мертвую До них она дотронулась – есть поверье, что воры запасаются рукою мертвца и, приходя на промысел, дотрагиваются ею до спящих хозяев, чтобы навести на них непробудный сон.

ПРИМЕЧАНИЕ СОСТАВИТЕЛЯ. ...В беседы не заглядывай – т. е. не ходи на посиделки, не гуляй с подругами.

ЗНАХАРЬ

Жил да был на селе мужичок
Продувной, по прозванью Жучок.
Утащил он у бабы холстину,
Схоронил за деревней в трясину
И давай всюду хвастать и лгать,
Что он знахарь и мастер гадать.
Вот к Жучку та бабенка приходит,

Разговор о пропаже заводит.
«А что дашь?» – говорит ей мужик.
– Масла фунт да крупы четверик. –
Взял у бабы еще он полтину
И сказал, где искать ей холстину.

Через день увели у купца,
Дорогого ценой жеребца.
Тот же плут и украл да, в лесочек
Уведя, привязал за дубочек.
Посыпает купец за Жучком.
Погадал мужичок и потом
Говорит: «Поскорее идите
В ближний лес и у дуба ищите».
В лес пошли и нашли жеребца.
Получил сто рублей Жук с купца –
И пошла о нем слава по царству,
По всему по тому государству.

Вот пропал у царя перстенек.
Долго шарили, сбились с ног,
Но нигде перстенька не сыскали
И за знахарем тотчас послали.
Привезли, царь ему говорит:
«Ну, коль скажешь, где перстень лежит,
Я взышу тебя, знахарь, казною;
А не скажешь – платись головою!»
И до утра в отдельный покой
Был посажен мужик продувной.

Вот сидит он и тяжко вздыхает:
Что он завтра царю наболтает?
Царь не станет ведь с плутом шутить:
В ту же минуту прикажет казнить!
Забралась у Жучка душа в пятки,
И решил он бежать без оглядки,
Как петух в третий раз пропоет.
Между тем страх ужасный берет
Трех дворовых, что перстень сташили.
И с испугу они порешили,

Чередуясь, сидеть у дверей,
Ждать от знахаря страшных вестей.
Коль молчок – в воровстве запираться,
А узнает – донельзя стараться,
Чтоб царю не сказал молодец,
Так как иначе – всем им конец!

Первым кучера слушать послали.
Вдруг в полночь петухи закричали.
«Слава Богу, один уж и есть!
Двух других поскорее бы счасть!» –
Про себя бедный знахарь вздыхает.
А досмотрщик, дрожа, убегает
И товарищам так говорит:
«Только сел я – как он закричит:
Есть один, а других я поддену!»
– Ладно! – повар сказал и на смену
К двери знахаря слушать подсед.
Вот петух во второй раз запел.
«Слава Богу, другого дождался! –
Бедный знахарь меж тем утешался.–
Одного лишь остался ждать».
Повар тотчас пустился бежать.
«Братцы, плохо: и я не укрылся!»
Тут лакей в ту же минуту решился,
Коль его угадает, – просить
Пред царем преступленье их скрыть,
И пошел, подле двери уселся.
Вот и третий петух вдруг распелся.
«Ну, теперь больше нечего ждать!» –
Крикнул знахарь, собираясь бежать.
Тотчас воры Жучка переняли,
Царский перстень ему передали,
Пали в ноги и стали просить
Их, семейных людей, не губить.
Плут мужик мигом силы набрался,
Взял кольцо и простить обещался.
После, пол оглядел, меж досок
Спрятал данный ему перстенек.
Утром царь мужика призывает:

«Ну, что выгадал?» Тот отвечает,
Что кольцо склонилось в щели.
Стали шарить – и перстень нашли.
Царь пожаловал плута казною,
С царской кухни питьем и едою
И гулять в сад зеленый пошел.
На дорожке жучка он нашел,
Взял и к знахарю вдруг воротился:
«Ну, коль знахарем ты уродился,
Угадай, что держу я в руке?»
Испугался мужик и себе
Говорит, полный страха и муки:
«Ну, попался Жучок царю в руки!»
– Молодец! – царь его похвалил,
Денег дал и домой отпустил.

ДМИТРИЙ БРАНСКОЙ И ПЛЕМЯННИКИ КОРОЛЯ ЛИМБАЛА

У Лимбала-царя у литовского,
Короля той страны хитро-мудрого,
Как-то шло пированье широкое,
Столованье веселое, честное,
Про российских могучих витязей
Да купцов и крестьян православных;
Все сидят на пиру пьяны-веселы,
Все сидят на пиру веселешеньки,
Только два королевских племянника
За веселым столом призадумались.
Под конец гости все порасхвастались:
Кто казной золотой похваляется,
Кто конем богатырским, наезженным,
А иной расписными палатами;
Глупый хвалится женкой красивою,
Умный хвастает старою матерью,
А Лимбал со скамьи изукрашенной
Хитроумно глядит на пирующих
И затем вопрошает племянников:
«Ох вы гой еси, родны племянники,

Вы о чём это будто задумались?
Вы что молча сидите, не хвалитесь?
Аль казны золотой не имеете?
Али нету у вас боевых коней?
Али в чём-нибудь нету удачушки?»
Отвечают Лимбалу племянники:
«Ох ты гой есь, родименький дядюшка!
Мы ведь вот что сидим – думу думаем:
Посмотреть нам на Митрея хочется, –
Уж ты дай нам на то дозволение».
Не дает им Лимбал дозволения:
«Ехать к Митрею вам теперь непошто
И у Митрея делать вам нечего;
Я не хуже вас был в годы прежние,
Я тягался ведь с Митреем тридцать лет
И не мог одолеть добра молодца;
Митрей был завсегда ведь хитёр-мудёр,
По воде он ходил рыбой-щукой,
В поднебесья летал ясным соколом,
В зыбунах и грязях – волком серым.
У меня с ним положена заповедь:
Друг на друга не злобиться более,
А который найдет – тому ноженьки
По колени отнять саблей вострою,
А другой коль найдет – очи выкопать!»
Отвечают Лимбалу племянники:
«Ох ты гой есь, родименький дядюшка!
Дашь ты нам иль не дашь дозволение –
Все равно уж мы нынче отправимся!»

И отправились добрые молодцы
Прямоезжей дороженькой к Митрею;
Едут молодцы скоро да наскоро,
Подъезжают к Бранскому Димитрию;
Не случилося дома Димитрия,
А нашлися в нем только служаночка
Да племянница, лет восемнадцати,
И племянник-подросток восьмого годов;
Все они добела испугалися;

Убежала из дома служаночка
И в конюшню дворовую спряталась;
А они-то, Лимбала племяннички,
Стали тут пировать да хояйничать,
Что получше, ценней, в кучу складывать;
Тут сидели-глядели племянница
Да племянничек – мальчик молоденькой.
Склали молодцы все, что награбили,
Запрягли после коней Димитрия,
Захватили с собою племянницу
И племянника, мальчика малого,
А икону Царицы Небесныя
Истоптали в грязи, под воротами;
Все именье Бранского развеяли,
Разметали его поло-на-поло!

У Бранского водились три ворона,
Три кормленные им, приученные
По нужде вести сказывать Митрею.
Как увидели умные вороны
Неурядицу в доме Димитрия –
Полетели сейчас в поле чистое
Всюду Митрея спешно разыскивать.
Поднялися они высокохонько
И увидели во поле бел шатер;
Прилетели к шатру черны вороны
И уселись: один на верхушечку,
А другой на сырь-землю матушку,
А уж третий на дуб на развестистый.
Вот прокаркал он с дуба зеленого;
Дуб могучий метнулся, качается
И вершинами вместе сплетается,
А Бранской ото сна богатырского
Пробудиться совсем и не думает;
Каркнул ворон с сырой-земли матушки –
Не проснулся и тут Дмитрий-молодец;
А прокаркал лишь ворон с бела шатра –
Расщатался шатер, поразрушился,
Пробудился Бранской и на улицу

Вышел вон из шатра того белого.
Посмотрел-поглядел на все стороны –
Видит: возле сидят его вороны;
Рассудил про себя он, помысливши:
«Видно, в доме у нас неурядица –
принесли они весть мне немалую!»
Заревел-закричал он во турый рог –
Набежал в тот же миг богатырский конь,
Конь Димитрия из поля чистого;
Он ловил и седлал скоро-наскоро,
Он садился в седелко черкасское,
Он приправу сбирал богатырскую,
Отправлялся, спеша, в свою сторону.
Выезжал он с полей на дороженьку,
На дорожку тою прямоезжую,
Примечал он на ней да копытный след:
«Знать, проехали здесь неприятели!»
Подъезжает Бранской к дому-терему,
Поглядел на свой дом – все развеяно,
Все разметано, в лоск развоевано!
Соскочил он с коня богатырского,
Привязал его к крепкой оградине
И пошел по своей гладкой улице;
Видит: образ святой Божьей Матери
Втотган в грязь и лежит под воротами!
Взял он образ честной Богородицы,
Смыл с него, молодец, грязь великую,
В дом вошел и на прежнее mestечко
Он поставил икону с молитвою:
«Пресвятая ты Мать-Богородица!
Уж постой ты за веру великую!
Надо мной кто же так накуражился?
Кто разграбил мое достояние?
Уж не выдай меня, Мать-Пречистая!» –
После стал все Димитрий осматривать,
Обходил он домовые горницы
И пошел по конюшням дворовым;
В стойле конском увидел служаночку
И ее начал тут же расспрашивать;

Отвечает Бранскому служаночка:
«Были нонече здесь двое молодцев,
Я не знаю их, также не ведаю,
Из какой стороны они прибыли;
Увезли они, Митрей, племянницу
Да племянника, мальчика малого». –
Стал тут Митрей, спеша, снаряжатися
Да к поездке к далекой готовиться;
Брал с собою приправу он всякую,
Выезжал в чисто поле скорешенько;
Видит: в поле шатер черно-бархатный.
Подъезжает к нему он близехонько –
Никого из шатра не является;
Отпустил он коня богатырского,
Обернулся в медведя огромного
И у gnal их коней далекохонько.
Прибегает назад скоро-наскоро,
Обернулся потом горностайкою
И давай их поклажу осматривать;
Он отламывал спуски ружейные,
Отгрызал он у копий насадочки,
В лес дремучий стаскал все их сабельки.
Подскочил он потом ко черну шатру,
Под полу шатра стал заглядывать,
Что там делают – зорко высматривать:
А сидят они там, потешаются,
Лишь племянница крепко задумалась.
Стал тут Дмитрий в шатер да заскакивать,
По черну-то шатру перескакивать;
Увидал его мальчик-племянничек,
Говорит он любимой сестреночке:
«Ох ты гой есть, сестрица родимая!
То не дядя ли наш тут все прыгает?»
Отвечает сестра, пригорюнившись:
«Нет, откуда здесь быть дяде нашему!»
А Димитрий опять стал поскакивать,
По шатру по черному побегивать.
Взял тут шубу свою добрый молодец
И накрыл горностая той шубою;

Но догадлив был Дмитрий, вмиг выскочил
Через шубный рукав вон на улицу,
А как выскочил – тотчас, не мешкая,
Обернулся Бранской добрым молодцем;
Тут Лимбала-царя да племянники
Из шатра черно-бархатна бросились
И к приправам своим мигом кинулись;
А у ружей-то спуски отломаны,
А у копий насадки отгрызаны,
И все сабельки в лесе запрятаны;
Видят: делать им тут уж и нечего!
Запросил их Бранской, добрых молодцев:
«Кто отправил ко мне вас разбойничать?
Сами ль вы по себе, али дядюшка?..
Ведь у нас с ним положена заповедь:
Не идти чтобы вашему дядюшке,
Не идти да и мне против дядюшки;
Вы своим ли умом нынче прибыли,
Али дядюшка вам то наказывал?»
– Мы своим лишь умом то надумали, –
Отвечали племянники Дмитрию.
Он схватил их за черные волосы,
Одному обрубил ноги резвые,
У другого живком очи выкопал:
«Ты, безглазый, неси-ка безногого,
А безногий слепцу путь указывай!
Да ворочайтесь к дядюшке... с выслугой».

ПРИМЕЧАНИЯ. Поэтическая обработка былины, записанной в 1901 г. от Егора Ивановича Рочева в с. Усть-Цильма. См.: Печорские былины / Записал Н. Ончуков. – СПб., 1904 (Записки Императорского русского географического общества по отделению этнографии. – Т. XXX). Дмитрий Бранской – персонаж назван именем реального исторического лица. Дмитрия (Корибута) Брянского (?–1399), сына великого князя литовского Ольгерда; Дмитрий был родоначальником князей Трубецких, героям Куликовской битвы; участвовал и в междуусобных распрях, воюя как с русскими, так и с литовскими князьями. ...добра испугались – побледнели от страха. ...угнал их коней – угнал коней племянников короля.

Александр Круглов

СТАРЫЙ РЫБОЛОВ

Близ Прилук, в убогой хатке
Дед Антип живет;
Бел как лунь; годам давно он
Потерял и счет.

В хатке деда вечно тихо:
По зимам он спит
Днями целыми, а летом
Над рекой сидит.

Знал Антип другое время,
Жил тогда не так;
Был известен он как первый
На селе рыбак.

Изменили силы деду:
Он и стар и хил,
Но реки своей широкой
Все ж не разлюбил.

Только снег успеет стаять,
Пронесется лед,
Он все удочки исправит
И ловить идет.

Люб Антипу влажный воздух,
Белых чаек крик...
«Здесь легко мне, здесь привольно», —
Говорит старик.

И сидит, сидит день целый
Меж густых кустов,
И уснет порой невольно
Старый рыболов.

Часто кошки, даже птицы
Рыбу раскрадут,
Шаловливые мальчишки
Удочки возьмут;

Но об этом не горюет
Рыболов-старик:
Ведь нужна ему не рыба,
Он к реке привык.

1875

НА РОДИНЕ

И мрак и тиши. Небесный свод,
Склоняся с высоты безбрежной,
Как мать любимцу-сыну, нежный
Привет земле уснувшей шлет.
И сладко спит под лаской неба
Завороженная земля,
И веют ароматом хлеба
Ее широкие поля.

И мрак и тиши. Открыв окно,
Гляжу бесцельно в сад тенистый;
Струею теплой и душистой
Мне льется воздух в грудь... Давно
Мечтой я рвался из столицы
Сюда, где зеленеет ель,
Где вторит вольной песне птицы
Пастушья звонкая свирель.

Устал я жить в краю чужом...
И вот я вновь в родном именье;
Гляжу с тоскою: в запустенье
И отчий двор, и отчий дом.
Скривились башни, сад заброшен,
В беседках проросла трава,
А парк (он, помню, был роскошен!)
Давно срубили на дрова.

Засыпан пруд, где часто я
С друзьями на плоту катался
И рыбной ловлей забавлялся,
Где лебедей ручных семья
Привольно плавала, — и нет
Той старой розовой беседки,
Где взор хорошенъкой соседки
Мне выдал девичий секрет.

В забросе все. Царит печаль,
Где прежде песни раздавались,
Так громко, весело смеялись,
Лилось рекой вино в хрусталь.
Но где же старое веселье?
Куда, к кому оно ушло?
Кто правит ныне новоселье?
Быть может, вольное село?

Картины те же видит взор,
Что так давно ему знакомы:
На хатах — крыши из соломы,
А в хатах — тьма, и грязь, и сор;
На всем лежит печать лишенья
И терпеливого труда...
Нет, из усадьбы не сюда
Переселилось наслажденье!

И мрак и тишина. Открыв окно,
Гляжу бесцельно в сад тенистый,
И воздух, теплый и душистый,
Струею льется. Где ж оно —

Былое, светлое веселье?
Куда, к кому оно ушло?
Кто правит ныне новоселье?
Молчит уснувшее село.

Ответа нет. Но ясно мне,
Что обманулся я мечтою,
Что наболевшею душою
В глухой родимой стороне
Не отдохну, что будет дума
Покой мне всюду отравлять:
И там, где много блеска, шума,
И там, где сон да тишина и гладь!

1877

* * *

Я прожил всю весну на юге благодатном,
Под небом ласковым украинских степей,
Дышал я воздухом целебно-ароматным
Таинственных, задумчивых ночей.

Но степи, красотой волшебною блестящие,
И темно-синие Украины небеса
Заставить не могли, о, сторона родная,
Забыть твои дремучие леса!

Я тосковал по ним и рвался к ним душою,
О белых северных ночах я вспоминал,
И, обессиленный, измученный тоскою,
Я от степей цветущих убежал.

Я возвратился к вам, пугливые осины
И сосны стройные, чтоб вы в тени своей
Немолчным шепотом развеяли кручины
Души мятущейся моей!

1878

* * *

Лукаво выданный Своим учеником,
Он был жесткому подвергнут поруганью:
Увенчан тернием, и предан бичеванию,
И осужден на смерть неправедным судом.
И был Он на кресте позорно пригвожден,
Обагрена земля Божественною кровью;
Но с высоты креста изрек прощенье Он,
Учивший воздавать врагам за зло любовью.
С тех пор столетия над миром протекли...
Во храме гимны мы Расиятому возносим, —
И гоним истину, ее сынов поносим,
И распинаем тех, кто свет и соль земли!

1879

КОСМОПОЛИТУ

Быть может, ты и прав, с тобою я не спорю,
Но истина твоя чужда душе моей:
Сочувствовать могу я и чужому горю,
Но горе родины мне все-таки больней.

Иду ли пыльною проселочной дорогой,
Вхожу ли в темный лес, чтоб там укрыться в тень,
Встречаю ль на пути, в сторонке, храм убогий —
Отраду чистую безмолвных деревень;

Гляжу ли на поля, желтеющие рожью,
На бесконечный луг, одевшийся в цветы, —
На них, молясь в тиши, зову я благость Божью,
О них в моей душе тоскливы мечты.

Мне трудно объяснить, я сердцем понимаю...
Печаль — везде печаль, и я о всех скорблю,

Но о родной земле я иначе страдаю,
Ее я иначе люблю!

1882

ПОЭЗИЯ
(*A.H. Майкову*)

Язык поэзии – властительная сила,
Ей покоряются безропотно сердца...
Какие б чудеса наука ни творила,
Не ей соперничать с могуществом певца.
Певец – душа страны. Из края в край несется
Волнующая песнь: звучит среди степей,
В таинственных лесах, в пустынях раздается,
И ей внимает гладь безбрежная морей.
В убогой хижине, где прячется забота,
Нужда когтистая добычу сторожит,
В чертогах царственных, где блещет позолота
И в неге дни свои проводит сибарит;
Бесхитростным умам, не знающим сомненья,
Могучим гениям, великим мудрецам,
Кормильцу-пахарю, апостолу терпенья,
За мысль свободную бестрепетным бойцам –
Усладу всем несет поэзия с собою,
И в тайнике души сознание встает,
Что жизни сумрачной, чреватой суетою, –
И свет и красоту поэзия дает.
Наука дивные открытия свершает,
Мир преклоняется пред гением ума;
Но не наука дух народа окрыляет,
И не она его на подвиг вдохновляет:
Умри поэзия – и мир оденет тьма!

1883

ПРИМЕЧАНИЕ. *Майков Ангелон Николаевич* (1821–1897) – поэт, близкий по своим творческим установкам к сторонникам «чистого искусства»; в 1914 г. Круглов издал отдельной брошюрой биографический очерк, посвященный ему.

184

ОТВЕТ

Я получил, мой друг-философ,
Твое письмо. В нем ставишь ты
Мне прямо целый ряд вопросов:
«Куда влекут тебя мечты?
В чем видишь свет и обновленье?
Что злом и ложью признаешь?
Кому свое благословенье,
Кому проклятие ты шлешь?»

Лгать не любя и не умея,
И дружбу искренно ценя,
Отвечу, как могу, тебе я,
А ты сумей понять меня.

Я не поклонник грозной битвы,
Отрады в ней не нахожу,
Я Богу мира и молитвы
И всепрощения служу.
Но перед воином суровым,
Идущим в битву умирать,
Я преклонюсь, венком лавровым
Его готов я увенчать.
На бранный клич я отзывался,
Героев доблесть воспевал...
Я бескорыстно увлекался,
Не лицемерил и не лгал.

Угрюмый аскет, плоть бичуя,
Молитвы день и ночь творит;
Я знаю сладость поцелуя,
И страсть в крови моей горит.
Но перед сонмом неподкупных
Мужей, далеких суеты
И величаво недоступных
Соблазнам грешной красоты, —
Невольно я с благоговеньем
Готов колени преклонить,

На лире скромной песнопеньем
Их память светлую почтить.

Я – друг труда, я – друг науки,
В работе счастье нахожу,
И на мозолистые руки
Я с умилением гляжу.
Но вот – с величием царицы –
В толпу красавица вошла
И слуг покорных вереницы
Небрежным взором обвела.
И с увлечением на лире
Готов я петь: затем цветы,
Затем и все богатства в мире,
Чтобы служить для красоты!

Люблю свободу всей душою,
Не стеснена моя мечта...
Склоняюсь я пред красотою,
В чем ни была бы красота.

На целый ряд своих вопросов
Ты получить хотел ответ...
Вот он. Мой друг, я – не философ:
Я – лишь поэт.

1883

В КАБАКЕ

I

Кругом темно. Давно уснуло
Большое шумное село;
И лишь кабак, притон разгула,
Еще не спит, и в нем светло.
И крик, и спор, и песня чья-то –
Слился все в нестройный гул;

Забыты здесь семья и хата
Под этот бешеный разгул.
Здесь рвань, дрожащая в морозы,
Дитя любимое невзгод, –
Про радость светлую, сквозь слезы,
Разбитым голосом поет.
И часто в песне дикой, пьяной
Слышина тяжелая печаль...
О, темный люд – босой и рваный,
Как глубоко тебя мне жаль!

II

В углу, на грязный стол склонившись головою,
Ни с кем не говоря, он здесь давно сидит;
Глаза воспалены, и думой роковою
 Взор помутившийся горит.
Какая нищета! В лохмотьях вся одежда,
В мороз – полубосой, вином согрета кровь.
Здесь в сердце навсегда погребена надежда,
И не воскреснут в нем ни вера, ни любовь.
Конец – недалеко... Чем завершится драма:
С ножом ли схваченный он попадет в острог,
Замерзнет ли, и даст приют последний яма
Бродяге жалкому? – то знает только Бог!
Но брат осмеянный, отверженный – невольно
В воспоминании воскреснет предо мной,
И сделается мне опять тоскливо, больно,
 Как будто я всему виной.

1884

* * *

Сын любит мать свою; но, ласки расточая,
Он иногда ее во гневе и корит...
А пусть осмелится, пороки замечая,
Ее хулить чужой – в нем сын заговорит.

Люблю я родину; но, за нее страдая,
Порою не щажу ее святых седин...
А пусть осмелится, насмешкой обдавая,
Ее задеть чужой – во мне проснется сын!

1886

ПРИМЕЧАНИЕ. Стихотворение перекликается по содержанию с известным суждением А.С. Пушкина, высказанным в письме П.А. Вяземскому от 27 мая 1826 г.: «Я, конечно, презираю отечество мое с головы до ног – но мне досадно, если иностранец разделяет со мною это чувство».

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ

О, сколько бы иные ни твердили,
Что любим прочно мы лишь в зрелые года, –
Но первая любовь, кого бы ни любили,
Нам будет памятна всегда.

Пусть временно живые впечатленья
Невольно отвлекут капризную мечту,
И мы, в чаду страстей и увлеченья,
Боготворим другую красоту, –

Но все-таки порой воспоминанье
Из недр забвения с отрадой воскресит
И первое стыдливое признанье,
И первый поцелуй, и смутное желанье,
Которым молодость горит.

И станет нам вдруг сладостно и больно,
И пожалеем мы глубоко о былом,
Хотя на миг почувствовав невольно
Готовность прежнюю – склониться богомольно
Перед забытым алтарем.

1886

ПАМЯТИ ЛЕРМОНТОВА

Преемник славного, великого поэта,
С душой, похожею на бурный океан,
Ты по земле прошел, как яркая комета,
Рассеяв сладостный возвышенный обман
В сердцах, доверчиво считать привыкших сказку
За слово истины; раздвинув полог тьмы,
Ты властною рукой сорвал с очей повязку
И бросил жгучий яд сомнения в умы.
И то, как Прометей, на грозный спор, на битву
В безумной гордости ты Небо вызывал,
То в умилении, в слезах шептал молитву
И песни чудные о небесах слагал.

Давно твой голос смолк; но, горечью облитый,
Твой стих стальной звучит – у всех он на устах,
И ты, певец, рукой ничтожною убитый,
Живешь на родине, живешь у нас в сердцах.
И если все мы чтим бессмертный дивный гений
Творца Онегина, пленяясь красотой
Его ласкающих и светлых песнопений,
Их величавою спокойной простотой,
И если милы нам они, как свод лазурный,
Как тихий шепот волн – они лелеют слух, –
То дышит песнь твоя тоской и страстью бурной
И окрыляет мысль и пробуждает дух.
Родство невольное мы чувствуем с тобою
И верим, что ты нам, поэт, недаром дан, –
Похожий гордою, мягкуюю душою
На непокорный океан!

1891

ПРИМЕЧАНИЯ. ...рукой ничтожною убитый – Лермонтов погиб на дуэли с Н.С. Мартыновым, которого современники считали пустым человеком. ... бессмертный дивный гений Творца Онегина – гений Пушкина.

* * *

Для слова смерти нет... Давно, в начале лета,
На рынке отыскал случайно книжку я:
Обложки не было, фамилия поэта
Досель неведомой осталась для меня.
Но мне его душа в его словах открылась;
Но то, что он любил, чем жил он, – я постиг.
И мысль моя с его невольно породнилась, –
И книжку старую, одну из многих книг,
Забвенью преданных, покрытых слоем пыли,
Я перечитывать в досужий час люблю;
И отзвук старины, родной наивной были,
Как лепет милых уст – с отрадою ловлю.
А он – неведомый и родиной забытый,
При жизни, может быть, осмеянный поэт, –
Оставил путь борьбы и спит, в земле зарытый...
Есть для поэта смерть, – для слова смерти нет.

1897

МОЛИТВА (*Отцу A-pу P-ому*)

Я молюсь за всех живущих:
За несчастных и счастливых,
За трудящихся, зовущих
На работу, и ленивых;
Я молюся за богатых,
И ютящихся в лачугах,
И за всех тоской объятых,
И томящихся в недугах;
Я молюся за безумных,
Мозг до боли напрягавших,
И за них, в пирушках шумных
Светлый разум потерявших;
Я молюсь за изнуренных,
Но не сломленных борьбою,

190

И за всех обремененных
И униженных судьбою.
Но с особенным усердьем
Я молюсь за чуждых вере,
Пред Господним милосердьем
Затворивших дерзко двери;
И за тех, кто в грешной битве
Так успел ожесточиться,
Что не просит о молитве
И не может сам молиться.

Я молюсь за всех почивших,
Где бы ни было зарытых:
За великих, мир учивших,
За работников забытых;
Я молюся за страдавших,
За убогих и смиренных,
За жестоких, правду гнавших,
И за правду убиенных;
Я молюсь за мирно живших,
Отличавшихся терпеньем,
И за буйных, мир смутивших
Отрицаньем и сомненьем;
Я молюсь за любивших
И вражды не понимавших,
Я молюсь и за мстивших
И во гневе проклинавших;
Я молюсь за неотпетых,
За лишенных погребенья,
В жизни лаской не согретых
И не встретивших прощенья.
Но с особенным усердьем
Я о тех молюсь, рыдая,
Кто, пред Божиим милосердьем
Головы не преклоняя,
Из житейской грешной битвы
Уходил в мир тьмы и тленья,

Не шепча святой молитвы
И не веря в воскресенье.

1900

ПРИМЕЧАНИЕ. Адресат стихотворения не установлен.

СЛОВО
(П.Н. Мрочек-Дроздовскому)

Господь, все сотворивший словом,
Любовь безмерную явил:
Он человека в мире новом
Свободным словом одарил.

Живет вся тварь; жизнь даже камень
Таит в себе... Но дум полет,
Восторг души и сердца пламень –
Лишь слово нам передает

Во всем развитии красивом,
Во всей понятной полноте...
И по лесам, горам и нивам,
При ярком свете в темноте –

Несется слово, пробуждая
То гнев, то скорбь, то страсть в крови;
И силен мир, им выражая
Хвалу Творцу и гимн любви.

И в самом слове есть уж дела
Первоначальная ступень...
Не слово ль – если льется смело –
Тревожит сон и гонит лень?

Не слово ль вольное бичует
Порок и суд над ним творит?
И не оно ли указует,
Где к свету верный путь лежит?

О, слово – дар великий Божий!
Звучи в родной стране, звучи,
И в день, и в вечер непогожий,
И в ночь глухую не молчи!

Будь другом правде и народу,
В ненастье с нами потужи
И, славя светлую свободу,
Отчизне верно послужи!

1902

ПРИМЕЧАНИЕ. Мрочек-Дроздовский Петр Николаевич (1848–?) – юрист-историк, профессор истории русского права в Московском университете.

* * *

Не сдерживай горячей укоризны,
Когда она целебна для отчизны,
Когда в ней чутся любовь!
Но не порочь священные седины
Хулой врага и языком гордыни
Не обличай и не злословь.

Пусть знают все, речам твоим внимая,
Что говоришь ты, сердцем изнывая,
А не кощунственно глумясь,
Что у тебя с отчизною больною –
Как и у сына с матерью родною –
Неразрываемая связь!

1908

ВОСКРЕСЕНИЕ (Посвящается памяти матери и няни)

Проснулась тиши, разбуженная звоном,
Вспугнули ночь огни и голоса, –
И кажется, что сами небеса

Откликнулись пасхальным перезвоном
На гимн лиющей земли.

И стихла скорбь. И призраки ушли,
Терзавшие мучительным сомненьем
Пытливый дух, – и светлым привиденьем
Мелькнули в памяти младенческие дни...
Их благодатные огни
Проникли в глубь души – мрак бездны озарили
И душу мертвую для жизни воскресили.

Святая ночь! Возможна ли печаль,
Когда душа почуяла спасенье,
Воочию узрела воскресенье,
Отринув ветхую скрижаль,
Восприняла святое откровенье,
Коснулась риз целительных Христа, –
Когда всей полноты блаженного прозренья
Бессильны выразить уста!

Несется звон... Но не ему я внемлю, –
Мне слышатся иные голоса:
То – свой привет пасхальный шлют на землю
И Пасху празднуют с землею небеса!

1909

* * *

Затворившись в тесной келье,
Дух молитвой укрепляй,
Но безгрешное веселье
Не казни, не проклинай!

Встретив юношей, враждою
Светлых грез не отрави,
Но любовною рукой
Счастье их благослови!

1910

Семен Киснемский

МОЕ ВДОХНОВЕНИЕ

Поймете ль вы, друзья, мотив моих стихов,
Моих стихов порой глубокое значение:
Как свято жизнь люблю, как всех любить готов,
Мой новый взгляд на жизнь и новое ученье?
Оно разбросано, но каждый новый стих
Душе возвышенной напоминает ясно,
Как наша жизнь для тех заманчиво прекрасна,
Кто добр всегда пред злым и перед гордым тих.
Пусть в рифмах недочет, пусть слабы выраженья
И пусть изложены они все как-нибудь,
Но сердцем говорит святое вдохновенье
И к бывающимся сердцам отыскивает путь.

БОГАТСТВО БЕДНЯКА

Посмотрите — живут
Люди бедные,
За работу, за труд
Еле-еле берут
Гроши медные.

А довольны они,
Безобидные,
Хоть приходят одни
Невеселые дни
Незавидные.

Хоть квартира сыра
Ненагретая
И идут со двора –
Хоть такая пора –
Неодетые!

Хоть весь день и всю ночь
За работою,
А друг другу помочь
Так не только не прочно,
А с охотою!

Хоть приходят домой
Раздраженные
И тяжелой борьбой
С безысходной нуждой
Утомленные.

Хотя горе одно
Проживается,
А другое давно
Незаметно в окно
Пробирается.

Ведь на то у них есть
Воля твердая,
Есть и совесть, и честь,
Сила гордая.
Да еще им Бог дал
И терпение –
Вот их весь капитал,
Все имение!

<1885>

* * *

Где ты спрячешься,
Где укроешься

От погоды злой,
Непогодушки?
В стороне родной
Нет и родины,
Нет в родне твоей
Для тебя родни!..
Нет товарищей,
По душе друзей,
С кем совет держать,
Перемолвиться!
Ой, найдут тебя
Люди сильные
Своей злобою
Беспринчною!
И останешься
Ты лицом к лицу
Без борьбы своей
Перед пропастью!
Так найдешь ли ты
Силу-моченьку
В понадтреснутой
Молодой груди,
Чтоб над пропастью
Твердой поступью
Мимо злых людей
Проложить свой путь?
«Проложу я путь,
Путь-дороженьку,
Без родных, друзей,
Без совета их!
Не растрячена,
Не рассеяна
Сила гордая
Молодой души!
От погоды злой,
Непогодушки,
Я укроюся
С чистой верою

На родной груди
Земли матушки!»

ПРИМЕЧАНИЕ. Стихотворение является подражанием А.В. Кольцову.

ОСЕНЬ

Осень, гляди, на дворе.
Ну, а об этой поре
Вёдро-то редко бывает.
Дождь как зачнет в сентябре,
Так до зимы и качает!
Темень – так зги не видать,
Грязь – так, брат, во, по ступицу:
Лошадь не может ступить!
В гору ль начнешь подымать,
Аль попадешь в колесницу,
Индо заплачешь – беда!
Но уж зато и вольготно,
Осень живем беззаботно!
Солоду ростим тогда,
Ну, толоконца попарим,
Пива хмельного наварим,
В праздник гостей назовем –
То-то пируем и пьем!
Смотришь – пошли и беседы,
Танцы там, значит, кадрель.
Часом отцы да и деды
С нами ведут канитель.
Тут и в любовь поиграем,
И в околотке своем
Зорко невест выбираем,
Да и к венцу поведем!
Коли заехать случится
В нашу сторонушку вам,
Милости просим и к нам,
С нами в пиру веселиться.

РУССКАЯ

Посмотри-ка, добрый барин,
Русский танец удалой
И как пляшет мирный парень
Вместе с девкой молодой.
Мчится... вдруг пред нею встанет,
В ясны очи поглядит –
Та на парня с лаской взглянет,
За собою вслед поманит
И лукаво отбежит.
Он плечами быстро водит,
Каблуками он стучит,
А уж сам-то так и ходит,
Так и ходит, весь дрожит!
То «коленце» смело кинет,
То «вприсядку» он пройдет,
То перед нею вдруг застынет,
Остановится, замрет!
Но замрет с живой душою,
Веселее красна дня,
Перед девкой молодою,
Полный страсти и огня!
Сразу видно – заходила,
Закипела кровь ключом,
Так и дышит жизнь и сила
Страстью бешеною в нем.

ПРИМЕЧАНИЕ. Произведение отмечено влиянием поэзии Г.Р. Державина (см. стихотворения «Русские девушки» и «Цыганская пляска»).

МУКИ ПОЭТА

В тиши безмолвной кабинета,
Едва спустилась тихо ночь,
Звучала громко песнь поэта,
Мечты божественная дочь.
Он пел о горе и печали,
О кратком счаствии земном,
О тайнах беспредельной дали

И о забвенье гробовом.
И песня та лилась потоком,
Как призыв, сказанный пророком,
Как за волной бежит волна,
Неудержима и властна...

Но оборвалась песнь... встает поэт смиренный, —
Как строги властные и строгие черты!
И вот он в миг один рукою вдохновенной
Без сожаленья рвет заветные листы!..
И, совершивши казнь над песнею священной,
Свободно и легко всей грудью он вздохнул
И рваные листы, как будто прах презренный,
В дымящийся камин с досадою швырнул...
Но вот прошел экстаз... какая перемена!..
Как сразу постарел!.. как жалок стал поэт!..
Стоять не в силах он, сгибаются колена,
В сияющих очах погас огонь и свет...
«Не то!.. не то!.. не то!.. — твердит, ломая руки, —
Но отчего ж не то? О, Боже! почему
Восторженной душе близки святые звуки
И далеки всегда холодному уму?!.»

* * *

Как много тайных, горьких дум
В душе встревоженной поэта,
Недаром ходит он угрюм,
Чуждаясь ласки и привета.
Недаром от людей бежит,
Бежит их пошлого союза
И только ждет, когда слетит
К нему возлюбленная муз.
И с ней воспрянет он душой,
Забыв житейские тревоги,
Летит крылатою мечтой
В ее воздушные чертоги!
Кипит тогда поэта ум,
В груди быстрее сердце бьется,

И песнь его звучит и льется,
Как отдаленный моря шум...

НА НОВЫЙ 1899-й ГОД

Встречаю Новый год печальный и угрюмый,
На прошлое свое я посмотрел с тоской,
А в будущность взглянул невольно с горькой думой
И голову свою склонил в тиши ночной.
С надеждой в жизнь вступил, исполнен чистой веры,
С запасом гордых сил, чист сердцем и душой,
Я без изъятия всех вокруг любил без меры,
Но, словно как на смех, для всех я был чужой.
А годы быстро шли... И с каждым Новым годом
Заметно я слабел, но я не унывал.
И смело все иду навстречу злым невзгодам,
Пока не захлестнет меня девятый вал.
О, как обидно мне, что, силы сознавая,
Бесплодно жизнь веду среди одних тревог,
И думаю теперь, на прошлое взирая:
Что в жизни сделал я, и что я сделать мог?
Прошел я полпути, и даже больше, может;
Душою чист и юн, но прежней силы нет;
Надежды все сберег, но червь сознанья гложет:
Что сделать я смогу на склоне грустных лет?
На прошлое свое смотрю я с горькой думой,
Несу покорно крест, поникнув головой,
Встречаю Новый год печальный и угрюмый,
Истерзанный в борьбе, всегда и всем чужой!..

* * *

Я доживаю век под игом
Несправедливости людской,
Привык я к собственным веригам
И крест несу покорно свой.
Мне этот крест ниспослан Богом,
Отметил Бог меня перстом,

Чтоб я и горю и тревогам
Навстречу смело шел с крестом.
Хоть крест тяжел, но он по силам,
Пусть в мире я для всех чужой,
Но много моши в теле хилом,
И крепок гордою душой.
Не жду людского состраданья.
Что мне участье может дать?
Я полюбил свои страданья,
Я сам умею сострадать.
И я горжусь своею долей,
Благодарю судьбу свою,
Что не своей, а Божьей волей
Я песни радостно пою!

РОЖДЕСТВЕНСКАЯ НОЧЬ

В Рождественскую ночь, опять надежд полна
И радости живой, ликует вся природа.
Красавица небес – холодная луна –
Приветнее глядит с лазури небосвода.
Блестящих ярких звезд неисчислимый хор,
Усеяв небосклон, вверху горит и блещет –
И льется дивный свет, как Бога ясный взор,
В безмолвии земля и внемлет, и трепещет...
Суровый Дед Мороз, густой зеленый лес
Украсив серебром, на ветках притаился,
А тихий ровный свет Божественных небес
На скатерти снегов лучами отразился.
Могучие леса вершиной не шумят,
Голодный хищный волк притих в своей берлоге,
Трусливые зверки в прогалинах сидят,
Чего-то тоже ждут, без страха и тревоги!..

И Матерь Божия в святую эту ночь
Идет с Христом в руках по суще и по морю,
Идет незримая, готовая помочь
Нужде, беде земной, несчастию и горю.
Идет ли чащею глухою и лесной,

Идет ли снежною безбрежною долиной –
Благословение несет Она с собой,
И славит целый мир родившегося Сына.
Она замерзнувшим тепло вдыхает в грудь,
Она недугующих взором исцеляет,
С дороги сбившимся указывает путь,
На море тонущих от гибели спасает.
Кого коснется лишь Всеблагостной рука –
И в жизни больше тот не ведает ненастья,
Войдет ли Радостная в хату бедняка –
И сумрак нищеты засветит блеском счастья!

* * *

Лежит Он в яслях тих, прекрасен,
С улыбкой дивной на устах,
И Божий Промысел так ясен
В Его Божественных чертах.
Пред Ним в раздумии глубоком
Сидит Его Святая Мать
И зрит в чертах духовным оком
Страданий будущих печать!..
И в этот час Его рожденья,
Великой ночи поздний час,
Раздался с неба трубный глас
И хора ангельское пенье, –
То хоры ангелов, толпой
Слетевши к Божьему чертогу,
Запели «Слава в выших Богу», –
И песне дивной и святой
Природа чуткая внимала
И вся, казалось, трепетала,
Исполнясь радостью живой.

1905

ПРИМЕЧАНИЕ. «Слава в выших Богу» – см. примеч. к «Кантам на Рождество Христово» М. Заварина.

Павел Вересов

КАЗЕННЫЙ МЕДВЕДЬ

И за что же судьба так карает меня?

На лугу, близ казенной дубровы,
Косолапый убил вороного коня,
Вырвал вымя у белой коровы.

Загрустила душа – разорился вконец...

Мы в беде в помощь Божию верим...
Туго вбил я в винтовку тяжелый свинец
И пошел побороться со зверем.

Жрет остатки... Не ждет он смертельной борьбы.

Я дрожу... Но пустил наудачу –
Он взревел, озираясь, вскочил на дыбы
И понесся в казенную дачу.

Я с собаками вслед. А навстречу лесник...

И кричит: «Это что за проказа?
Ведь казенный медведь! как ты смел, озорник,
Потревожить его без приказа?»

«Так и так, – говорю, – причинил он беду...

Мне Топтыгина вовсе не надо...
Если ваш, я, пожалуй, за ним не пойду,
Лишь бы он не ходил в наше стадо».

«Правда, слышал лесничий о горе твоем...

Так с соседями сделай облаву...
Только зверя не бей! с сыновьями втроем
Позабавится барин на славу».

Лбом стены не пробить. Кума, свата позвал —
Мы готовы служить и натурой.
Вдруг трещит... Бац в упор! уложил наповал...
Поплатился мне мишенька шкурой.

Тут, казалось, нашел я несчастью конец.
Но не так-то выходит на деле.
Нам нежданно вручает повестку гонец,
Вызывают на той же неделе.

«Вы убили медведя?» — спросил мировой.
«Точно так», — отвечали мы дружно.
Он плечами пожал и тряхнул головой:
«Убивать бы, — сказал он, — не нужно.

Барин вам приказал обложить, но не бить...»
В этом суд усмотрел нарушенье!
С нас взыскать шестьдесят, мех в казну возвратить! —
Точно гром, поразило решенье.

Всемогущий Господь! что же правда Твоя
На суде не имела успеха?
Знать, для барина голая шкура моя
Подешевле медвежьего меха!

ТРИЗНА

Широкою лентою вьется река;
Беззвучным дыханьем порыв ветерка
Рябит серебристую воду;
Вдали вереницей плывут облака,
Блуждая по синему своду.

В зеленой дубраве трепещут листы,
О чем-то таинственно шепчут кусты.
Смолистый костер на поляне,

Где скромно пестреют лесные цветы.
Толпятся кругом поселяне.

Ладья многоценных вещей на костре;
Над нею нарядный шатер, а в шатре
Лежит почерневшее тело
На мягком, покрытом парчою одре --
В могиле оно уж смердело.

Был князем воинственным этот мертвец.
Изрублен ретивый его жеребец,
Волов безответная пара...
Собаку, пернатых и пару овец
Постигла такая же кара.

Седая старуха, заклятый злодей,
Что ангелом смерти слывет у людей,
Ликуя, свершает обряды
И труп, не гнущаясь смердящих костей,
Рядит в дорогие наряды...

У трупа копье, и послушливый лук,
И стрел смертоносных увесистый пук,
И щит, боевая секира,
И меч, неразлучный товарищ и друг,
Участник кровавого пира.

Плоды наливные, сосуды вина...
Но где же любимая князем жена?
Зачем не явилась на тризну?
Жены не имел; так рабыня одна
Пойдет с ним в другую отчизну.

Расставшись с семьей чернооких сестер,
Как белая лебедь, взошла на костер
Девица высокого роста,
Тревожно взглянула на пышный шатер:
Там «ангел» хлопочет неспроста.

У ней порасчесана гребнем коса,
Лоснятся отливом, как шелк, волоса;
Глаза беспокойствием блещут;
А снежные груди – девичья краса,
Как птички в неволе трепещут.

Подруги подносят ей чашу вина.
Девица ее вышивает до дна,
Пьянеет от влаги кристальной;
Прощальную песню заводит она,
Песнь льется струею хрустальной.

Звучат в ней порывы к духовной борьбе,
Желанье спастись и покорность судьбе,
Отрава последней разлуки,
И горечь удела, что выпал рабе,
И смерти насильственной муки.

Злодейка-старуха идет из шатра:
«Ну, что тут распелась? Кончать уж пора! –
Сказала с улыбкою злобной. –
Спеши к господину и встань у одра,
Натешишься в жизни загробной.

Там будешь считаться княгинею ты –
Князь ищет давно уж твоей красоты».
И с жертвой покончить решили.
Дружина ударила звучно в щиты,
Чтоб стоны девиц не страшили.

И «ангел»-старуха, как глазом моргнуть,
Вонзила булат в белоснежную грудь,
И кровью покров обагрила...
«Ну, князь, – говорит, – и меня не забудь:
Невесту тебе подарила».

С мольбой зажигают костер смоляной.
Вдруг ветер нахлынул могучей волной;
Взвилось, как роскошное знамя,

Над щедрою жертвой в поляне лесной
Широкое, жадное пламя.

Свершилось. Священный огонь уж потух.
Оружие, конь, и волы, и петух,
И нежное женское тело –
Все в рай, где блаженствует княжеский дух,
На службу к нему отлетело.

«И будет наш князь там несчетно богат:
Настроит судов и роскошных палат –
Рекою полыются доходы...
Познают враги беспощадный булат,
Как вздумает выйти в походы», –

Ведут поселяне такой разговор,
Толпой насыпая высокий бугор
На память потомкам отчизны
На месте, где был их великий костер
С священною жертвою тризоны.

ПРИМЕЧАНИЕ. *Ладья многоценных вещей на костре* – тело знатного человека сжигалось древними славянами в ладье, нагруженной воинскими доспехами и предметами обихода, якобы необходимыми в загробном царстве.

КАМО ГРЯДЕШИ?

Жестокие казни придумал Нерон.
Среди христиан небывалый урон:
Не раз раскрывались тюремные двери,
Не раз пировали свирепые звери,
Багрила арену горячая кровь...
Но «хлеба и зрелищ» послышалось вновь.

Лилось в подземелье священное пенье:
«В час смерти, Всевышний, пошли нам терпенье,
Чтоб видели силу Твою палачи,
Чтоб жизнь наша гасла, как пламя свечи,

Как чистая жертва святого ученья,
Чтоб мир обновился чрез наши мученья».

Толпа христиан приступила к Петру:
«На казни нас всех поведут поутру...
Кого же ты будешь пасти здесь, учитель?
Тебя истерзает жестокий мучитель...
Иди же ты к стаду Христовых овец!
Подальше от Рима спасайся, отец!»

Он всех предстоящих окинул глазами,
Он руки над ними простер со слезами;
Во имя Христа осенил их крестом,
За паству усердно молился потом
И молвил: «Пусть казни никто не страшится!
Пусть, Господи, воля Твоя совершится!»

И вышел из Рима, молитву творя.
На синем востоке зарделась заря.
Проснулись в долине воздушные хоры.
Уж солнце всходило на ближние горы.
Он видит – в долину спускается шар...
В грудь старца проникли и холод и жар.

Все ближе к нему подплывало светило,
Соседнюю рощу уже охватило,
И жадно так смотрит апостол вперед:
В сиянии солнечном Кто-то идет...
И старец затрясся, упал на колени,
Исчезли сомненья, как легкие тени:

В сиянии солнца явился Христос.
Смиренный апостол молитву вознес,
Промолвивши: «Камо грядеши, Учитель?»
– О, Камень, тебя соблазнил искуситель:
Ты Рим оставляешь в мирской суете,
Так снова распяться иду на кресте. –

И обмер апостол, лежит без движенья...
Тому, что свершилось с ним, нет выраженья.
Воспрянул и смотрит – Спаситель незрим...
Взяв пастырский посох, вернулся он в Рим.
Там долго вещал он святое ученье
И крестное принял смиренно мученье.

ПРИМЕЧАНИЯ. В основу стихотворения положено предание о том, как уходивший из Рима апостол Петр был остановлен Христом и возвращен к жестоко гонимым властями последователям христианского учения. *Камо грядеши?* (Церковно-славянск.) – Куда идешь? *Нерон* (37–68) – римский император, прославившийся бесчеловечностью, коварством и самовлюбленностью; был рьяным преследователем христиан. *Хлеба и зрелиц* – клич римской черни. *Воздушные хоры* – поющие птицы. *Камень* – греческое слово *Петрос* значит «камень»; сакральное значение этому имени было придано Христом: «И Я говорю тебе: ты – Петр, и на сем камне Я создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее. И дам тебе ключи Царства Небесного; и что свяжешь на земле, то будет связано на небесах; и что разрешишь на земле, то будет разрешено на небесах» (Евангелие от Матфея, гл. 16, ст. 18–19). ...*крестное принял смиренно мученье.* – Предание гласит, что Петр, не считавший себя достойным уподобиться Христу в роде смерти, упрощил палачей распять его вниз головой.

СИЛА МОЛИТВЫ

В дремучем лесу, над обрывом крутым
Стоит одиноко сторожка;
Меж камней, заросших бурьяном густым,
К ней выется глухая дорожка.

Здесь жил, по преданью, когда-то лесник
Вдвоем со своею подругой.
Жил долго, во всякие дебри проник
И зорко следил за окружай.

Он слыл нелюдимом; а в образе сов
(Как в селах носились слухи)
К нему по ночам из дремучих лесов
Слетались нечистые духи.

Порой разразится свирепо гроза,
Завоют мохнатые ели –
Огнем у него заблистают глаза,
Встает он с убогой постели.

Трясутся колени, дрожит голова,
Поспешно выходит он в сени,
Кому-то невнятно лопочет слова,
Витают какие-то тени.

Однажды в убогую хату свою
Он поздно пришел из обхода;
В молчании сел он к столу на скамью;
А в окна стучит непогода.

Старуха-хозяйка за пряжею льна
Дремала на лавке за печью.
«Я скоро умру... Не пугайся, жена, –
Он к ней обращается с речью, –

Но только сама не решайся умыть
Мое посиневшее тело...
Сходи за людьми, чтобы худу не быть;
Не сходишь – ужасное дело...»

Он тяжко вздохнул и невольно умолк,
Упал, а глаза помертвели...
Под окнами буря завыла, как волк;
Как змеи, леса зашипели.

Старуха трепещет – страх в душу проник --
И думает грустную думу:
«Сходить за людьми завещал мне лесник –
Боюся осеннего шума...»

Куда же пойду, коль не видно ни зги?
Сама понемногу устрою...
Царица Небесная, мне помоги!
Умою, холстиной покрою...»

На лавку она подостлала сенца,
Покрыла какой-то ветошкой,
И ложе готово: кладет мертвца...
Вдруг кто-то мякует кошкой.

Затеплить свечу непослушной рукой
Старуха спешит хлопотливо
И шепчет: «Раба Твоего упокой», –
И смотрит кругом боязливо.

В ночной темноте свирепеет гроза;
Мертвец шевелится на ложе...
Зеленым огнем загорелись глаза,
И с лавки встает он. «О Боже!

Святые угодники, будьте со мной!
Спасите меня от напасти! –
Взмолилась. – Не знаю молитвы иной,
Избавьте от адовой пасти!»

Вдруг дверь отворилась... И свет просиял...
Вошли в облаченьях церковных
Священник и дьякон. И трепет обнял
Умершего в путах греховных.

И буря умолкла в густой темноте –
Исчезла нечистая сила.
«А кто вы такие?». – Мы самые Те,
Кого ты в молитвах просила. –

«Побудьте со мною, святые отцы!»
– Не бойся, вернемся мы вскоре...
А ныне зовут нас в другие концы –
Несчастье случилось на море.

ПРИМЕЧАНИЕ. Святые угодники – лица, возведенные церковью в ранг святых за «особо угодные Богу дела», за истинно христианский образ жизни.

ПЕТУШОК

На краю села стояла хата,
Не красна углами, не богата.
Но жила счастливо в ней старушка:
Каждый день была у ней пирушка.
Хоть она землицы не держала,
Ржи не сеяла, в полях не жала,
Яровой пшеницы не полола,
Но нередко всячину молола.
Был у ней в подполье жернов-чудо,
По желанью он готовил блюдо:
Уж чего б она ни захотела,
Только б чудо-жернов повертела –
И готово кушанье любое.

Раз покрылось небо голубое
Мутной тучей. Вьюга загудела.
Вдруг к лачуге тройка подлетела,
Колокольчик замер под дугою.
Входит знатный барин со слугою:
«Приюти, старушка, нас от ночи,
Ехать дальше не хватает мочи.
Угости с дороги нас закуской;
Крепко будем спать на лавке узкой».
А она с поклоном отвечала:
«Уж давно господ я не встречала,
Угостить вас рада всей душою:
Пирогами, кашей и лапшою.
У меня в подполье жернов-чудо,
По желанью он готовит блюдо».

Вот старушка жернов повертела,
Получила все, чего хотела.
«Вам по вкусу ль, гости дорогие?
Если нет, так яства дам другие».
Вдоволь знатный барин угостился,
Не шутя он жерновом прельстился.
«Не зевай-ка ночью ты, Филатко! –

Он шепнул слуге, – покушать сладко
Я привык давно, еще с пеленок,
Да и ты не прочь, пузатый постреленок!»
Так питает замысел коварный
В сердце барин наш неблагодарный.
А старуха между тем хлопочет,
Приютить гостей получше хочет,
Обратилась к ним с такою речью:
«Поделиться рада с вами печью –
Смокли вы, озябли, чаю, тоже,
Так на лавке спать уж вам негоже».«
Отказались гости лезть на печку,
Улеглись и погасили свечку.

Поутру хозяйка-то проснулась,
Посмотрела вокруг и ужаснулась,
Затряслася, бедная, от страха,
Побледнела, как ее рубаха;
Защемили старческие кости:
Ведь недаром рано скрылись гости,
За прием спасиба не сказали,
Тем ее жестоко наказали.
Бросилась в подполье, смотрит – худо:
Выкраден оттуда жернов-чудо.
А такой беды не ожидала.
Вот на лавку села, зарыдала.

На завалинке, любуясь солнцем,
Петушок сидел перед оконцем.
Сlyша плач старушки, молвил смело:
«Не горюй! поправить можно дело.
За него примуся аккуратно
И доставлю жернов твой обратно».

Он взлетел на барские хоромы,
И над ними разразились громы:
«Ты отдай-ка, барин, жернов-чудо,
Поскорей отдай, нет – выйдет худо;
Не отдашь его – пожалуй к бою,

Не на жизнь, на смерть сражусь с тобою».
Петушок страшает без умолку,
Тем и хочет он добиться толку,
Понагнать на барина кручину.

Барин бросил петушка в пучину.
Петушок почувствовал невзгоду
И промолвил: «Лей же, горло, воду,
Обрати пучину эту в сушу,
Чтоб спасти я мог от смерти душу».
Горло жадно воду выпивало –
И пучины словно не бывало.

Петушок взлетел на барские хоромы,
И над ними разразились громы:
«Ты отдай-ка, барин, жернов-чудо,
Поскорей отдай, нет – выйдет худо;
Не отдашь его – пожалуй к бою,
Не на жизнь, на смерть сражусь с тобою».

Барин бросил петушка в солому,
Навалил поверх сухого лому
И поджег все это самолично.
Смотрит – запыпал костер отлично.
Петушок почувствовал невзгоду
И промолвил: «Лей же, горло, воду,
Чтоб беды не стало надо мною».
Хлынула в костер вода волною,
Потушила пламя роковое.
Петушок назойливее вдвое:
Он взлетел на барские хоромы,
И над ними разразились громы:
«Ты отдай-ка, барин, жернов-чудо,
Поскорей отдай, нет – выйдет худо;
Не отдашь его – пожалуй к бою,
Не на жизнь, на смерть сражусь с тобою».

Видит барин, что приходит жутко:
С петушком ему плохая шутка.

Мыслит: что бы с ним такое?
И отправил в кухню на жаркое.
У него же повар был искусный –
Приготовил завтрак очень вкусный.
Скушал. Только вдруг дыханье сперло.
Петушок же выскочил чрез горло,
Полетел на барские хоромы,
И над ними разразились громы:
«Ты отдай-ка, барин, жернов-чудо,
Поскорей отдай, нет – выйдет худо;
Не отдашь его – пожалуй к бою,
Не на жизнь, на смерть сражусь с тобою».

Разболелся барин наш от горя,
Вышел враг его сухим из моря,
Из утробы вышел невредимым,
Остается он непобедимым,
Час от часу громче просит боя,
Не дает хозяину покоя.

Барин думать стал другую думу:
«Выдам жернов я ему без шуму,
Пусть несет его, куда он хочет,
Только уж со мною не хлопочет».
Отдал жернов. Нет борьбы упорной:
Поклонился головой покорной
Петушку наш барин за обиду.
Тот вспорхнул и улетел из виду,
А затем с добычею богатой
Появился скоро перед хатой,
Где старуха плакала тоскливо.

Ныне вновь живет она счастливо.

ПРИМЕЧАНИЕ. Поэтическая обработка русской народной сказки «Петух и жерновцы».

ЯБЛОНИЯ

Стояла яблонь у села.
Весной, когда она цвела,
Летала в гости к ней пчела,
В густой листве певали птицы;
В тени прохладной в летний зной
Сидел здоровый и больной,
И плод срывали наливной
Старухи, красные девицы.
Пришла печальная пора:
Дряхлеет тощая кора –
И горе яблоньке бесплодной:
Никто не лечит, чуть жива...
И, наконец, зимой холодной
Ее срубили на дрова.

Пока работал в полной силе,
Не знавши отдыха, Панфил,
Он был и дорог всем, и мил;
Ослаб – забыли о Панфиле.

Василий Кичин

КТО СЧАСТЛИВ?

Как мимолетная мечта,
Проходит жизни суeta!..
За поколеньем поколенье
Уходит в вечное селенье...
Земной пробьет последний час,
Друзья, для каждого из нас!..
Бедняк, богач, убогий, знатный
Не возвратятся в путь обратный –
Засыплет мать-земля сырая...
И благо тем, кто радость рая
Земною жизнию стяжал,
Кто никого не обижал,
Кому все были близки, братья,
Любви полны кого объятья;
Чье принимал Господь моленье
За трудолюбие, смиренье;
Кто расточал сребро и злато
На помощь немощного брата,
Об нем заботясь и скорбя,
Любил его, как сам себя,
Кто не роптал на тяжесть доли
И укреплялся в силе воли,
Чтоб трудовую жизнь вести
Земного странствия в пути,
Благоговейно Алтарю,
Своей Отчизне и Царю
Служил кто век не лицемерно,
Живя и праведно и честно.

Сергей Касаткин

ИЮНЬСКАЯ НОЧЬ

Стелется медленно ночь благовонная,
Небо темнеет, и ветер молчит;
Песня кузнечика неугомонная
Однообразно звучит...

Дремлют поляны, росою повитые,
Тихо над ними плывут облака,
Утром катившая волны сердитые
Не шелохнется река...

Скрылося солнце, давно ли лучистое,
Ночь свои тени едва навела;
Глянь на восток: уж заря золотистая
Поясом ярким взошла...

Скоро лучи прихотливо разделятся,
Солнце вернется к обычной красе...
Слышиши: уж ласточки в гнездах шевелятся,
Крылья купая в росе...

Видишь, как сосны колеблют вершинами,
Будто стараются сон превозмочь...
Иль не роскошна своими картинами
Нашего Севера ночь?!

НОЯБРЬ

Пуст наш сад: березы облетели...
Поздней осени кончается пора...

Ярче прежнего еще зазеленели
Пихты стройные в венках из серебра.

Слышиу я уж скрип полозьев грубый:
То обозы едут по реке...
Вон, сверкнув своею белой шубой,
Пробежал русак невдалеке...

Окна вставлены; дрова в печах пылают;
На карнизах снега бахромы...
И с крыльца вороны прославляют
Хриплым карканьем пришествие зимы.

ВЕСНА

Взломало лед: струятся воды;
Река воспрянула от сна...
Подруга счастья и свободы,
Несется юная весна.

Зимой томимые под спудом,
Согнавши снежные бугры,
Вновь заблестели изумрудом
Осенней озими ковры.

Жужжат жуки, летают мошки,
Пестреют высохшие мхи,
И расхолатились сережки
Прибрежной ивы и ольхи.

Двором наскучивши, корова
Протяжней свой выводит плач,
И на родной березе снова
Кричит и хлопается грач.

Лазурней стали неба своды;
Глядит наряднее сосна...
Подруга счастья и свободы,
Несется юная весна!

* * *

К чему напрасно утверждать,
Что мир скучнее год от году?
Весны нам не придется ждать,
И будет вечно возрождать
Она угрюмую природу...
И будет, начиная жить,
Все так же молодость любить.

Быть может, радость и других
Крылом своим порой коснется:
Поэт создаст волшебный стих,
Похитит поцелуй жених,
Больной здоровью улыбнется...
И расцветет душою мать,
Заставив сына лепетать...

Нет, не кляните этот свет,
Ему не шлите укоризны.
В нем много горя, много бед,
Но есть восторги, есть привет,
Любовь семьи, друзей, отчизны...
Зло не везде еще кумир...
Добром еще прекрасен мир.

* * *

Времена бывают круты...
Верно, други, но подчас,
Знать, веселые минуты
Выпадают и для нас...

Жизнь томит, как скучный терем,
Сушит мозг и студит кровь;
Гибнем мы, а все же верим
И в удачу, и в любовь!..

* * *

Жду тебя, жду... Уж в аллеях стемнело;
Тихо, спокойно вокруг...
Солнце в последних лучах догорело...
Что же ты медлишь, мой друг?

Листья едва легкий ветер колышет;
Коростель где-то кричит...
Грудь моя жадно прохладою дышит,
Сердце так сладко стучит...

Чу, слышу я, соловья переливы
Вновь разнеслись по садам...
Ветви свои молчаливые ивы
К сонным спустили прудам...

О, наконец!.. Но в глазах твоих слезы?
Друг, не страшись, не тоскуй!
Здесь, под таинственной тенью березы,
Будет наш чист поцелуй!

ПРИМЕЧАНИЕ. По тематике и образности произведение сходно со стихотворением А.А. Фета «Жду я, тревогой объят...» (1886).

* * *

В несчастье будь спокоен, нем;
Скрывай след горя своего;
Поверь, не тронешь нас ничем...
Ведь люди – братья только тем,
Кому не нужно ничего!

* * *

Все покупать и продавать
Привыкли так в наш век презренный,

Что даже мысля приласкать,
Мы говорим: «О наш бесценный!»

* * *

Противоречия меня не удивляют;
Без парадоксов люди не живут:
Все первую любовь последнею считают;
Последнюю – все первою зовут!

* * *

Да, поэзия нынче в загоне;
Говорят, что она не нужна;
Лишь в известном, болезненном тоне
Нам понравиться может она...

Нас томят небывалые муки;
Идеалы втоптали мы в грязь;
И поэзии нежные звуки
Потеряли с душой нашей связь...

Говорят: развитому народу
Не мелодии нужны, а речь...
Про отчизну, любовь и природу
Петь напрасно: им нас не увлечь.

Нынче даже и юные девы
От кумиров таких далеки...
Их пленяют другие напевы:
Мил им стон, хоть притворной, тоски.

Сила чувства, изящество слога,
Рифмы блеск – не в почете у нас...
Заросла и заглохла дорога
На когда-то желанный Парнас!

Но, пока существует природа,
Пока смертным назначено жить,
Их пленять будет вечно свобода,
Они будут и петь, и любить...

Потому-то я верю упорно,
Что дождемся мы лучшей поры...
Мы не можем так кончить позорно,
Изнемогши под грузом хандры.

Ведь устанет наш ум беспощадный
Видеть всюду лишь зло и врагов;
И вернемся мы с прихотью жадной
К языку и блаженству богов!

* * *

Согласен: я провинциал,
Столицы лишь случайный житель;
Но луч науки проникал
И в нашу скромную обитель.
И жизнь мы сведали вполне,
Не из трактира иль парада...
Чтоб знать ее, поверьте мне,
Окна в Европу нам не надо!

Ваш взор на Запад обращен,
Мой на Руси сосредоточен;
Ваш ум в софиике силен,
А мой, увы, лишь прост и точен.
Чтоб дум не высказать порой,
Не прочь вы даже полукавить;
А я излишней прямотой
Могу вас покраснеть заставить.

Пускай я вам кажусь смешон,
Как старый тип провинциала,
Но из столиц хамелеон

Не симпатичен мне нимало.
В нем все обманчиво, как есть:
От убежденья до наряда;
Все для него – любовь и честь,
И долг и совесть – дело взгляда.

ПРИМЕЧАНИЕ. *Окно в Европу* – образ из книги итальянского писателя Альгаротти (1712–1764) «Письма о России», получивший широкую известность благодаря использованию его Пушкиным в поэме «Медный всадник».

НА ПОРОГЕ ХХ СТОЛЕТИЯ

Мы дождались конца ликующего века...
Ужель его жалеть мы вздумаем теперь?
За то ль, что затоптал он душу человека
И доказать сумел, что в нем не умер зверь?
Поклонники Золя, Нордау и Ломброзо,
Мы с скрежетом зубов разрушили алтарь,
Где в прежние века благоухали розы,
Искусств, наук, любви царили боги встарь...
Созданья гениев, мечты их и порывы
Не шевелят сердце, забытые давно;
Наука служит лишь как средство для наживы,
И для грядущих дней мы не вспахали нивы,
Не бросили зерно...

Нас девы, женщины, как предков, не пленяют,
Не смотрим мы на них, как на своих подруг...
Пусть плачут, бедствуют, трепещут, изменяют...
Постыл и мертв для нас семейный круг!
Довольные вполне минутой обладанья,
В безумной прихоти не ведая узды,
Мы сами будто ждем, что время иль страданье
Улыбки, красоты, любви очарованья
Изгладили следы...

Беднея день от дня, мы завистью болеем:
Мы все хотим иметь и у других отнять,
Мы истины бежим, мы горя не жалеем,

Глумясь над честностью, свое мы дело смеем
Добром и славой звать!

Так будь же проклят век, ни одному народу
Не давший ничего, на что он уповал...
Будь проклят и за то, что, обещав свободу,
Ты нас в цепях нужды, теснейших год от году,
Безвыходно сковал!

ПРИМЕЧАНИЯ. Стихотворение написано под влиянием лермонтовской «Думы». Зола – Эмиль Золя (1840–1902), французский писатель-романист, представитель натурализма, согласно установкам которого определяющими законами существования общества и отдельного человека являются законы биологические. Нордау Макс (1849–1923) – врач и психолог, автор нашумевшей книги «Вырождение», посвященной духовному упадку Европы конца XIX в. Ломброзо Чезаре (1836–1910) – итальянский медик и психолог, учитель Нордау, выдвинул теорию о биологической предопределенности преступных наклонностей.

ПЕРВЫЙ КАМЕНЬ

Якоже прилежаху вопрошающе Его,
восклонься рече к ним: *иже есть без греха в вас,*
прежде верзи камень на ню.

(*Еванг. от Иоанна, гл. VIII, ст. 7-й*)

Иерусалим с утра в волненье:
Народом улицы полны;
Все лица так возбуждены,
И шум, и говор, и смятенье...
Из всех преданий месть одну
Еще хранят евреев нравы;
И вот, для бешеной расправы
Ведут неверную жену...
На молодом лице виновной
Горят следы обиды кровной,
Ее красы обнажены...
Толпа ее, смеясь, поносит,
Позорной казни жадно просит,
Убийства грешницы-жены...
Очарованием влекома

И чувства не сумев убить,
Она очаг священный дома
Случайно смела осквернить.
В объятьях милого, на ложе,
Ее застали... он бежал...
Она могла бы скрыться тоже –
Позор движенья ей сковал.
Увы, промчалось заблужденье,
Погас любви безумный сон,
И в грозной правде пробужденья
Восстал карающий закон...
С ее дрожащих, смуглых плеч
Не смыть нечистого лобзанья...
А жгучий яд воспоминанья
Убил раскаяния речь.
Покрылись бледностью ланиты;
Уста, для ласк едва открыты,
Сложились скорбною чертой...
И очи, что огнем сияли,
Что мир восторгов обещали,
Немой подернулись тоской...
Ее влекут, ее терзают,
Уж сочтены ее часы...
Ее стыдливость обижают,
Кидают грязью... рвут власы...
Ни слез, ни вздоха, ни стенанья...
Ей муки силу придают...
Ее душевные страданья
Лишь дрожь и бледность выдают...

А там, вдали, у храма входа,
Под сенью пальм, олив и роз,
Проклятий, криков и угроз
Не слышно... тихо там Христос
С толпой беседует народа.
Он учит их любовь хранить,
Врагам прощать, не лицемерить,
К соблазнам равнодушным быть,
Терпеть, надеяться и верить.

Увы, давно добру чужда,
Ему толпа не рукоплещет...
То сердце, где царит вражда,
Пред словом правды не трепещет.
Им ложь близка; им сладок грех;
Они не верят жизни вечной;
Их тешит радости беспечной
Минутный блеск, восторг и смех.
Но равнодущие собранья
Христа прервать не в силах речь:
Она – полна очарованья,
Чиста – как дух, прямая – как меч.
Пускай Его из сонмищ гонят,
Равняют цель Его – мечте;
Он знает, что Он будет понят,
Хоть будет понят... на Кресте...
Настанет время: речи эти,
Что им сердец не шевелят,
Твердить послушно будут дети,
И ими, сбросив мрака сети,
Неправду люди покорят.
И всякий, истину познавший,
Поймет великую любовь
Того, Кто, не колеблясь, кровь
Пролил за мир – Его проклявший.

Конца беседы фарисеи
Не ждут – спешат, теснясь, к Христу...
Его в уме своем злодеи
Уж пригвоздили ко Кресту...
«Скажи нам, праведный Учитель,
Что делать с блудною женой?
Закон наш, древний и святой,
Для жен таких нещадный мститель:
Камнями побивать велит.
А Твой закон что говорит?
Мы слов Твоих, признаться, ждали;
Ты нас жестокими зовешь...
Но Сам простишь ее едва ли...»

Иль Моисеевы скрижали
Рукою властной разобьешь?»
И, кинув будто ненароком
Угрозу мстительным пророком,
Замолкли и ответа ждут.
В Его словах, в Его сужденье,
Они мечтают в ослепленье,
Что торжество себе найдут.
Но им молчанье лишь ответом;
Они должны в молчанье этом
Безумству приговор понять;
И, лишь исход желая дать
Тому же помыслу благому,
Он начал по песку сухому
Перстом таинственно писать...
В грозы тревожном ожиданье
Замолк столпившийся народ;
Жены послышались рыданья...
И, чуя непонятный гнет,
Не в меру наглое собранье
Ответ торопит и зовет.
Тогда на возглас их поспешный,
На вопль блудницы неутешный
Господь изрек: «Твори закон.
Но если есть один безгрешный,
Пусть бросит первый камень он».
Сказал, вздохнул и вновь потом
Писал Божественным перстом.

«Один безгрешный», «первый камень» –
Слова так просты и сильны, –
Они сердца ожгли, как пламень.
И, правдой их изумлены,
Немеют дети сатаны...
Без возражений и без шума
Уходит каждый фарисей,
Лишь про себя твердя угрюмо:
«Безгрешных нет – и нет камней.

Добро, Учитель бесспорочный,
Ты победил и в этот раз.
Но нет, победою непрочной
Не льстись, и Твой наступит час».

Одна, в разодранном наряде,
Избита в кровь, измождена,
Склонялась грешная жена,
Стыда, раскаянья полна,
И лепетала о пощаде...
Очей своих поднять не смея,
Дрожа, рыдая и робея,
Она кляла, кляла позор...
И Он Свой благодатный взор
На это обратил мученье:
Как Человек – скорбеть Он мог,
Но как всемилующий Бог
Он только знал одно: прощенье.
И что Ему – людей молва,
Судье безгрешному порока?
Она ждет кары и упрека –
А слышит тихие слова:
«Очнись, преступная жена.
Взгляни, ты вновь свободной стала;
Толпой, что так тебя терзала,
Ты не была осуждена...
Ты, как и все, причастна раю;
Освободил тебя народ.
И Я тебя не осуждаю:
Иди и не греши вперед».

ПРИМЕЧАНИЯ. Перевод эпиграфа: «Когда же продолжали спрашивать Его, Он восклонившись сказал им: кто из вас без греха, первый брось в нее камень». *Фарисеи* – представители самого влиятельного в Иудее на рубеже I тысячелетия до н. э. – I тысячелетия н. э. религиозно-общественного течения; ревностно следили за соблюдением буквы Закона, пренебрегая при этом его духом; в Евангелии представлены как лицемеры, ханжи. *Моисеевы скрижали* – каменные доски с заповедями Божьими, принесенные ветхозаветным пророком Моисеем с горы Синай.

ЗАПОВЕДИ БЛАЖЕНСТВА

И отверз уста Своя, учаша их, глаголя:
Блажени нищие духом, яко тех есть
Царствие Небесное...

(*Еван. от Матфея, гл. V, ст. 2–12*)

Толпа людей разноплеменных
Замолкла... споры улеглись...
Из уст Христа благословенных
Слова святые раздались:
«Блажен, кто духом слаб и беден –
Он в небесах не будет сир;
Блажен, кто плачет, хмур и бледен –
Его утешит райский пир...
Блажен и кроткий, и послушный –
Им мир в наследство будет дан;
Блажен и тот неравнодушный,
Кто к правде жаждой обуян,
Кто к ней, в призвании чудесном,
Душевным гладом истомлен,
Он будет в Царствии Небесном
И напоен, и насыщен.
Блажен помиловавший брата –
Его помилует Творец...
Блаженны те, хранят что свято
Невинность – чистоту сердец, –
За страх порока настоящий
Из взор до Господа дойдет;
Блажен и всякий мир творящий, –
Его Бог сыном назовет.
Блажен, за веру кто страдает, –
Ему обещан рай давно;
И кто из вас претерпевает
Обиду ль, горе, – все равно.
Пускай бранят, клянут и гонят,
Но каждый должен твердо знать,
Что в небесах он принят, понят
И может мзду сторицей ждать!»

ПРИМЕЧАНИЯ. Произведение является поэтическим переложением начала Нагорной проповеди Иисуса Христа. Перевод эпиграфа: «И Он, отверзши уста Свои, учил их, говоря: Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное».

НОЧНЫЕ ГОЛОСА

Из песен Густава Надо

Горела ночь миллионом звезд;
Спокойно было все окрест:

Казалось, город спал...

Окно свое я отворил,
Мой взор по небесам бродил,
Потом он вниз упал.

На крыши падал лунный свет,
И их угрюмый силуэт
Врезался в полумрак...
Кой-где огонь еще блистал:
Труда жилища обличал
Или певца чердак.

Все тихо было так... но вдруг
Во тьме ночной раздался звук
Ста голосов зараз...
И этим смутным голосам,
Летевшим шумно к небесам,
Внимал я целый час.

Томящей жалобы людской,
Надежды, смешанной с тоской,
То отголосок был...
В часы мечтания иль сна
Сердцам людей печаль сродна
И горя призрак мил.

Там за решеткою стальной
Проклятья слышатся порой
Не первую уж ночь...
Другим я внемлю голосам:

«Богатство нам, богатство нам!
Все остальное прочь!»

Вот застонал стариk больной:
«О, дай мне жизни, Боже мой,
Еще хоть года три!»
Другой кричит: «Престол дай мне,
И я Тебе по всей стране
Воздвигну алтари!»

Артиста слышится мольба:
«Пусть славой кончится борьба, –
Звезда взойдет моя!»
А там развратный негодяй:
«Мне наслаждений новых дай,
Пресыщен жизнью я!»

Вот юноша во цвете лет:
Зовет, мечтатель и поэт,
Любовь в свою он сень...
Молитву девочки ловлю:
«Я завтра платье обновлю:
Дай, Боже, ясный день!»

Так голос каждый в тьме дрожал
И каждый просьбу выражал
Свою Царю царей;
Чтоб Он о мире позабыл,
Лиши одному благотворил
Ему из всех людей.

Увы! до чудных тех высот,
Где нет ни горя, ни забот,
Летели все мольбы...
Но благодарности одной
Не пронеслося надо мной
От ветреной толпы...

Горела ночь миллионом звезд;
Спокойно было все окрест:
 Казалось, город спал...
Мечты мои уже прошли...
И взор невольно от земли
 Я к небесам поднял...

ПРИМЕЧАНИЕ. *Густав Надо* (1820–1893) – французский поэт и композитор.

* * *

Он в жертву все тебе принес,
Что только дорого и свято...
Один я знаю, сколько слез
Те жертвы стоили когда-то!

А ты? ты принимала их
Надменно, дерзко, самовластно;
Любя порывисто и страстно,
Он все терпел у ног твоих.

Он думал: день прогонит ночь;
Он верил: то любви начало;
Он ждал – пока не прозвучало
С холодным смехом слово «прочь».

Увы! мне повесть та близка...
Она зловещей простотою
Звучит, как смех ростовщика
Над разоренной нищетою.

Семен Образцов

ОБРЕЗАННАЯ БЕРЕЗКА

В саду березка засыхала,
Она была тоща, худа,
Но высотой своей горда –
Одни лишь почки проявляла,
А скудость жизненных соков
Развить листки ей не давала.
Чтобы достаточным для ней
Приток был влаги от корней,
Садовник, сняв с нее вершину,
Ее обрезал половину.
Одевшись листвою зеленою,
Она, быть может, поняла,
Что жизнью, скромною хотя, но обновленной,
Обязана тому, что сделалась мала.

И людям гордым униженье
Бывает средством исправленья.

МИРЯЩАЯ ВОДА

Прохожего, седого старика,
В семействе младшая сноха
В дом приняла,
Радушно угостила
И откровенно на свободе
(Все были в поле на работе)
С ним о житье своем поговорила.
Не скрыла перед ним свою кручину,

Что нелюбимою она в семье живет;
Услужлива для всех,
Не знает зла причину,
Но как бранят ее, то спуску не дает.
Он взялся ей помочь: дал бурачок с водою
(Святою будто бы, а может, и простою)
И крепко заказал:
Как станет кто бранить –
Держать глоток во рту с опаскою большою,
Не выплюнуть и до конца не проглотить.
Проходит год
И странничек идет
Деревней той же.
Молодица
Его встречает у ворот
И за водицу
Едва не сто спасиб с поклоном отдает.
И есть за что!
В ней польза не мала:
Сноха с семьей теперь в ладу жила,
Бранить ее давно уж перестали.
А отчего?
На брань ответов не слыхали!

Не худо бы и всякой молодице
Иметь запас такой водицы.

ВОЙНА С МАЛИНОЙ

Сосед малинник свой скосил.
«Зачем же?» – я его спросил.
А он в ответ: «Зарос им дом,
Не продувает ветерком
Подвальных бревен –
Та причина.
Хоть сладкая была малина
И брать ее приятно из окна,
Да стала портить дом она».

Пример хорош: себя лишить
Такой приятности, что начала вредить.

ИСПОЛНЕНИЕ ЖЕЛАНИЙ

Всегда ли польза в том для нас,
Чтоб исполнялись нам желанья?
Предложу вашему вниманию
Про это слышанный рассказ.

В убогой комнатке одной
Вдвоем сидели муж с женой
И разговор вели о том,
Что нет удачи им ни в чем.
«Иному, — говорят, — в рот счастье валится,
Да не умеет им распорядиться,
А нам и сытыми быть не всегда случится.
Вот колбасы купить бы на обед,
Да денег ни копейки нет!»
И чудо:
К их окну вдруг прилетел бекас
И говорит: «На чай нельзя ли с вас?
Летая в высотах, я слышал: упросил
За вас покойный дед у Высших Сил,
Чтоб ваших три исполнились желанья».
В порыве радости, почти лишась сознанья,
И с голоду,
Жена просила небеса,
Чтобы сейчас на стол упала колбаса.
Она и на столе.
Бывают чудеса!
Муж, вне себя от гнева, что без спросу
И дешево, как он не ожидал,
Истратила жена желанье, закричал,
Что приросла бы колбаса ей к носу!
И приросла...
Как сроду тут была!

Но долго ссориться не время. Рассуждать
Спокойней начали: что третъе пожелать?
С согласия решили тем вопрос,
Чтобы жены был без прироста нос.
Сейчас же так и стало:
Прироста (колбасы) – как не бывало!

Так пользы не было и от молитвы деда:
Супруги все-таки остались без обеда.
Зато потом, они хоть небогато жили,
Но уж судьбу в невзгодах не винили.

БЕЛКА НА ВЫСОТЕ

Под деревом большим Федот
Сидит и стадо стережет.
Сидит и белка у вершины
Той сосны. Видит свысока,
Что непохож он на стрелка,
Ружья нет, нечего бояться,
Так можно, стало быть, над ним и издеваться.
Корой и шишками давай в него бросаться!
Трет лысину Федот
И думает:
«Попадась бы ты мне
Не на большой сосне,
А в поле или на гумне,
Так бы прижала хвост:
Расчет с тобой бы прост!»

Пусть знают басню эту те,
Которые, держась на высоте,
Душой настолько мелки,
Что смотрят вниз глазами белки
И не стесняются обидами бросать,
Когда нельзя отпора ожидать.

НЕУДАЧНЫЙ ВЫБОР

До президента птиц орла
Стоустая молва дошла,
Что коршун, области правитель,
Нередко с птицами жестоко поступал
И без суда их казни подвергал.
Орел немедленно велел его сменить
И пригласил советников решить,
Кто коршуна из птиц способней заменить.
И стали рассуждать совет или палата:
«Гусь рода древностью высок,
По праву заменить правителя бы мог,
Да недоступен, горд. Сорока воровата,
Хоть и мудра, а тетерев – тот глух.
Негоден, как нахал, петух.
У малых птиц, – судил совет, –
Внушительного вида нет.
Птиц хищных избирать опасно:
Жестокость коршуна то доказала ясно.
Вот курица могла бы кротко управлять,
Лишь сильные ей крылья дать!»
На том и порешили
И править областью ее пустили.
Она была породою крупна,
Всей области на высоте видна.
Да сам правитель плохо видел –
Куриной слепотой страдал.
Под носом у него всяк слабого обидел.
А жалобы ему кто подавал,
Он тех к обидчикам мириться посыпал.
Обиженным тогда и вдвое попадало,
И в области житье совсем худое стало.

Ведь кротость не всегда правителям под стать,
А прозорливостью им надо обладать,
Да жаль, что с крыльями ее нельзя придать.

ПРИМЕЧАНИЕ. *Палата* – здесь: государственное учреждение.

ОБЕД БЕЗ САЛФЕТОК

Купец и адвокат приятелями были,
И выгода в том общая была:
Вел адвокат в судах купецкие дела,
Купец же в ярмарках заказы исполнял
И пользы на товар с приятеля не брал.
Их семьи жили дружно тоже,
И стало уж на то похоже,
Что и в родство вступить не прочно:
Жених был у купца, у адвоката – дочь.
Но ведь приязни бес не рад.
Оставил у себя обедать адвокат
Приятеля;
У них разлад и выпал
Из пустяков
(Никто и соли не рассыпал).
К приборам не были положены салфетки
(Их отдавали вышить метки).
Купец стал косточки от рябчиков глодать
И руки жирные о скатерть обтирать.
Хозяйке в том почудилась обида,
И хоть она тогда не подала и вида,
Но, проводив купца домой после стола,
Она его невежей назвала.
Прислуга это в дом купца передала.
Узнал и он и тоже рассердился,
Да сгоряча нетрезвый к ним явился
И высказал, что хоть его невежей признают,
Но у него к столу салфетки подают.
Ему ответили, что сам он не в порядке.
Он не смолчал.
И вот вам все задатки,
Чтоб в ссору и вражду знакомство обратилось.
Так породниться им и не случилось.

И отношения, да и судьбы людей
Нередко от таких зависят мелочей.

ПРИМЕЧАНИЯ. Польза – здесь: наценка. ...*Никто и соли не рассыпал* ... по народной примете, рассыпанная соль – к скоре.

МЕДВЕДЬ И ЛОСЬ

В лесных трущобах лось
С медведем подружились.
Хоть взгляды их и не сходились,
Да эта разница служила
Лишь к оживлению бесед.
Бывал у них нередко спор,
И шуточный случался разговор;
Но с лосью не всегда любезен был сосед.
Не то, что на него хандра бы находила,
А неприятности и у медведей есть:
Звук выстрелов, опасности, болезнь,
В добыче неуспех, влияние погод,
А то какой травы в желудок попадет,
Что нервы сильно возбуждает
(Как у людей, когда «за галстук» попадает).
Лось это бы понять могла,
Но лишним, стало быть, сочла
И раз в такой момент медведя поддразнила:
Не знаю, в чем ему не уступила,
Или какую-то там шпильку подпустила.
В другой раз это бы за пустяки сошло,
Но тут свирепый дух медведя разожгло.
Он землю начал драть,
На задних лапах встал
И заревел.
Такой завел скандал,
Что ей бока едва ли не помял.

Лось поумней пыталась бы устроить,
Чтоб возбужденного медведя успокоить,
А эту азбуку и всякой надо знать:
Чтобы в недобрый час его не раздражать.

ПРИМЕЧАНИЕ. ...когда «за галстук» попадает – когда употребляются спиртные напитки.

РАССУДЛИВЫЙ ЖЕРЕБЧИК

Молоденький, неезженый жеребчик
Стал важные вопросы обсуждать
И существующий порядок порицать.
Кричал он: «Лошадей ездой обременяют,
Возами, пашней изнуряют.
Чем, например, коров они грешней,
Что мучит так их человек-злодей?
Обуздывает их, копыта им кует,
Как будто для того, чтоб ноги не скользили,
И в узкий лоб его едва ли мысль войдет,
Что сапоги давно мы заслужили!
А знаете ли цель, с какой
Колоколец он весит под дугой?
Он хочет в нас умы глушить,
Чтоб власть над нами сохранить!»

Средь недозрелой молодежи
Бывают умники, на этого похожи.
Они нередко жглись ухой,
Без рыбы только... с чепухой.

РЫБКА НА ПРОСТОРЕ

Одна молоденькая рыбка
В речной воде,
В родной среде,
Опасностей больших не зная,
Жила без нужды и играя.
Но про морской простор
Она слыхала от сестер:
Там рыбы, будто бы, настолько вырастают,
Что с лодки и с баржи бывают.
Так захотела и она

Прибавить росту в том просторе.
И унесла ее волна.
Но там узнала она горе.
В том первая была беда,
Что в море солона вода,
Ей для здоровья не годилась.
А дальше рыбка убедилась,
Что и простор там не для ней –
Для рыб, породой покрупней:
Они и ростом отличались,
Врагов зубастых не боялись
И не скрывались с ней на дне,
Под камнями, в морской тинé.
Тут наша рыбка спохватилась:
В реку она бы воротилась,
Да не найти уж там гнезда,
И не попутна ей вода.

Так ошибаются и люди иногда,
Стремясь за счастием в большие города
Или в далекие места.

СВОЕВОЛЬНЫЙ ЗВОНАРЬ

В монастыре мужском
Был послушник назначен звонарем.
На высоте он больше пребывал
И колоколом всех к молитве призывал,
А братия его не услышалась:
По благовесту в храм сбирались.
И тот, кто немощен бывал,
Каноны в келии читал,
Когда «достойный» звон обитель оглашал.
Да и вдали монастыря
Движением руки того же звонаря
Прохожих головы как ветром обнажались.
И начал послушник той ролью увлекаться,
Значение себе большое придавать,

С уставом более не стал соображаться,
А звоны начал задавать,
Как вздумает. Бывало он
Заводит в буден «красный звон»,
И все встревожатся, что едет архиерей;
А то и в торжество ударит в «польелей».
Раз блажь нашла (потом и сам не рад),
Он звон изобразил, похожий на набат.
Народа множество со всех сторон сбежалось,
Немало тут и дней рабочих потерялось.
С ним церемониться тогда уже не стали,
Уволокли из звонарей
И в монастырскую поскотину послали
Пасти свиней.

Не будем этому дивиться:
У многих голова на высоте кружится.
Но ведь тому, кто власть взялся держать,
Уставами нельзя пренебрегать
И вольности такие допускать.

ПРИМЕЧАНИЯ. «Достойный» звон – звон в один колокол во время литургии, призывающий к пению «архангельской песни» («Достойно и праведно есть поклоняться Отцу и Сыну и Святому Духу»). «Красный звон» – вызванивание колоколами какой-либо мелодии. «Польелей» – полиелей, колокол для благовеста в средние праздники, когда во время богослужения зажигаются паникадила.

САМОПРАВНЫЙ СЛУГА

Жил в городе купец с женой.
У них был пес сторожевой,
Его кормили и не били.
Барбос был сторож неплохой:
Воров пугал, ночей не спал,
Но сметки не имел такой,
Чтоб взгляд хозяйский замечать.
Купец любил газеты получать,
Купчиха – нищим подавать.
Барбос других понятий был:
Разносчиков газет и нищих не любил,

На них со злобою бросался,
Случалось, даже и кусался
(Должно быть, им за что-то мстил).
Хозяева с ним долго бились,
В деревню, наконец, отдать его решились.
Не сытно там его кормили,
А провинится, так и били.

И поделом: в хозяйствский тон
Настроиться бы должен он.
На службе хочешь находиться,
Так нрав свой тешить не годится.

МОЛОДОЙ ГОРОХ

Рос на гряде горох,
По тычкам зацеплялся
И поднимался.
Но в нем ленивый оказался.
На грядке зеленью спокойно он лежал
И рассуждал,
Что светит солнышко и тут
И в пищу сок ростки дают,
Так вверх тянуться – лишний труд.
На тычках всходы подрастили
И солнца свет ленивым закрывали.
Затем последствия открылись:
Побеги, что наверх стремились,
Украсили себя стручками
И плод вовремя принесли,
А те, что на гряду легли,
Подняться после не могли
И были съедены червями,
Без света, в сырости земли.

Пример и нам:
Кто смолоду без лени потрудится,
Подняться может сам
И людям пригодиться.

ПОЧЕТНЫЙ ТРУД

Какой-то маленький жучок
Имел едва ль не восемь ног,
И сверх того ему дала
Природа – два крыла.
Способность чувствуя летать,
О том он начал рассуждать,
Что ползать низко, непочетно,
И порешил, чтоб благородно,
Возвышенно себя держать –
Совсем не ползать, а летать.
Случилось, как назло,
Подтерлось у него крыло.
Летать он больше не замог,
Потребовалась помошь ног,
Но те давно не упражнялись,
Ослабли и служить бедняге отказались.
И очутился наш жучок
Почти без крыльев и без ног.

Не лучше и с людьми бывает,
Когда иной пренебрегает
Работой полевой или и ремеслом
С тех пор, как с грамотой знаком.

НЕСКРОМНОСТЬ КОТАЯТ

«Хозяин, рассуди ты нас!» –
Собака жаловалась раз, –
Мне от котят житъя не стало,
Они проходу не дают,
Приличия совсем не знают.
Поверишь ли, за хвост хватают,
Того и бойся – оторвут.
Такой обиды я, ей-ей,
Не видела и от людей».
На то хозяин отвечал:

«Сказать по правде, я видал,
Что ты сама хвостом виляешь,
Вертишь и машешь им всегда.
Не в этом ли твоя беда?
Котята думают, что с ними ты играешь;
А ждать чего же от котят?
Играть из них и всякий рад!
Совет мой: смирно хвост держать –
Приманкой их не завлекать».

ДАЛЬНОВИДНЫЙ ПОЛИТИК

Пословицу, читатель, помнишь ты,
Что и на мудреца довольно простоты?
В натуре я картинку к ней видал
И чуть до слез не хохотал.

В семейном доме гость один –
Солидный, пожилой и умный господин,
С образованием, начитанный немало,
Притом и опытный, бывалый –
Пустился в рассужденья раз
На тему крупного события у нас.
Потоком речь его лилась,
И мысль далеко занеслась,
С одушевлением ее он развивал
И чуть ли уж судьбы Европы не решал...
Вдруг смолк, в лице переменился,
На месте заскакал,
Как сумасшедший стал,
Попала под ноги ему пикушка –
С резинным шариком ребячая игрушка,
И трубочка в ней пискать продолжает,
Как снова под ноги тот шарик попадает.
А он, чудак, вообразил,
Что целое гнездо мышей передавил,
И до того перепугался,
Что чуть в окошко не бросался.

Хоть дальновидности его довольно было,
Но под ноги взглянуть ее и не хватило.

ВОЛНЕНИЕ И ПОКОЙ

Однажды озеро ужасно волновалось.
Шумело, в берега плескалось,
На ветер жалуясь, что тот
Ему покою не дает:
«Дня не пройдет без ветерка,
Что зыбь воды рябит слегка.
Ну, пусть бы так... Легко ли это,
Как станет бурей он свирепо нападать?
До самой глубины то может волновать.
А без того и не проходит лето!»
Так волны берегам роптали.
Но шумом леса те на это отвечали:
«Кто может век спокойно жить?
Вам надо бы еще судьбу благодарить
За то, что озеро волнением оживляет.
Однообразие ведь тоже утомляет,
А буря гонит дождь и воду освежает.
И если ветра бы над вами не носилось,
То озеро давно бы плесенью покрылось
Или в гниющее болото обратилось».

И людям можно поискать
В том шуме леса утешенья,
Как беспокойства и волненья
Судьба велит переживать.

И. Волгин

НА ЮГ!

(Фрагменты из поэмы)

На севере дальнем стоит одиноко
На голой вершине сосна
И дремлет, качаясь, и снегом сыпучим
Одета, как ризой она.

И снится ей все, что в пустыне далекой,
В том крае, где солнца восход,
Одна и грустна на утесе горючем
Прекрасная пальма растет.

Лермонтов

Вдали, за темными лесами
И белоснежными полями
Есть город... Он со всех сторон
Пустынной тундрой окружен,
Бедно построен, не широко;
Его дома не высоки;
У вод болотистой реки
Он приотился одиноко.
Весной окрестные луга
Не блещут пышными цветами;
А зиму он окован льдами, —
Морозы, сумрак и снега...
Там солнца луч едва проглянет —
Озолотит верхи церквей
Да снег по кровлям зарумянит —
И с неба прячется скорей.

Долга зима и бурны ночи,
Сугробы снежные растут,
Метель и вьюга слепят очи,
И тучи темные бегут...

И дремлет город одинокий,
Закутан белой пеленой,
Недвижен, тих... Но как далеко
Уносят грезы город мой...
О дальнем Юге он мечтает...
Тот Юг – волшебная страна,
Где круглый год царит весна
И день безоблачный сияет...
И вот, в дремоту погружен,
Наш бедный город видит сон:
Как будто тучи разрывает
За дальним лесом луч луны
И ярким светом озаряет
Картину дальней стороны...

То Юг... В горах, под сенью леса,
Зеркальный виден водоем,
Листвы кудрявые навесы
И зонты пальм глядятся в нем...
То не букеты над водою,
То зеленеют острова, –
Еще алмазною росою
Фигурных листьев кружева
На солнце искрятся... Над ними –
Светлы, прозрачны и легки –
Своими перьями живыми
Слегка колышут тростники...
По склонам гор роскошной флоры
Везде раскинуты узоры:
Извивы темные ветвей,
Лозы висячих орхидей
И терем лавра-исполина,
Что разметался над водой,
И в выси неба голубой –

Холма лиловая вершина,
Откуда лентой огневой
Поток в долину ниспадает...
Он, пенясь, бьется по камням
И в темной листве пропадает...
А стаи птиц то тут, то там,
Вспорхнув, заблещут переливом
Рубина, яхонта... Как дым,
Клубятся локоном игривым,
Несутся облаком густым...
К отмели берега песчаной
Слоны идут на водопой...
Под их тяжелою ногой
Измяты мирты и лианы,
Затоптан кактус и алой...
А тут с листа на водной глади,
Как с лодки, рыбу изловил
С угрюмой важностью во взгляде
Мудрец носатый – краснокрыл...
Между гигантскими ветвями,
Где свод раскинул мангустан,
Цепляясь длинными хвостами,
Играет стая обезьян...
Тигр полосатый, кровожадный
И вся семья его тигрят
Из куши темной и прохладной
Глазами зоркими глядят... <...>

Кто этот юноша крылатый
Сияет дивною красотой,
Как луч багряного заката
Из мрака тучи грозовой?..
Корона звездная венчает
Его прекрасное чело,
И серебристое крыло,
Как пламень, искры рассыпает...
До дна морей, в лазурь небес
Он ясным взором проникает,

Весь мир он мыслью обнимает, –
То гений Севера – «Прогресс»...

И облака, грозу и тучи
Он взмахом крыльев разогнал...
Куда полет его могучий?..
Туда... где виден идеал... <...>

И видит Юг: толпы народа
За ним идут со всех сторон...
Торговлю мощно двинул он
И оживил судами воды...

И вот, по манию руки,
Расшивы, лодки, каюки
Из рек широких выбегают;
Суда морские снаряжают...
Суда несутся в океан
И к берегам соседних стран
Свои товары доставляют...

Он там, за дальнею горой,
Тот океан, знакомый Югу,
И знает Юг, товар какой
Шлет Север страждущему другу, –
То хлеб повсюду нагружен...
«Так вот где сила!.. – мыслит он, –
Там край другой, иные страсти...
Трудолюбив, могуч народ...
Он царь полей, лесов и вод,
И все его покорно власти!»

И раздвигается, растет
Пред Югом дивная картина:
Как степь, раскинулась долина –
Ни горных круч, ни синих вод...
Степь расстилается широко,
Луга и нивы вдали бегут,

И взоры Юга не найдут,
Где степи той конец далекий...

Под сенью рощ и тут и там
Селенья с белыми церквами, —
Не море здесь, не кораблями
Пестреет гладь, а по полям
Все скирды хлеба золотые,
Им нет конца...

Уж поздний час,
И южный день давно угас;
А в той дали, в степях России,
Зари багряная кайма,
Окрасив алыми лучами
Деревья, скирды и дома,
Кольцом сияет над полями...
Вся пурпуром озарена
Цветущей степи даль немая...
Из рощи ближней рассыпная
Трель соловьиная слышна...

Как там привольно! На просторе
Легко, свободно дышит грудь!
Когда б туда направить путь
И с трелью слиться в стройном хоре!.. <...>

Взаимно нужны мы друг другу,
Юг – Северу, а Север – Югу...
И нам полезней много раз
Обмен продуктов с дальним Югом,
Чем плата западным услугам
За то, что тут же есть у нас... <...>

Да и без пользы материальной
Сам по себе нам нужен Юг...
Помимо всех его услуг,
Хранит он образ идеальный
Красот чарующих своих...
Как будто нет у нас самих

Особых, высших побуждений?
Как будто наш суровый гений
Живет один, вдали от них?..
О, нет!.. Он также безоружен
Пред совершенством красоты...
Для сердца, думы и мечты
Нам тот же Юг далекий нужен,
Как мысли – чистый идеал,
Цветку – лучи живого свету,
Художнику – оригинал
И вдохновение – поэту... <...>

В природе девственной от века
По данной форме жизнь идет, –
А мир деяний человека –
Он развивается, растет...
Нет сил природы своенравных
И нет преград, и нет препон
В борьбе с людским прогрессом равных –
Все подчинит науке он!..
И то зерно, что в мысли зреет,
Оно взойдет и, в свой черед,
В гиганта вырасти сумеет
И принесет обильный плод!.. <...>

И наши лучшие стремления
Нам не послужат ни к чему,
Когда в душе одни сомнения,
Когда призванью своему
Мы не сочувствуем, не верим,
Когда из гордости пустой
Перед Европой лицемерим
И наш бесценный край родной
Не чтим, не любим всей душой... <...>

Как жалок тот пигмей несчастный,
Который родине своей
Эгоистично и бесстрастно
Не отдал лучших в жизни дней... .

В патриотизме недалеки,
Мы терпим горькие уроки...
И – стыдно, совестно сказать –
В сермяжнике простого званья,
В нем больше русского видать,
Чем в том, на ком образованье
Свою поставило печать...
Да, в русском обществе, к несчастью,
Царит еще до наших дней
Какое-то подобострастье
Пред культом западных идей...
Они... пусть первые на свете, –
Честь, слава западным умам, –
Но далеки идеи эти
От тех начал, что нужны нам...
Свою работу совершили
Они у нас... И век иной,
Дни возрожденья наступили
Для жизни русской, коренной...

И что нам нужно? – Путь прямой,
Ученье веры православной,
Порядок братский и простой
Семейной жизни, всюду равный,
Под твердой царскою рукой,
Единой и самодержавной...
Труд – не бесплодный ряд работ,
В латыни мертвой упражненье,
А тот, что к делу подойдет
И даст барыш в землевладенье...
Прогресс – не только на словах
И в формах внешности приличной,
А в производствах, ремеслах,
В торговле бойкой, заграничной...
Успех – не частный, единичный, –
Прямой, в общественных делах...

«Так, -- скажут, – высшие познанья
Ненужны вам?..» – Наоборот...

Но прежде, чем образованье,
Необходимо воспитанье:
И сила мускул для работ,
И в сердце добрые начала,
Что совесть, церковь указала...

Пускай плодятся в добрый час
И дипломаты, и юристы,
Врачи, философы, лингвисты,
Их контингент не мал у нас,
Их интересы нам не чужды,
Но... есть существенное нужды:
Вот если некому пахать,
А лавка или мастерская,
Что нам нужна, стоит пустая,
Тогда... история другая...

Политик тонкий, дипломат,
Юрист – закона исполнитель, –
В них нужен нам не знаний склад,
А дела русского ревнитель
И местных выгод адвокат...
Не к изворотам тонкой лести
Нам дипломатов направлять,
А наше знамя, с ними вместе,
Народных сил, народной чести
Мы выше всех должны держать!
Все заодно – сословья, званья,
С царем – мы все одна семья...
Права – в одном образованье,
Работа – каждому своя...

Где чтут преданья и законы –
Могуч и счастлив тот народ;
Он верен родине и трону;
В стране хозяин – патриот...
К нему волною непрерывной
Несет дары свои прогресс...

.....

И вижу я наш Север дивный
С столицей, полною чудес,
Не с полумертвым Петроградом,
Что в дальний угол занесен,
Насквозь прожжен немецким ядом
И царской кровью обагрен, —
Нет, — со столицею прекрасной,
Где нет полярных бурь и льдов,
Где Русь кругом, где небо ясно,
Где новых тысячи судов
И с моря, и с реки широкой
Теснятся к пристани глубокой
В виду застроенных холмов,
Церквей, и башен, и дворцов...

Раздвиньтесь, кручи Гималаи,
Пади Памир с твоих высот,
И развернись родного края
Простор степей, лесов и вод!..
Владея Южным океаном,
Системой внутренних путей,
Столицей новою своей —
Русь будет дивным великаном
Под ряд гигантам прежних дней!.. <...>

Как безобразье тиранизма
Татар в былые времена,
Так новый гнет европеизма
Выносят те же рамена...
Что хуже: грубость дикой силы
Иль лицемерья тонкий яд?
Ту силу мы снесли в могилу,
А лицемерию кадят...

То тиранизм образованья
С корысти знаменем в руках!..
И вот — система подражанья,
И ложный стыд, и колебанье
В делах, сужденьях и речах, —

Вот жалкий плод его влиянья!
Как счастлив тот, кто устоял
Перед потоком тех начал,
Кто не уплыл по их теченью
И разум свой не потерял
В порывах самоуниженья!.. <...>

Судьбы народов в Божьей власти...
Что скажет миру Индостан?..
Смирятся ль пагубные страсти
Его хозяев – англичан,
И дух наживы охладеет,
И племя гордое поймет,
Что лишь любовью жив народ,
И воспитать его сумеет?..
Или, в грядущие века,
Британца тип утонет в массе?..
Сильна, богата, велика,
Страна воскреснет в новой расе
Во всем величии своем?..
А мы в делах с соседкой новой
Не к знаменам борьбы суровой --
К прогрессу мирному пойдем,
К успехам промыслов, науки,
Мы подадим друг другу руки,
И обояудный честный труд
В союзе мирном расцветут...

И не бесследно, не бесплодно
Британский гений там царит –
Практичный ум, расчет холодный
Пробудит к жизни дух народный
И племена соединит...

Отчизна Будды, Кришны, Рамы,
Ты легендарный, дивный край,
Я вижу твой далекий рай,
Твои бесчисленные храмы,
Их водоемов зеркала

И к ним широкие ступени,
Террасы, арки, купола,
Садов и рощ густые сени,
Навесы пальм, ковры цветов
И гор верхи – приют богов! <...>

Вот извивается стена
Многомильонного Китая...
Культуры тамошней не зная,
Европа – были времена –
Народ равняла с дикарями;
Китай казался глух и нем,
И это мнение веками
О нем сложилось...

Между тем
Права труда, свободы, знанья
Где так широко введены?..
Где все сословья, состоянья
Иdee братского слиянья,
Как там, вполне подчинены?..

А эта тонкость воспитанья,
Народной массы достоянье?..
Давно пора бы перестать
Нам над китайцами глумиться,
У них могли бы мы учиться
И можем многое занять...

В призванье Севера высоком
Он стал связующим звеном
Культуры Запада с Востоком...
Недаром в Азию глубоко
Проникли мы... И не мечом,
Нет, не кровавыми следами
Отмечен будет русский шаг,
Под нашим знаменем не враг
Господства ищет над рабами,
А к брату брат его меньшой
Несет свободу и покой...

И есть страна, которой племя
Ума, энергии полно,
Само берет культуры семя
И сеет доброе зерно...
Япония – в соседстве с нами –
Стремится, волею небес,
В свой мир своими же руками
Внести наш западный прогресс <...>

Ты, декорация живая
Из лабиринта островов
И живописных берегов, –
Зеленокудрая Малайя, –
Весь год цветущий Божий сад
Лесистых гор, долин глубоких,
В твои алмазные потоки
Цветы с улыбкою глядят...
В лиловой дымке за холмами
Вулканы рвутся к небесам,
Дымятся черными клубами
И пламенеют по ночам...
И лавр, и кактус, и мимозы,
Кокос, банан, хлопок и рис,
Гелиотроп, гранаты, розы,
И мирт, и темный кипарис –
Все там цветет, благоухает
И дышит свежестью весны,
И вод прибрежных глубины
Цветами радуги играют,
Кипучей жизнию полны!..

Тут мир святого вдохновенья...
Сюда, покинув шумный свет,
Придет художник и поэт
Для отдыха и наслажденья. <...>

Я верю: сбудутся желанья,
Когда, с теорией под ряд,
Запросы разума и знанья

Нам факты удовлетворят...
Мир Юга полон обаянья,
Он близок нам своей судьбой,
К нему стремленья и желанья,
К нему и сердцем и душой!..

Открыта нам стезя прямая
Одною жизнью с Югом жить;
Сношенья с Югом развивая,
Мы Север свой должны развить;
Мы рушим давние преграды,
И я глубоко убежден,
Что минет прошлое, как сон;
Минувшим сильны ретрограды, –
Пора к грядущему идти
Без колебанья и сомненья;
Свои семьи и поколенья
Своим путем вперед вести!..
Наш тант пробудится природный,
Заговорят душа и кровь,
И к жизни лучшей, многоплодной
Звездой послужит путеводной
К бесценной родине любовь!..

1890

ПРИМЕЧАНИЯ. Эпиграф – из стихотворения М.Ю. Лермонтова «На севере диком стоит одиноко...» (1841). ...*Есть город* – речь идет о Кадниково, стоящем на реке Содиме в болотистой низине. ...*Лозы висячих орхидей* – имеются в виду разновидности тропических орхидей, поселяющихся на стволах и ветвях деревьев. ...*царской кровью обагрен* – имеется в виду убийство народовольцами царя Александра II, совершившееся 1 марта 1881 г. *Кручи Гималаи* – Гималаи, высочайшая горная система земного шара между Тибетским нагорьем и Индо-Гангской равниной. *Памир* – горная система в Средней Азии. *Южный океан* – Индийский океан. ...*бездобразье тиранизма Татар* – т. е. монголо-татарское иго на Руси (1243–1480). ...*Смирятся ль пагубные страсти Его хозяев – англичан* – Индия была колонией Англии во второй половине XIX – первой половине XX в. *Будда – Сиддхартха Гаутама* (623–544 до н. э.), основатель буддизма, одной из мировых религий. *Кришна, Рама* – индуистские божества ... *стена Многомильонного Китая* – Великая китайская стена, грандиозный памятник зодчества, сооруженный в III в. до н. э. *Малайя* – острова Малайского архипелага между материковой Азией и Австралией.

Владимир Зубов

МЕЧТЫ О СЕВЕРЕ

Письмо из ссылки

Немой осенний сон простерся над полями,
Печально обнажен густой когда-то сад,
Лишь сосны грустные зелеными ветвями
Одни по-прежнему задумчиво шумят.

С какой отрадою, с какой тревогой тайной
Я б заглянул теперь в далекий старый дом,
Где долгим вечером в беседе пред огнем,
Быть может, обо мне припомнит кто случайно.

Я вижу мать мою: с заботою немой
Тихонько к детскому склоняясь изголовью,
Я знаю, обо мне грустит она порой,
Прощая все, за все платя любовью.

Быть может, о былом тревожных дум полна,
Дни дружбы ласковой, дни счастья вспоминая,
Ты, незабвенный друг, печальна и бледна,
Грустишь, свои мечты роялю поверяя.

В гостиной полумрак задумчивый царит,
Теснятся на душу все сумрачные грезы...
А вальс шопеновский так трепетно звучит,
Что, кажется, из глаз готовы брызнутъ слезы.

Туда заветная мечта меня влечет,
Но на ее призыв, томительный и сладкий,

Нет, не вернуться мне из южных стран украдкой
К пределам Севера по глади сонных вод.

Кутаиси. 20 октября 1884 г.

ПРИМЕЧАНИЯ. Письмо из ссылки – ссылкой поэт называет военную службу в Закавказье. Вальс шопеновский – вальс польского композитора и пианиста Фридриха Шопена (1810–1849). Кутаиси – город в Грузии на реке Рioni.

ОСЕНЬ

Отцветают георгины,
Отцвела гвоздика,
Осень садит на рябины
Огненные блики.

Окна в доме все закрыты,
Сад так пуст и беден,
Все мечты мои разбиты,
Я, как призрак, бледен.

Дождь сечет мне шляпу, щеки,
По усам струится,
Одиночества уроки
Мне дает и злится.

Одиночество – ведь это
Демон, гордый страшно!
Им немало песен спето,
Слушать их опасно.

ВЕРИГИ

Я давно забросил дело,
Цитру, трубку, книги...
Ты, шаль, меня одела
В крепкие вериги.

Нелегка мне эта ноша,
Часто я вздыхаю,
Бледен стал и, как святоша,
При луне мечтаю.

А тебе все смех да шутки,
Стрекозе беспутной!
Знай сбирай ей незабудки
Или шелк распутай!

Ну, нашла опять стихия –
Смех веселый, звонкий.
Ведь бывают же такие
Милые чертовки!

* * *

Теплый вечер, плес широкий,
Мягкий свет луны...
Шорох лодки одинокой,
Мерный плеск волны...

Шепот листвьев, тиши залива,
Очерки кустов...
Взор, потупленный стыдливо...
Разговор без слов.

Октябрь 1894 г.

ПРИМЕЧАНИЕ. В стихотворении использованы стилевые приемы А.А. Фета.

* * *

Лес посеребренный – словно очарован,
Лунным светом облит, чутким сном объят.
Я иду безмолвно, покорен, взволнован,
Грезы песни снова манят и томят.

Призраки и тени – все, что миновало,
Все, что обмануло, все опять зовет
К новой жизни, счастью, словно вновь настало
Золотое время, чуждое забот.

Если что туманит душу, если надо
Отдохнуть, забыться от тяжелых дум,
Ночь одна такая – и покой, отрада
Покоряют тело, душу, сердце, ум.

Песня зазвучала... Яркий свет, мечтая
В полусне, безмолвно внемлет ей один.
Чу! проснулся ветер, тихо колебая
Море посребренных призрачных вершин.

Кубин Бор. Ноябрь, 1894 г.

ПРИМЕЧАНИЕ. Кубин Бор – имение в Кадниковском уезде, на берегу реки Кубины (Кубены), подаренное Владимиру Зубову отцом.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАРОДИИ

Элегии необыкновенные

№ 1. Декадент

Луч отстал от зари, расцветил облако,
Пронеслись серебристые птицы,
Но прозрачная фея любви далеко...
Погребально звучали цевницы...

Скалы чешут туман, ветер стонет – и вот
Звезды гаснут, шипят и – упали...
Плачут струны души, эхо молча зовет...
Крылья филина... Дети печали!!!

№ 2. Символист

Складки таинственной мантии горя
Веют в сиянье луны...
Перл загорелся, и нимфа из моря
Манит... Разметаны сны!

Череп уставил глаза безотрадно.
Свиток развился... Рыданья в тиши...
Звезды на землю закапали жадно...
Нету одежд у души!

№ 3. Ультрадекадент

Вот плещется море, и музы жуют
Раздранный хитон господина...
Седой рулевой покидает свой ют...
По клумбам гуляет скотина...

И сон фиолетовый всходит на ум...
Правдиво червяк выражался...
Буланую женщину душит Наум...
То палевый гнев разыгрался.

О Боже, гроза! Нет, то радуги луч:
Грохочут глаза человека!
Колодец холодный правдив и колюч
Окраской вертлявого века...

1894

Элегия пресловутая
(Константин Фофанов)

Я ощущал душой болезненно-унылой,
Я опущал мечтой, что ощутить нет сил,

И рвался вдаль физическою силой,
И был мне новый мир таинственен, но мил...

Душевной радуги запятнанные складки
Сплетались в дикий рой с лучами бытия...
И звуки облаков и трепетны, и сладки...
За грезой неземной стремилась песнь моя...

Летний зной
(Константин Фофанов)

Воротилось солнце яркое,
Полилась краса лучей...
Над покинутою баркою
Стих обычный гул речей...

Улыбнулись бирюзовые
Грозди персиков в садах,
Скачут своры густопсовые...
Ландыш нежится в садах...

Так и ты, душа мятежная,
Не принимаешь ничему...
И раскидисто-небрежная
Ты – не знаю почему.

ПРИМЕЧАНИЯ. *Декадент* – представитель декаданса (от франц. *decadence* – упадок), течения в литературе конца XIX – начала XX в., резко противопоставленного «мещанской морали» и «обветшалому» реалистическому искусству; для этого течения были характерны утонченно-манерный эстетизм, мотивы усталости от жизни и изысканного чувственного наслаждения. *Символист* – представитель символизма, направления в искусстве рубежа XIX–XX вв., стремившегося выразить интуитивное постижение мира, смутные переживания и видения посредством символов; современная критика нередко причисляла символистов к декадентам. *Ультрадекадент* – сверхдекадент, декадент крайнего толка. *Фофанов Константин Михайлович* (1862–1911) – поэт, в творчестве которого определяющую роль играли мотивы ухода от окружающей действительности в мир фантазии и возвышенных чувств.

* * *

Старые липы, аллея тенистая,
Арки зеленых ветвей,
Яркие просветы, даль золотистая
Солнцем залитых полей.

Утром – невидимый хор щебетания,
Вечером – теней канва,
В полночь – томительный трепет свидания,
Взгляды, улыбки, слова...

25 июля 1895 г.

ПРИМЕЧАНИЕ. Стихотворение отмечено влиянием поэзии А.А. Фета.

ПОСЛАНИЕ ИЗ КУБИНА БОРА

Лизе с Мишой, Кате с Машей,
Нилу, дяде тоже,
Словом, всей державе вашей
Делать так негоже.

Кубин Бор в зеленом боре
Вырос не недавно,
Под горою на просторе
Он уселся славно.

Здесь похмелье не измает,
Не томят печали,
И исправник не заглянет
(Раз лишь был вначале,

Осмотрел подвал, взяв свечку,
И давай бог ноги).
Кубин Бор глядит за речку,
А за речкой – стоги.

А кругом все сосны, елки,
Бор живет тихонько,

Хоть, бывает, воют волки,
Да и то легонько.

На реке есть переборы,
Пелядь есть, хаури,
Над рекой другие горы
Наклонились хмуро.

По горам леса взбежали --
Чудный вид!.. Но что же
Вы в Бору не побывали?
Делать так -- негоже!

ПРИМЕЧАНИЯ. *Лиза, Миша, Катя, Маша* – сестры и брат автора. *Нил* – Нил Николаевич Зубов – двоюродный брат поэта. *Дядя* – Михаил Михайлович Зубов, живший в Вологде. *Переборы* – каменистые отмели поперек течения реки. *Пелядь* – рыба рода сигов. *Хаури* – вероятно, хариусы.

* * *

Он говорил нам музыкальной речью:
Ручей журчал, качалась колыбель,
То металлической картечью
Вдруг рассыпалась звонко трель,

То там, в заоблачной лазури,
Струился бисерный каскад,
То вдруг, в порыве страшной бури,
Рыдал в ответ аккордов ряд...

Конец... Минута ожиданья...
Застыла в воздухе рука –
И сорвались рукоплесканья!

Так разъяренная река,
Прорвав могучую плотину,
Как зверь, бросается в долину.

ПРИМЕЧАНИЕ. Произведение написано в форме сонета.

* * *

Сверкает запад в час заката.
Огнями зыблется река.
Садится солнце. Ярче зата
Горят и рдеют облака.

Восток померк и ждет лишь утра,
Когда при блеске янтаря,
В прозрачной дымке перламутра
Взойдет румяная заря.

Сентябрь 1895 г.

НА БАЛЕ

Твой невзыскательный наряд
И голос твой, твои движения
Так ясно взору говорят:
Тебе милей уединенье.

Покорна прихоти подруг,
Тоску улыбкою скрывая,
Ты входишь в этот шумный круг,
Но в нем ты гостья, всем чужая.

Тебя пленяет мир иной,
Ты отдалась ему душою,
Но крепко связана судьбой
С их равнодушною судьбою.

Глядишь в таинственную даль,
Надежды ласковой не зная
И никому не поверяя
Мечты, сомненья и печаль.

Так точно пальма молодая,
Дитя полуденных степей,

Случайный гость оранжерей,
Стоит, заметно увядая.

Напрасен солнца яркий зной
И неба чудное сиянье –
Ее томит воспоминанье
О красоте страны иной.

* * *

Эту полночь, эти тени,
Эти трели соловья,
Аромат густой сирени
Полюби, мой друг, как я.

Шумный город, блеск мицурный
В эту полночь позабудь,
Звезды, месяц, свод лазурный
Исцелят больную грудь.

Выходи! Нас никто не слышит,
Разве только соловей,
Но он сам влюблен и дышит
Только розою своей.

Май 1896 г.

ПРИМЕЧАНИЕ. Произведение написано под влиянием поэзии А.А. Фета (см., напр., стих. «Это утро, радость эта...»).

* * *

Неизведанные ласки,
Неразгаданные взоры,
Недослушанные сказки,
Неоконченные споры...

Потревоженные грэзы
Золотого сновиденья

И непролитые слезы
Накипевшего терпенья.

8 января 1897 г.

САФО

Лири бросила в море она и во мгле,
Гордой грудью приникнув к земле,
До рассвета рыдала без слез, без ума,
После бросилась в волны сама.

Не камея ли там, в голубой глубине,
Долго в мертвом покое белела на дне?
Там кораллы цвели, и сверкала над ней
Золотистая лира меж ярких ветвей.

День ли рдел, или ночь совершила полет,
Все дремало под пологом вод,
Только в бурную пору случайно волна
Проникала до тихого дна.

Призрак жизни тогда веял тихим крылом,
Кудри слабо взметались над бледным лицом,
Лира чутко дрожала, но струн ее звон
Был так робок, как слезы, как жалобный стон.

Долго месяц любил, пробегая свой путь,
Хоть на миг ей в лицо заглянуть;
Звезды часто, в венцах разноцветных лучей,
Отражались во влаге над ней.

Но размыли пески тот глубокий приют,
Помертвили кораллы, давно не цветут,
Бледный труп погребен под сребристым песком
В голубой глубине, на кладбище морском.

Кубин Бор. 2 ноября 1897 г.

ПРИМЕЧАНИЕ. *Сафо* (Сапфо) – древнегреческая поэтесса (ок. 650 до н. э. – ?); по преданию, покончила с собой из-за несчастной любви к юноше Фаону, бросившись в море со скалы.

МУЗА

Не помню, наяву иль в жутком сновиденье
Мелькнул мне образ твой – неясный, но живой;
Твой голос прозвучал, задумчивый, как пенье,
И взгляд твой ласковый блеснул передо мной.

И связан я с тех пор таинственно и свято
С тем ярким миром грез и вдохновенных снов,
Где идеала луч все расцветил богато,
Где образ – красота, где речь – аккорды слов.

Но жизнь взяла меня... И, обрученный с нею,
Как много светлых грез разбил я, и тебе
Служить одной теперь не в силах я, не смею
И не могу простить ни жизни, ни себе.

Кубин Бор. 1897 г.

ТАМ НА ДНЕ...

Там на дне, в том омуте глубоко,
Кто там спит волшебным тихим сном?
Заплелись вокруг него широко
Водяные лилии венком.

То не призрак там белеет ярко,
То русалка, светом облита,
И она его целует жарко,
Безответно в бледные уста.

Развился покровом изумрудным,
Пал на плечи шелк ее волос,
Они светят дико светом чудным,
На ресницах блещут искры слез.

Ей в нем все так бесконечно мило.
Он недвижим... Он в оковах сна...
И печально руки заломила,
Застонала жалобно она.

Точно струй далеких слышно пенье –
Не волна ли там звенит в тиши,
То не вздох ли ветра в отдаленье,
Или шепчут робко камыши?

13 сентября 1898 г.

ПРИМЕЧАНИЕ. В стихотворении использованы мотивы стихотворения М.Ю. Лермонтова «Русалка» («Русалка плыла по реке голубой...» – 1832).

* * *

Очи звезд мерцают так пугливо,
Быстро мчатся тени облаков...
Лунный свет скользит нетерпеливо
По воде, по склонам берегов.

На полянах зыбаются туманы,
Волны громко с ветром говорят...
Тенью черной, будто великаны,
Сосны стали в бесконечный ряд.

Стонет лес, вершины загудели,
Буря властно хлещет их крылом,
Закачались, стройно гнутся ели,
Ветер плачет в сумраке ночном.

Пусть роса кропит лицо и ноги,
Ветер треплет волосы, платок,
Пусть трепещет сердце от тревоги –
Одинокий путь твой недалек.

Яркий свет мелькнул в конце дороги,
Потянуло дымом и теплом,

Скрипнет дверь, и быстро на пороге
Станешь ты пред теплым огоньком.

Разметались косы прихотливо,
Грудь от бега дышит тяжело,
Смех звучит так ласково, счастливо,
И глаза смеются так светло.

14 сентября 1898 г.

ЛОРЕ

По утесу мох зеленый...
Фея там поет, мечтая,
Струны арфы золотистой
Звонко вторят ей, рыдая.

Блещет золотом повязка
У нее над волосами...
Хороша как сон, как сказка...
Власть дана ей над сердцами.

Под утесом Рейн сердито
Волны вспененные гонит,
Там кружится член разбитый,
В нем отважный рыцарь тонет.

С феи он не сводит взора,
Руки к ней простер, тоскуя:
«Мое сердце, моя Лора,
Воротись ко мне, молю я.

Я искал тебя повсюду,
Я изведал счастья цену,
Позабудь мою измену –
И рабом твоим я буду.

Опустел мой замок темный,
Словно смерть над ним витала,
Без тебя на свете все мне
Так мертвко и горько стало».

Тонет рыцарь... С арфы звучной
Лора струны оборвала.
Для нее теперь все скучно,
Все мертвко на свете стало.

И, объятья раскрывая,
В волны пенистой пучины,
Вновь любя, томясь, рыдая,
Фея бросилась с вершины.

ПРИМЕЧАНИЕ. Сюжет баллады основан на немецких преданиях о рейнской фее, зачаровывавшей и губившей плывущих по реке своим пением; широкую известность это предание получило благодаря немецким поэтам-романтикам (К. Брентано, Й. Эйхендорфу, Г. Гейне).

ЧАША СЛЕЗ

Не ива шумела, не ива шептала
Свою зеленою листвой,
То мать об утраченном сыне рыдала,
Убитая скорбью немой.

И ангел небесный склонился над нею,
Он взорами кротко сиял
И в чудную чашу рукою своею
Те чистые слезы собрал.

И видел я – небо раскрылось, пылало,
И ангел пропал в вышине,
Но долго оттуда еще долетало
Небесное пенье ко мне.

ЗАГРОБНОЕ ПОСЛАНИЕ ОТ Г. ГЕЙНЕ

Говорят: теперь на свете
Женский пол пришел в волненье.
Долетели вести эти
К нам в загробное селенье.

Говорят: пол женский, споря,
Все о равенстве хлопочет...
Мы уверены, что вскоре
Будет так, как он захочет.

Мы при жизни испытали,
Что все Евы – душегубки.
Все мужчины это знали
И всегда шли на уступки.

Спорить с женщиной кто хочет?
Это дерзко, неуместно...
Будет, как она захочет,
Это всем давно известно.

Да и в воплях нету толку,
Не взывайте и к морали...
Ищут женщины иголку
Ту, что сами потеряли.

Коль найдут – мы рады, право,
Только б снова не бросали!
Равноправность – не забава.
Власть мужчине-то сладка ли?

Да и где там власть? Вернее,
Просто черная работа.
А кому она милее?
Делай тот, кому охота!

Да и власть мужчины – бредни!
Что история открыла?

Ева правила намедни,
После много разных было.

Их я не поименую,
Испытал я власть мужскую!
По сей час настойки пью я,
Раны прежние врачую.

Легкой туфелькой Цирцея
Не одна их наносила.
Испытала моя шея...
Впрочем, ведь нема могила!

Умер я – и права слова,
Как мертвец, лишен вполне я,
Но душа моя готова
Вновь служить тебе, Цирцея!

А сирены? О, сирену
Хоть одну послушать... Боже!
Я сейчас поддамся плену...
Нет! На что это похоже:

Человеку и поэту –
Вдруг чистилища напасти!
Иль за то, что дал он свету
Гимн в честь женщины и страсти,

Красоты, свободы, счастья
Справедливы ли страданья?
Нет! Как мог сюда попасть я?
Ну, а впрочем, до свиданья.

1901 г.

ПРИМЕЧАНИЯ. Г. Гейне – см. примеч. к стих. Н. Бунакова «Из Гейне». Ева – согласно Ветхому Завету, жена первочеловека Адама; в нарицательном смысле – женщина вообще. Чистилище – по католическому вероучению, место, где души умерших очищаются от неискупленных грехов.

Павел Обнорский

**ИЗ «ПЕРЕЛОЖЕНИЙ
ВОСКРЕСНЫХ ЕВАНГЕЛИЙ,
ЧИТАЕМЫХ НА ЛИТУРГИИ»**

Переложение Евангелия недели 17-й
(*Матв. Гл. 15, ст. 21–28*)

И вышел оттуда, Иисус удалился
В Сидонские, Тирские страны;
Жена же Хананейская, шедшая там
С пределов страны, восклицала к нему:
«Помилуй меня, сын Давидов, Господь! –
Беснуется дочь моя в тяжкой болезни».
Ни слова в ответ ей Господь не сказал,
Но ученики приступили к Нему,
Просили Его: «Отпусти Ты ее,
Кричит она сильно за нами вослед».
Иисус им ответил: « Я послан лишь только
К погибшим овцам Израиля дому».
Она же, подошедши, Ему поклонилась
И так говорила: «Господь, помоги мне!»
Он ей отвечал: «Справедливости нет –
Взять хлеб у детей и бросать его псам».
Сказала она: «Так, Господь, – но и псы
Ведь крохи едят, что порой упадают
Для них со стола от своих же господ».
Тогда говорит ей Господь Иисус:
«О, женщина, вера велика твоя!
Да будет тебе, как желала сама ты».
И дочь той жены в этот час исцелилась.

ПРИМЕЧАНИЯ. Перелагаемый текст Евангелия от Матфея: «И вышел оттуда, Иисус удалился в страны Тирские и Сидонские. И вот женщина Хананеянка, вышедши из тех мест, кричала Ему: помилуй меня, Господи, Сын Давидов! дочь моя жестоко беснуется. Но Он не отвечал ей ни слова. И ученики Его приступивши просили Его: отпусти ее, потому что кричит за нами. Он же сказал в ответ: я послан только к погибшим овцам дома Израилева. А она подошедши кланялась Ему и говорила: Господи! помоги мне. Он же сказал в ответ: не хорошо взять хлеб у детей и бросить пасм. Она сказала: так, Господи, но и псы едят крохи, которые падают со стола господ их. Тогда Иисус сказал ей в ответ: о, женщина! велика вера твоя; да будет тебе по желанию твоему. И исцелилась дочь ее в тот час». *Страны Тирские и Сидонские* – территории городов-государств Тир и Сидон в Финикии, на восточном побережье Средиземного моря. *Хананеянка* – язычница, представительница племен, обитавших на севере Палестины. *Сын Давидов* – по Евангелию, Мать Иисуса Мария происходила из царского рода Давида.

Переложение Евангелия недели 18-ой

(Лук. Гл. 5, ст. 1–11)

Когда стоял у озера
Генисаретского Иисус,
Тогда народ к нему теснился,
Чтоб слово Божье услыхать.
И видел Он вблизи две лодки;
Они при озере стояли,
А рыбаки, оставив их,
В то время промывали сети.
Войдя в одну из этих лодок,
Что Симона была, просил
Он от земли отплыть немного;
И, севши в ней, учил народ.
Когда же перестал учить,
Сказал Он Симону: «Ты с лодкой
Пройди на глубину; закиньте
Для лова сети там свои».
И Симон отвечал Ему:
«Наставник, всю мы ночь трудились
И не поймали ничего,
Но вот, по слову Твоему,
Я сам закину снова сеть».
И сделав это, поимали

Они так много рыб тогда,
Что даже сеть их прорывалась.
И дали знак они своим
Товарищам, что на другой
На лодке были, чтобы, пришед,
Им помогли; и те пришли
И лодки нагрузили так,
Что обе стали уж тонуть.
Увидев это, Симон Петр,
Припав к коленам Иисуса,
Сказал так: «Выйди от меня,
Господь, – я грешный человек».
Так ужас-страх обнял его
И всех, что были вместе с ним,
От множества им взятых рыб,
Как и сынов тех Зеведея
Иакова и Иоанна,
Тогда товарищами бывших
У Симона Петра на лове.
И Симону сказал Иисус:
«Не бойся ты, отныне сам
Ловить ты будешь человеков».
И, лодки вытащив на берег,
Оставив втуне все свое,
Они вослед за Ним пошли.

ПРИМЕЧАНИЯ. Переслагаемый текст Евангелия от Луки: «Однажды, когда народ теснился к Нему, чтобы слышать слово Божие, а Он стоял у озера Генисаретского, увидел Он две лодки, стоящие на озере; а рыболовы, вышедшие из них, вымывали сети. Вошел в одну лодку, которая была Симонова, Он просил его отплыть несколько от берега, и сев учил народ из лодки. Когда же перестал учить, сказал Симону: отплыви на глубину, и закиньте сети свои для лова. Симон сказал Ему в ответ: Наставник! мы трудились всю ночь и ничего не поймали; но по слову твоему закину сеть. Сделавши это, они поймали великое множество рыбы, и даже сеть у них прорывалась. И дали знак товарищам, находившимся на другой лодке, чтобы пришли помочь им; и пришли, и наполнили обе лодки, так что они начали тонуть. Увидев это, Симон Петр припал к коленам Иисуса и сказал: выйди от меня, Господи! потому что я человек грешный. Ибо ужас обнял его и всех, бывших с ним, от этого лова рыб, ими пойманых; также и Иакова и Иоанна, сыновей Зеведеевых, бывших товарищами Симону. И сказал Симону Иисус: не бойся; отныне будешь ловить человеков. И вытащивши обе лодки на берег, оставили все и последовали за ним». *Генисаретское озеро* – озеро в Палестине, через которое протекает

река Иордан. Симон (Петр), Иаков и Иоанн – первые из двенадцати апостолов, избранных учеников Иисуса.

Переложение Евангелия недели 19-ой (Лук. гл. 6, ст. 31–36)

Как вы сами хотите, чтоб люди
Поступали здесь с вами всегда,
Поступайте и вы с ними так же.
Если любите любящих вас,
То какая вам в том благодать:
Ведь и грешники любящих любят?
Если будете делать добро
Вы для тех, что творят его вам,
То какая вам в том благодать:
Ведь и грешники то же творят?
Иль в заем вы дадите лишь тем,
От которых получите снова,
То какая ж вам в том благодать:
Ведь и грешники взаймы дают,
Чтоб сполна свое вновь получить?
Нет, любите вы ваших врагов,
В мире благотворите для всех,
И в заем без возврата давайте:
Вам награда великая будет,
Сынами Всеизыщного станете вы.
Потому милосердыми будьте,
Как и Сам ваш Отец милосерд.

ПРИМЕЧАНИЕ. Перелагаемый текст Евангелия от Луки: «И как хотите, чтобы с вами поступали люди, так и вы поступайте с ними. И если любите любящих вас, какая вам за то благодарность? ибо и грешники любящих их любят. И если делаете добро тем, которые вам делают добро, какая вам за то благодарность? ибо и грешники то же делают. И если взаймы даете тем, от которых надеетесь получить обратно, какая вам за то благодарность? ибо и грешники дают взаймы грешникам, чтобы получить обратно столько же. Но вы любите врагов ваших, и благотворите, и взаймы давайте, не ожидая ничего; и будет вам награда великая, и будете сынами Всеизыщного; ибо Он благ и к неблагодарным и злым. Итак будьте милосерды, как и Отец ваш милосерд».

Николай Соловьев

СВЯТОЙ МУЧЕНИК ТРИФОН

I

В фригийском маленьком селенье,
В семье поистине святой,
Как чудный цвет уединенья,
Жил Трифон, отрок молодой.
Он с юных лет познал, что жизни
Наступит некогда конец;
Небесной жаждал он отчизны,
Где радость вечная, венец...
И отрок был везде известен:
Смиренный, кроткий, любил всех,
Лишь не любил он мир прелестный
И детских игр, и всех утех.

II

В то время Римская державы
Был царь-язычник Гордиан,
Но было время счастья, славы
Для жалких, бедных христиан.
Не видно было мук и казней, —
Все жили тихо, без боязни.
Сей царь свободу даровал
Религиозным их стремленьям,
И кинжал римского правленья
На христиан уж не сверкал.

III

Встревожен Рим... Жильцов столицы
Смущает страшный, гадкий слух,
Что будто в дочь царя – девицу –
Вселился злой, нечистый дух.
Она сияла красотою;
Просили многие не раз
Руки сей девы молодыя,
Но от царя был всем отказ.
В чертогах царских изнывая
От беса, боли и стыда,
Сидит царевна молодая,
Страшна, ужасна и бледна.
Скрежещет с злобою зубами,
В припадке рвет она власы
Своими сильными руками
По наущенью князя тьмы.
Царь, видя дочери своей
Такое страшное мученье,
Со всей империи врачей
Готов созвать для исцеленья.
Он стал печальный и угрюмый,
Ничто не тешило его,
И эти горестные думы
Сердечно трогали его.
Ни мудрость, знанье и искусство
И помощь опытных врачей
Помочь не в силах были ей
Вернуть покой, былое чувство...

IV

Однажды злой, нечистый дух,
Ожесточенный, с диким криком
Сказал пред всеми громко вслух,
Что выгнать может отрок Трифон.
В восторге, в радости отец
Послал везде искать такого

И чтоб к царевне во дворец
Скорей, скорей вести святого.
Настало общее смятенье,
Искали отрока везде,
И наконец найден в селенье
Страны фригийской – Кампсаде.
Чрез горы, страны и моря
Пошел он в римскую столицу,
Дабы спасти в ней дочь царицы,
Утешить скорбного царя.

V

Был тихий, чудный летний вечер,
Луч солнца в небе догорал,
И быстро теплый южный ветер
На небе тучки разгонял...
В сей день уже в последний раз
Царя обширные палаты
Испугом были все объяты.
Ужасно страшен был тот час,
Когда злой демон, изнывая,
Кричал, стонал... Ах, как тогда
Ужасна дочь была царя,
От беса, бедная, страдая!
А дьявол с воплем страшным, диким
Кричал неистово: «Уйду!
Пройдет еще три дня, и Трифон
Сюда придет... Быть не могу!»
Всех привлекла она вниманье,
Царь тотчас смерти ожидал,
За бесноватой наблюдал,
Смотря на корчи и страданья...
И в сей момент (о, сколь отрадно!),
Вскричав пред всеми громко, вслух,
Во ад ужасный и злосмрадный
Исчез обратно злобный дух.
Сбылись сердечные желанья,
Минута счаствия пришла,

От страшных, демонских терзаний
Дочь Гордиана спасена.
Ликует город Рим надменный,
Восторгов полон весь дворец;
Синклитом пышным окруженный,
О своей дочери спасенной
Пиรует с матерью отец...

VI

Вот третий день. Из стран далеких,
Как злобный демон предсказал,
С смиреньем, с верою глубокой
Пришел святой... Он предузнал,
Что встретят с почестью высокой...
Весь истомленный от дороги,
Вошел святой в обширный Рим,
И в грандиозные чертоги
Введен был он царем самим.
Какое скромное свиданье!
Смиренный отрок, бедных сын
Среди дворца, средь царской славы,
А разговаривает с ним
Властитель Римская державы!
Царь был доволен своим счастьем,
Но как язычник он мечтал,
Что не сей юноша прекрасный,
А бог Зевес с небес послал
Царевне юной исцеленье.
Чтоб оправдать свое смущенье,
Святому царь тогда сказал:
«О, милый юноша прекрасный,
Чтоб сомневаться я не мог,
Что исцелил мне дочь и счастье
Сие послал твой чудный Бог,
Еще ты чудо здесь соверши:
Пред нами беса покажи!»
Встревожен юноша словами,
Не ждал сего и ждать не мог.

Но что не в силах сделать Бог
Своими дивными судьбами?..
Царь отдых дал семь дней ему;
Когда ж пройдут, из бездны ада
На удивленье Рима-града
Он должен вызвать сатану.

VII

Настал желанный день седьмой.
Царь видеть беса из чертогов
С синклитом, массой легионов
Идет туда, где жил святой.

.....

Исполнен весь Святого Духа,
Молиться слезно Трифон стал,
И чтоб до всех достигло слуха,
Он громким голосом сказал:
«О, дух, свершить чтоб долг искуса
Пред сонмом этих всех людей,
Явись во имя Иисуса
Во всей злосмрадности своей!»
И бес из смрадной преисподней,
Ужасен, страшен, в виде пса,
Предстал пред юношу Господня:
Блистали огненно глаза,
Его влачилась голова...
И был всего настолько гаже,
Что описать не можно даже.
Увидя Трифон сатану,
Сказал пред всеми вслух ему:
«Скажи-ка, бес, кто поступать
Дал власть вам с Божиим созданьем?
Кто вам позволил так терзать
Ее без капли состраданья?»

Бес

Над теми власти не имеем
И чужды нам все те сердца,

Вселенной кои чтят Творца,
Но и друзей себе имеем.
Мы близки очень тех людей,
Полны которые разврата,
Не знают Бога. Без возврата
Грешат средь жизненных путей.
А вот угодны нам дела:
Убийство, зависть, волхвованье,
И блуд, и гордость, и хула,
И истуканов почитанье...
Бежим со страхом от креста,
Нам страшны те святые лица,
Страдают кои за Христа,
Как Петр и Павел здесь, в столице.

Напал на всех ужасный страх
При виде зверя преисподней,
И весьма многие, в слезах,
Признали веры свет Господней.
А царь, воздав благодаренье,
Его дарами наградил
И во фригийское селенье
Назад с почетом возвратил.

VIII

Но вот скончался Гордиан.
После его на римском троне
К восторгу бедных христиан
Воссели Филипп в златой короне.
Пока сиял сей царь на троне,
Был виден радостный рассвет
На необъятном небосклоне,
То — христианства чудный свет...
Народ, довольный сею властью,
Свободно веровал в Христа,
Пределов не было их счастью,
С восторгом бились их сердца...

Но не надолго этим счастьем
Дышал и жил Христов народ,
Не долго шел он так вперед –
Настал конец сей тихой власти.
Не долго царствовал Филипп,
Велика скорбь и несказанна
Была для Рима... Вдруг, нежданно,
Глава народа был убит.
Затмилось время римской славы,
На трон воссел, как страшный змий,
Свирепый, грозный царь Декий, –
Владыкой Римской стал державы.
И в эту страшную годину,
Когда везде сверкал кинжал,
На суд в Никею к Аквилину
И Трифон-мученик предстал.

IX

Близ Апамии, извиваясь,
В долине протекал ручей;
Природой чудной наслаждаясь,
Здесь Трифон пас стада гусей.
Сюда-то римский легион
Пришел схватить раба Христова.
Смиренно, кротко пошел он
Окончить странствие земное...
Готовый покоряться всем,
Пошел он с ними без смущенья,
С молитвой, верой и терпением –
Он знал, куда ведут, зачем.

X

Никея-град ночной порой
Имел печальный вид такой.
Вот Аквилина в нем дворец –
Обширный, пышный, полный славы.
Правитель злобный и гордец –

Слуга Декиной державы;
Сидя в среде своих клевретов,
Он гордо, важно толковал
И за успех своих советов,
Зверь кровожадный, ликовал.
Теперь он в адском ожиданье
Увидеть Трифона страданья...
Вокруг все римские солдаты,
Вооруженные, стоят,
А все холмы и все палаты
Народа множеством кишают...
Но, наконец, пред этим сонмом,
Где злой правитель восседал,
В простой одежде, бедной, скромной,
Смиренный юноша предстал.
Все устремили в него взоры...
Умолк весь гул и разговоры...
С улыбкой гордого презренья
Правитель тотчас приказал,
Чтоб отрок громко, без смущенья,
Подробно о себе сказал.

Святой

Коли угодно знать тебе,
Скажу, что имя мне есть Трифон,
В семействе я родился тихом,
В селе фригийском Кампаде.
Доселе жил я на свободе,
Но ради райского чертога
С восторгом жажду и креста,
Я раб сладчайшего Христа!

Игемон

О, Трифон, Трифон! повеленье
Царя ты, видно, не слыхал,
А что сказал – все заблужденье,
Все ваш безумный идеал.

Ты так умен, красив собою,
Пойми, узнай, мой милый, сам
И с слезной, искренней мольбою
Прибегни с жертвою к богам.
А если нет, пролью всю кровь
Огнем и казнию суровой,
Тогда оставиши сам любовь
К какой-то вере той Христовой.

Святой

Безумец, червь ты есть растленья,
Твой огнь не страшен для меня,
Но бойся сам того огня,
Что ждет тебя за ослепленье.
Смотри, настанет смертный час,
Настанет с миром сим разлука, —
Тебе ужасен трубный глас,
Тебя ждет вечный огнь и мука...
Какой тогда ты дашь ответ
Перед Источником спасенья?
Оставь, игемон, заблужденья,
Познай Христовой веры свет!
Быть вольной жертвой за Христа
И выпить чашу мук, страданий,
И быть участником креста —
Вот мое твердо желанье!

Исполнен злобы, мести гнева,
Велел свирепый сей тиран
На древе бить святого тело
В позор несчастных христиан...
Святой, услышав приказанье,
С себя одежды тотчас снял
И с кротким видом ожидал
Ужасной пытки и страданья.
Связав назад страдальцу руки,
Его терзали... Кротко он

Переносил все эти муки,
Не слышен был ни плач, ни стон...
Вот и конец уже настал
Трехчасового бичеванья.
Правитель, будто с состраданьем,
Страдальцу юному сказал:

И г е м о н

Скажи мне, Трифон, как ты смеешь
Не чтить закон, приказ царя?
Достойны казней те злодеи,
Но я щажу пока тебя!
Оставь, оставь свое безумье
И без особого раздумья
Прибегни с жертвою к богам;
Я знаю, рад ты будешь сам.

С в я т о й

Отверг кто истинного Бога,
Царя небесного Христа,
Лишен тот райского чертога,
Геенна ждет того одна!

И г е м о н

Один есть только царь небес,
Отец богов и всех людей, –
То сын Сатурнов, бог Зевес
С могучей силою своей...

С в я т о й

В глубоком, мрачном заблужденье
Живя средь жизненных путей,
К тому имеете почтенье,
Который хуже всех людей...
С тех пор, как первые те лица

В раю лукаво соблазнил
Начальник ада темных сил,
Что был под именем Денницаы,
С тех пор весь мир и вся вселенна
Грехом везде была растленна.
Чтоб мир спасти от скверн порока,
От Девы Чистой, Пресвятой,
Для жизни временной, земной,
Господь явился на востоке.
Учил, целил Он там народы
И умер смертию креста,
Чтоб искупить нас от греха,
Открыть вход к райскому чертогу...
Затем вознесся в небеса
И одесную сел Отца!

Правитель слушал... Полон гнева,
Тотчас изволил приказать,
Чтобы страдальческое тело
К коня копытам привязать
И лошадь с ним скорее гнать.
На лошадь севши без раздумья,
Свой путь с страдальцем совершил,
Как будто злобе и безумью
Пределов он теперь не знал.
Какое каменное сердце
Имел ужасный сей тиран,
Когда, смотря на кровь из ран,
Так зверски мучил страстотерпца!
И вряд ли кто сказать возможет,
Как страшно мучился тогда,
При пытке этой, отрок Божий,
Страдая вольно за Христа.
Но при ужасном сем мученье
Какая вера и терпенье!
За всех мучителей, врагов,
За самого ж сего тирана
Молился мученик Христов

Молитвой юного Стефана.
Как тот молил за иудеев,
Чтоб грех Господь им не вменил,
Так сей — чтобы сердца злодеев
Росою мира оросил.

Престала казнь... Правитель снова
Велел от мук освободить,
Надеть тяжелые оковы,
Во мрак темничный заключить.

XI

В темнице мрачной, темной, страшной
Страдальцы-узники сидят
И о событиях ужасных
Междо собою говорят.
И ждут в тюрьме, когда вернется
Никеи-града властелин,
Из стран окрестных, Аквилин
И казнь страдальцев вновь начнется.
В темнице мрачно... Нет свободы,
Повсюду мрачный лишь простор,
И заключенных жалкий взор
Не видит света и природы.
Вот здесь и Трифон молодой
В оковах звонких и тяжелых,
Поник на камень головой,
Но вид святого столь веселый...
О, вожделенная свобода!
Уже не жаждет он тебя,
Из-за небесного чертога
На муки предал он себя.
Он жаждет жизни светлой, новой,
Где ни печали нет, ни зла,
Где за его венец терновый
Блаженна радость ждет одна!

Прошли так быстро дни за днями,
 Из стран окрестных поспешил
 Вернуться с зверскими слугами
 Правитель гордый Аквилин.
 И скоро вновь из заключенья
 Пред Аквилина злобный взор
 Представлен Трифон на позор,
 На казни, пытки и мученье.
 Но тверд был в вере отрок Трифон,
 Еще пришлось ему страдать
 От зверства злобных, страшных, диких
 И не могло поколебать...
 Тогда правитель, ради страха
 Для христиан, велел, чтоб меч
 Был подготовлен и на плахе
 Святого голову отсечь.
 В восторге дивном, без боязни,
 Пошел святой на место казни;
 И здесь, с воздетыми руками,
 Читал молитву он устами:
 «О, Боже богов и Царю царей!
 Свершив страдальческое бремя,
 У прага смерти я своей, —
 Промчалось жизни моей время.
 Прими ж мое благодаренье,
 Что от Тебя, Царя Христа,
 Имел отраду, подкрепленье
 Под тяжким бременем креста.
 Спаси от страшных преткновений,
 Чтоб под крылом надежд, спасенья
 В мытарствах ужаса летел,
 Чтоб ангел там меня провел.
 Прими мой дух и рай желанный
 Мне видеть, Боже, удостой,
 Где свет лишь славы трисиянний,
 Где радость вечная, покой.
 О, Боже, истинный Творец,

Услыши с высот святого рая
Молитвы искренних сердец,
Прольют меня кто вспоминая.
И, вняв их теплому моленью,
Пошли дары, избавь от смут,
Достигнут пусть они спасенья,
Свершая жизненный свой путь».

Не взвился грозный, страшный меч,
И палачу главы отсечь
Уж не пришлось... В конце моленья
Господь в небесные селенья
Святого Трифона приял.
Так подвиг с честью он скончал!
Для жизни вечной он ожил,
Горя к Христу святой любовью,
Своей стральческою кровью
Грехи души своей омыл!..

Святой сказал потом в виденье:
«Меня снесите вы туда,
Где я родился, в то селенье,
Оно зовется Компсада».
Там тело будет как залог,
Что он достиг теперь чертога,
Что в жизни изменить не мог
Он вере в Господа и Бога...»

ПРИМЕЧАНИЯ. Святой мученик Трифон (ум. 250) – Трифон Апамейский, Никейский, получивший от Бога способность изгонять бесов и лечить от разных болезней; обладая проповедническим даром, побудил многих язычников к обращению в христианство; при императоре Декии подвергся жестоким пыткам и был приговорен к смерти; его мощи были впоследствии перенесены в Константинополь, а затем в Рим; память мученику Трифону отмечается церковью 1 (14) февраля. Фригийский – находящийся во Фригии (область на северо-западе Малой Азии). Гордиан – римский император Марк Антоний Гордиан III (225–244), правивший с 238 г. Князь тьмы – сатана, дьявол. Синклит – здесь: придворная знать. ...Страдают кои за Христа, как Петр и Павел здесь, в столице – согласно преданию, апостолы Петр и Павел были казнены в Риме около 65 г. при императоре Нероне. Филипп – Филипп II (?–249), римский император с 244 г.; пришел к власти,

убив Гордиана III. *Декий* – Гай Мессий Квинт Деций Траян (195–251), бывший римским императором в 249–251 гг.; организатор первого систематического преследования христиан. *Аквилий* – наместник императора в Вифинии, римской провинции на северо-западе Малой Азии. *Апамия* (Апамея) – город во Фригии. *Никея* – город на северо-западе Малой Азии. *Игемон* – прокуратор, императорский наместник в завоеванной римлянами области. ...*Начальник ада темных сил*, *Что был под именем Денница* – дьявол (о смысле наречения его Денницеи см. в примеч. к стих. С.А. Непеина «Перед Страстной»). *Стефан* (ум. ок. 35) – христианский первомученик, проповедовал в Иерусалиме, был побит камнями; умирая, молился о прощении своих убийц; строки о Стефане автор поэмы сопроводил сноской: Деяния апостолов, гл. 7, ст. 60. *Трисиянный* – сияющий светом, исходящим от трех ипостасей Божества (Бога Отца, Бога Сына и Бога Святого Духа).

НА МОГИЛЕ К.Н. БАТЮШКОВА

Не мало уж в вечность сокрылося лет
С тех пор, как, недугом убитый,
Лежишь ты, наш северный, русский поэт,
В могиле почти позабытой!

Увы! не раздастся ни трепет струны,
Ни звон твой восторженный лирный, –
Уста навсегда уже смолкли твои,
И голос умолк твой призывающий.

Ни месяца свет с необъятных небес,
Ни пташки полночные трели,
Ни говор ручья, ни темнеющий лес
Твоей не разбудят свирели!

Пусть будет блажен твой могильный покой!
Пусть твой всеобъемлющий гений
Парит над великою Русью родной
Красою великих творений!

ПРИМЕЧАНИЕ. Могила К.Н. Батюшкова находится в Спасо-Прилуцком монастыре близ Вологды.

Таисия (игуменья Леушинская)

МОЙ КРЕСТ

Люблю тебя, мой крест, — ты символ искупленья;
Хвалюсь тобой в скорбях — ты в них отрада мне;
Хвалюсь тобой, мой крест, — в тебе мое спасенье
И в мой последний час мне помочь на кресте!
Сознательно несу тебя свободной волей,
О, крест мой дорогой, люблю тебя душой!
В тебе хвалюся я моему скромной долей,
И грустно было бы расстаться мне с тобой!
Не нужно счастья мне здесь, счастия земного,
Там счаствие мое, с тобою в небесах;
Когда достигну я Отечества родного,
Ты предваришь меня и там, на облаках!

**«ЖИТЕЙСКОЕ МОРЕ ВОЗДВИЗАЕМОЕ ЗРЯ...
К ТИХОМУ ПРИСТАНИЩУ ПРИТЕК,
ВОПИЮ ТИ...»**

Как Петр, я в море утопаю,
В волнах житейской суety;
Как он, и я к Тебе взываю:
«Наставниче! спаси, спаси!»

Ты всемогущ! Тебе возможно
И бури словом укрощать,
И по водам ходить невлажно,
Громам и ветрам запрещать.

Ступи ж Божественной стопою
На волны сердца моего –
Оно умолкнет пред Тобою.
И вкусит мира Твоего!

Простри мне руку, дай мне веру
И, как Петру, скажи и мне:
«Почто сумнишься, маловере?!
Мужайся иди ко Мне!..»

ПРИМЕЧАНИЯ. Заглавие стихотворения – сокращенная цитата из «Канона покаянного Господу нашему Иисусу Христу» («Житейское море воздвигаемое зря напастей бурею, к тихому пристанищу Твоему притех, вопиу Ти: возведи от тли живот мой, Многомилостиве»). *Как Петр, я в море утопаю* – отсылка к Евангелию от Матфея: «И тотчас понудил Иисус учеников Своих войти в лодку и отправиться прежде Его на другую сторону, пока Он отпустит народ. И отпустив народ, Он взошел на гору помолиться наедине; и вечером оставался там один. А лодка была уже на средине моря, и ее было волнами, потому что ветер был противный. В четвертую же стражу ночи пошел к ним Иисус, идя по морю. И ученики, увидевши Его идущего по морю, встревожились и говорили: это призрак; и от страха вскричали. Но Иисус тотчас заговорил с ними и сказал: ободритесь; это Я, не бойтесь. Петр сказал Ему в ответ: Господи! если это Ты, повели мне прийти к Тебе по воде. Он же сказал: иди. И вышел из лодки, Петр пошел по воде, чтобы подойти к Иисусу, но, видя сильный ветер, испугался и, начав утопать, закричал: Господи! спаси меня. Иисус тотчас простер руку, поддержал его и говорит ему: маловерный! зачем ты усомнился? И, когда вошли они в лодку, ветер утих. Бывшие же в лодке подошли, поклонились Ему и сказали: истинно Ты Сын Божий. И переправившись прибыли в землю Генисаретскую» (гл. 14, ст. 22–34). *Наставниче* – звательный падеж (форма обращения) от существительного «наставник». *Невлажно* – здесь: словно посуху.

«НАСТАВНИЧЕ! ДОБРО НАМ ЗДЕ БЫТИ...»

Лк., гл. 9, ст. 33

«Наставниче! добро с Тобою
Нам быть здесь, на горе святой!» –
Восклинул пламенной душою
Апостол Петр, избранник Твой.
Позволь поставить здесь три сени:
Тебе, Илье и Моисею,
Чтоб нам остаться навсегда
С Тобою, Светом Божества!»

О, Петр святый! Ты сам не ведал,
Что твой язык тогда вещал:
Объятый пламенною верой,
Ты весь в восторге исчезал!
Горит душа твоя святая
Любовью чистой ко Христу;
И, никаких преград не зная,
Летит в объятия к Нему!
О, поделись же с нами верой,
Святый апостол, друг Христа!
И каплей той любви безмерной
Ты ороси наши сердца!
Пусть и они пред Ним прольются,
Как воск, пусть тают и горят,
Пусть чувства все в одно сольются
И молча – громко говорят:
«Наставниче! добро с Тобою
Нам вожделенно, сладко быть!
О, даждь любить Тебя душою,
С Тобою неразлучно жить!»

ПРИМЕЧАНИЯ. В Евангелии от Луки эпизод, к которому отсылает автор стихотворения, изложен так: «...взяв Петра, Иоанна и Иакова, взошел Он на гору помолиться. И когда молился, вид лица Его изменился, и одежда Его сделалась белою, блестающею. И вот, два мужа беседовали с Ним, которые были Моисей и Илия; явившись во славе, они говорили об исходе Его, который Ему надлежало совершить в Иерусалиме. Петр же и бывшие с ним отягчены были сном; но, пробудившись, увидели славу Его и двух мужей, стоявших с Ним. И когда они отходили от Него, сказал Петр Иисусу: Наставник! хорошо нам здесь быть; сделаем три кущи: одну Тебе, одну Моисею и одну Илии, – не зная, что говорил. Когда же он говорил это, явилось облако и осенило их; и устрашились, когда вошли в облако. И был из облака глас, глаголющий: Сей есть Сын Мой Возлюбленный, Его слушайте. Когда был глас сей, остался Иисус один. И они умолчали, и никому не говорили в те дни о том, что видели» (гл. 9, ст. 28–36). Даждь – дай.

МОЛИТВА 2

Спаситель, Спаситель! согрей мою душу
В молитве любовью к Тебе,
Чтоб ум не метался заботою чуждой,
Безумным пристрастием к земле!

И чтобы молитва к Тебе возлетала,
Как чистый, святой фимиам;
Земной оболочки она бы не знала,
Свободно неслась к небесам!

Спаситель, Спаситель! Ведь нет Тебя краше,
Нет сладче Тебя никого!
Зачем же так горько земное пристрастье
Тревожит беседу с Тобой?

То скорби, невзгоды душу смущают,
Молитву уныньем томят;
То счастье и радости меры не знают,
В молитве пустое твердят!

Спаситель, Спаситель! согрей мою душу
Святою любовью к Тебе,
Чтоб ум, воскрыленный свободою духа,
Легко возносился горе!..

МОЛИТВА 4

Свет пресветлый, Иисусе!
Просвети меня,
Чтоб познать мне жизнь в Дусе,
Чтоб познать Тебя!..

Благодатию Твою
Ты покрой меня,
И любовию Твою
Ты согрей меня!

Непостижный, неприступный,
Горных сил Творец!
Ты ли, сердцу столь доступный,
Сладкий наш Отец?!

Да, Ты душу согреваешь,
Дух – животворишь,

Ум и мысли просвещаешь,
Сердцу говоришь.

Царь души моей Ты, Боже!
Царствуй же во мне!
Без Тебя весь мир ничтожен,
Жизни нет душе!

Воскреси меня с Собою
В чудный славы свет,
Чтоб и там мне жить с Тобою
В бесконечный век!

ПРИМЕЧАНИЕ. В *Дусе* — в Духе.

ПРЕД ЧУДОТВОРНОЮ ИКОНОЙ БОГОМАТЕРИ В КАЗАНСКОМ СОБОРЕ

Как хорошо в Твоем храме, Владычица!
Как сладко душе и светло!
Свободно, спокойно в нем каждому дышится,
На сердце легко и тепло!
Словно Сама Ты, о, Мати Всепетая,
Сама Ты здесь с нами стоишь;
Любовию Матерней к людям согретая,
На всех с состраданьем глядишь!
И лик Твой, Божественной славой сияющий,
Безмолвно вещает сердцам:
«Придите, молитесь Мне, вам внимавшей,
Я всем вам отраду подам!
Молитесь, убогие, бедные, сирые,
Ведь Я для вас Мать и Покров!
Молитесь и вы, сего мира счастливые,
Познайте в сем счастье, любовь!
Молитесь и вы, грехом отягченные,
Давно Я молитв ваших жду;
И, покаянья слезой орошенные,

Услышу Я их и приму!
Молись и ты, старчество дряхлое, хилое!
 Молись и ты, юности цвет,
 Молитесь и вы, малюточки милые,
 Я всех вас покрою от бед!...»
О, Милосердная Мати Пречистая!
 Безмерна Твоя к нам любовь;
 Ты нам Заступница в скорбех пребыстрай,
 Ты наша Мать и Покров!
О! не оставь же нас, Мати любимая,
 Молиться Тебе – вразуми;
И с верою теплой Тебе возносимые
 Моления грешных прими!

ПРИМЕЧАНИЕ. Автор стихотворения обращается к иконе Казанской Божией Матери в Казанском соборе Петербурга. *Всепетая* – всеми и всюду прославляемая. *Покров* – здесь: защитница, спасительница.

ПУСТЫНЯ

Пустыня, пустыня, отрада святая
 Для бедной, усталой души!
Ты – небо земное, преддверие рая,
 Ты – чудо земной красоты!

Невзгоды ль житейские душу туманят,
 Ей тяжко и грустно порой;
Твоя тишина к себе ее манит,
 Ей легче, отрадней с тобой!

В тебе позабудется путник унылый,
 Под сенью твоей отдохнет
И, подкрепив свои слабые силы,
 Путем своим дальше пойдет.

В тебе утруженный напрасной борьбою
 С морем житейским пловец,
Едва не разбитый свирепой волною,
 Увидит желанный конец!

В тебе любомудрые души находят
 То, чего ищет их ум;
В пустынном просторе взор к небу возводят,
 Полны таинственных дум!

В безмолвном величии ты поучаешь
 В твари Творца познавать;
Ты гордость надменного сердца смиряешь,
 Даешь нашу бренность сознать!

Пустыня, пустыня, ты – книга живая!
 Ты – Бога Живого уста!
Ты – горя земного отрада святая,
 Свет мрачной земли, красота!..

ПРИМЕЧАНИЕ. *Пустыня* – здесь: безлюдное место, удобное для общения с Богом.

ВПЕЧАТЛЕНИЯ ПРИ РАССМАТРИВАНИИ ПЛАНОВ ПРОЕКТИРУЕМОГО СОБОРНАГО ХРАМА ЛЕУШИНСКАГО МОНАСТЫРЯ В 1887-м ГОДУ

Планы, планы дорогие,
Как мне вас осуществить?
Помогите мне, родные,
Божий Храм соорудить!

Ничего я не имею,
И где взять – не знаю я,
Никого просить не смею,
Только Господи, Тебя!

Ты мои все знаешь нужды,
Видишь множество скорбей,
Мои слезы пусть не чужды
Будут милости Твоей!

Ты богат неистощимо,
Милосерд паче того,

Можешь Ты подать незримо
Рукой щедрой всем и все.

Не оставь же нас, Всесильный!
Сам на помощь к нам приди
И могучею десницей
Храм Себе сооруди!

ПРИМЕЧАНИЕ. Леушинский монастырь – один из самых больших женских монастырей России в конце XIX – начале XX в.; располагался близ деревни Леушино в пойме реки Шексны между Череповцом и Рыбинском; автор стихотворения была игуменьей этого монастыря.

ДОРОГИЕ МИНУТЫ

Бывают чудные минуты,
Отрады полные святой,
Когда небесной лиры звуки
Как бы беседуют с душой.

Бывает сердца упоенье
Струей небесного вина:
В благовейном умиленье
Душа стремится в небеса.

Тогда смолкает вся тревога
И, словно в сладкой дремоте,
Мысль созерцает в небе Бога
И внемлет горней красоте.

Тогда все тленное, земное
Так чуждо, тягостно для нас;
И сердце чувствует иное
Блаженство там, на небесах!

О, как минуты те бесценны
В юдоли плача и скорбей!
Они нам дороги, священны,
Они – отрада наших дней!

В ПОЛНОЧНЫЙ ЧАС

(На берегу реки, в келье на балконе)

На берегу реки широкой,
Среди безмолвной тишины,
Сижу я в келье одинокой
В полночи тихие часы.
Еще не брезжится рассветом
Передо мною небосклон, –
Ночным, таинственным приветом
Дарит природа, всюду сон...
И тишину ту нарушает
Лишь тихий плеск ленивых волн,
Когда веслом их рассекает
Рыбак, влача свой утлый челн.
Мой взор куда-то в даль стремится,
Она покрыта мглой ночной;
И сердце просится молиться,
Легко ему в тиши святой!
О, как далека вся тревога,
Мне словно чуждым стал весь мир:
Я созерцаю в небе Бога,
Я ощущаю в сердце мир!

ПРИМЕЧАНИЕ. Последние четыре строки стихотворения – образная перекличка со стихотворением М.Ю. Лермонтова «Когда волнуется желтеющая нива...» (1837 – «Тогда смиряется душа моей тревога, Тогда расходятся морщины на челе, – И счастье я могу постигнуть на земле, И в небесах я вижу Бога...»).

ЛЕТНИЕ НОЧИ НА СЕВЕРЕ

(Ночь на Пинеге на 10-е июня 1899 г.)

Дивны, торжественны летние ночи
На севере хладном России родной!
Но скоро сомкнутся усталые очи, –
Вечер сменится утра зарей.

Вот полночь: но мрака она не видала,
Еще не угасла вечерня заря,

А в небе другая заря заблистала
С востока, день новый вселенной даря.

Зеркальна поверхность Пинеги прелестной,
Широко разлившись в крутых берегах,
Струится и пенится, словно в ней тесно
Волне непослушной в угрюмых скалах.

И, словно любуясь своей красотою,
В ней отражает свой солнышко луч,
Быстро вздымаясь над спящей землею,
По воле Творца совершая свой путь.

И утро земное таинственно чудно –
Природа вся внемлет Владыке-Творцу;
Его мановению вечно послушна,
Пред ним преклоняет смиренно главу.

И с выси небесной незримою дланью
Ее осеняет Владыка-Творец,
Таинственным гласом вещая созданью:
«Ты спиши еще, чадо, – но бдит твой Отец!

Я с вечера утру велел воссияти,
Зари не гасил Я вочных небесах;
Проснитесь же, люди, – и дар благодати
Примите, сокройте в разумных сердцах!»

10 июня 1899 г.

ПРИМЕЧАНИЕ. Пинега – река на севере Европейской части России, правый приток Северной Двины.

ПЕРВЫЕ ВЕСЕННИЕ ПТИЧКИ

Прилетели вестники
Золотой весны
И запели песенки,
Песни старины.

Что поют желанные,
Что вещают нам?
Новости ль нежданные
Из далеких стран?

Или заунывною
Песнею страшат
Пахаря – над нивою
Труд ему сулят?

Нет, не новость чуждую,
Не тяжелый труд
Своей песнью чудною
Пташки нам несут.

Они, долгу верные,
Славят всех Творца,
Ему песнь победную
Шлют на небеса.

Все созданье внемлет
Своему Творцу;
Человек лишь дремлет,
Не спешит к Нему!..

НА ГРОБЕ СТРАДАЛЬЦА

Все кончено!.. Вот и того не стало,
Кто на земле отрады не знавал,
Чье сердце бедное от горя изнывало,
Кто жизнию не жил, томился и страдал!

И смерть ему порой казалась бы спасеньем,
Он ждал ее, как ждем мы друга иль отца;
В ней слабый дух его искал успокоенья,
В отчаянье желал, молил себе конца.

И вот конец настал! Холодною рукою
Безжалостно коснулась смерть его чела.

Все кончено!.. Теперь и он вкусила покоя;
Свершив свой путь земной, идет на небеса!

Там ждет его и Сам Божественный Страдалец,
Который со креста всем руки простирая,
Чтоб всех привлечь к Себе, кто на земле скиталец,
Убогий, нищий был и друга не встречал.

Гряди к Нему, собрат наш, смело, с упованьем:
Страдальцев обещал Он успокоить там!
Неси туда свой крест и сердце с покаяньем,
А в вечной радости проси ее и нам!

ПРИМЕЧАНИЕ. *Сам Божественный Страдалец* – Иисус Христос.

ГДЕ СПАСЕНИЕ?

О великая Русь державная,
Русь могучая православная!
Наша матушка ты родимая,
Настрадалась ты, Русь любимая,
От монгол, татар, от неверов злых;
Не исчесть твоих всех невзгод быльих!..
С бурна запада набежит волна,
На груди твоей закипит она, –
Приосанится грудь могучая,
Вскользнется в ней кровь кипучая,
Затрепещет в ней сердце русское,
Сердце русское, богатырское.
Рвется в битву оно, в битву крепкую
За любовь к царю беззаветную.
Против всех невзгод устояла ты,
И самих врагов удивляла ты.
Кто ж держал в тебе доблесть крепкую?
Знать, могучая сила некая!
Это сила твоя чудоточная –
Вера праотцев непорочная.
Принесла она рукой смелою
От твоих сынов жатву зрелую

Христу Господу – лик святителей
И пустынников, и обителей.
Храмов Божиих в тебе «несть числа»,
Как звезда горит на них крест Христа;
Люди верою укрепляются,
Как крестом святым осеняются.
Вот – хранитель твой и хвала твоя.
Вот – оплот тебе и скала тверда.
Верой деды твои величалися,
Верой жили отцы – прославлялися.
Ты ж оставила путь отцов твоих,
Уклонилася в путь «сынов чуждих»,
А сыны-то те – враги чуждые:
Твоей гибели только нужно им.
Вот страдаешь ты, вновь гонимая
От неверов злых, Русь родимая!
Как гроза над тобой разразилась,
Твоей кровью земля напоилася.
И в годину бед ты к кому прильнешь
Головою твою усталою?
Слезу скорбную перед кем прольешь,
Слезу горькую и кровавую?
Вспомни силу ты твою крепкую,
Веру твердую беззаветную.
Милосерд Господь, Он всегда с тобой;
Поспеши к Нему, припади с мольбой
У святого креста, у подножия,
Где пролита кровь Сына Божия.
Ради крови Своей Он твою пощадит
И гордыню врагов Своей силой смирит.
Покорит Он ее Царю «белому»,
Благочестному, правоверному.
И восхвалим его песнью славною:
«С нами Бог, с нами Бог», православные!

1905 г.

ПРИМЕЧАНИЯ. Неверы – нехристи, безбожники, враги православной веры.
Чудоточная – творящая чудеса. Чуждих – чужих. Царь «белый» – русский царь.

Анна Образцова

СТИХОТВОРЕНИЕ НА ЧЕТВЕРТЫЙ ВЫПУСК ВОСПИТАНИЦ ВОЛОГОДСКОГО ЕПАРХИАЛЬНОГО ЖЕНСКОГО УЧИЛИЩА В 1896 ГОДУ *(Фрагменты)*

<...> Из нас, пред Вами предстоящих,
Почти что все, иль большинство,
Все лица юных, испытавших,
Что значит в жизни сиротство.

Но Бог, для всех сирот Отец,
Нас малых, сирых не оставил,
Сиротству нашему конец
Он здесь в обители представил. <...>

Учились мы в стенах приюта
Познанью истины, добра
И ждали отчего привета,
Как солнца светлого с утра. <...>

И как жилось нам здесь привольно!
Не знали мы нужды мирской,
Как хорошо, как все прекрасно
В тиши обители святой!

То дорогое жизни время,
Блаженства полное для нас;
Нам чуждо было жизни бремя;
Но вот настал разлуки час.

Шесть лет блаженства мы прожили
Как миг мгновенный, дорогой.
Проститься с нами все спешили,
И сам владыка наш родной.

Все, что любовью покрывали
Нас здесь в обители святой
И путь наукой открывали,
Теперь стеклись в наш круг младой.

Но в благодарность, дорогие,
Сегодня что вам принесем?
За все труды ваши святые
Молитву Богу вознесем.

И образ всех вас незабвенных
Мы будем в памяти хранить,
Вам продолженья дней блаженных
Будем у Господа молить. <...>

И после сей разлуки грустной,
Когда умчимся вдаль от вас,
Своей добротой в жизни трудной
Прикройте кротко, просим, нас.

Прости и ты, владыка, к нам
Десницу помочи своей,
Дозволь надеяться всем нам
Найти ее в душе твоей.

Теперь же в путь благослови,
Наш архипастырь и отец,
Крестом Христовым осени
Нас на прощанье под конец.

ПРИМЕЧАНИЯ. Стихотворение читалось воспитанницей училища А. Чулковой на торжественном выпускном акте 31 мая. ...*сам владыка наш родной* – епископ Вологодский и Тотемский Алексий (Соболев), посещавший выпускные экзамены, служивший Божественную литургию 31 мая, произносивший речь по ее окончании и присутствовавший на торжественном акте.

Константин Клепиков

РОЖДЕСТВО ХРИСТОВО И ПОКЛОНЕНИЕ ПАСТЫРЕЙ

Ночь уж сошла; тишина воцарилась над градом Давида.
Очи бесчисленных звездочек кротко на землю взирали,
Трепетным светом своим освещая лазурный свод неба,
Ясного, чистого, – даль необъятну таинственной бездны.
Горы вдали, на окрестность бросая длинные тени,
К небу подъемлют кудрявые пышно вершины высоки.
Сумрачно город стоит, и стены далеко бросают
Тень на долину, покрытую зеленью трав и деревьев,
Где стоят пальмы высоки, колеблемы ветром полночи.
Заперты крепко ворота, и стража поставлена на ночь.
В городе шум, суета, толпится народ до полночи.
Места уж нет в гостиницах, полных приехавших в город.
Вышло от кесаря Августа всем повеленье явиться
В город родной, чтоб перепись сделать в империи Римской.
Старец Иосиф с Марией, своей нареченной женою,
В город Давида явился, но мест не нашел для ночлега.
Вышли на поле они и в пещере остались на ночь,
В этом приюте для стад пастухов в ненастное время.
Ночь же сегодня прекрасна, и пастырей нет в той пещере.
Тихо на поле: все призадумалось, все уж умолкло.
Там, на краю, под деревом зеленолистным усевшись,
Пастыри смотрят на небо, любуяся звездным сияньем.
Около них бродят овцы, срывая злак сочный на поле.
Мирно беседа идет; проста и незлобна вся речь их.
Сердце простое открыто у них к несчастию близких.
Вера сильна в них живет, и чтут они Бога всем сердцем.
Мир и покой в их кругу. Ничего, кроме стад, не желая,
Жизнь все простую ведут, а Богу такая угодна.
Ночь же святая все так же торжественно тиха, прекрасна.

Вдруг разверзся свод неба, и огненным быстро потоком
Сноп лучезарный пролился на поле и пастырей мирных.
В свете явился блистающий молнией ангел Господень.
К паstryям робким слетевши, так рек им небесный посланник:
«Робость отбросив, слушайте, пастыри, весть благодати.
Радуйтесь, люди, радость великая миру явилаась:
В граде Давида-царя Спаситель сегодня родился.
Вот я вам знаменье дам, что сказана истина мною:
В вашей пещере, в яслях, вы найдете лежащим младенца;
Он пеленами повит и Матерью в ясли положен».
Снова во свете поднялся блистающий молнией ангел.
Пастыри робко стоят, устрашившись посланника неба.
Вдруг в облаках явился лик ангелов, славой блестая.
Дивная песнь небесных духов полилась на землю:
«Слава во вышних Предивному Богу, мир давшему людям,
Слава Ему, показавшему благоволение миру».
Лик удалился небесных певцов, и небо закрылось.
Друг посмотревши на друга, пастыри тотчас сказали:
«К граду Давида пойдем и посмотрим, что ангел сказал нам».
Быстро к пещере пришли, исполненной дивного света.
Старец стоит там, осла привязав к яслям деревянным.
Тихою радостью дышит лицо, и с великой любовью
Смотрит он в ясли, обвитые светом великим, небесным.
Там в пеленах белоснежных Младенец Божественный виден.
Неизреченной красою Спасителя мира лик блещет.
Тихо склонилась над Ним Благодатная Богоневеста,
Матерь Пречистая смотрит на Дивного Сына с любовью.
Пастыри, к ним подойдя, поклонились Спасителю мира.
Деве Пречистой они рассказали о вести небесной.
С радостью в сердце потом возвратилися в поле на стражу.
Славили Бога простые сердца за великую милость.
Людям простым, неученым, но верою твердым, всем сердцем
Слово святое приемлющим, первым открыт был Спаситель.

ПРИМЕЧАНИЯ. Произведение является стихотворным переложением сюжета о рождении Иисуса Христа по Евангелию от Луки (гл. 2, ст. 1–20); написано оно гекзаметром. *Град Давида* – город Вифлеем в Палестине, к югу от Иерусалима; согласно Библии, родина царя Давида и место рождения Иисуса Христа. *Август* – см. примеч. к стих. Н. Бунакова «Самодержавие». *Лик ангелов* – хор ангелов.

ПРЕНИЕ О ВЕРЕ СВ. СТЕФАНА ПЕРМСКОГО С КУДЕСНИКОМ

Тихо стоит небольшое село среди темного бора.
День встал роскошный, и солнце светило в окна лачужек.
Снег блестал, и леса таинственно-тихо стояли.
Новая церковь сверкала, селение, малое прежде,
Ныне возвысилось: стало оно святым местом народа.
Что ж за волненье кипит в нем теперь и народ так толпится?
Это Стефан, апостол блуждавшего в мраке народа,
Веру Христову принесший на дикий, таинственный север.
Спор он ведет с кудесником вещим, гадателем Памом.
Много народа в средину села собрался послушать.
В рясу простую одет был святой, блестая смиреньем;
Кротко смотрел на волхва служитель единого Бога.
Дико сверкая глазами, стоял свирепый кудесник;
Страшно тряслась борода, раззвевалась змеями одежда.
Страхом смущенный народ трепетал, боясь за Стефана.
«Слушай, пришелец, зачем проповедуешь Бога едину?
Мы поклоняемся многим богам, у них помочи просим.
Боги нам помогают в ловле зверей на продажу.
Много имеем помощников и на воде, и на суше.
Тайны, вам недоступные, боги нам открывают.
Храбрый идет на медведя один, и ему помогают.
Десять пойдут, и воротятся двое, изранены страшно.
Видишь, народ, всегда наши боги как к нам милосердны!
Им поклонялися ваши отцы, почитая их верно.
Что ж вы оставили их, не приносите жертв благодарных?
Он из Москвы, а оттуда нам только насильства и дани».
Так говорил чародей народу, смущенному страхом.
Кротко святой посмотрел на врага и, Бога призвавши,
Встал, и речь полилась потоком в смущенные души.
Долго святой говорил, по щекам его слезы лилися.
Он пламенел, и лицо любовию к Богу дышало.
Понял кудесник, на чьей стороне оказалась победа.
Понял -- на страшное дело решиться посмел он.
«Слушай, пришелец, пусть судят боги, чья правая вера.
Кто, через воду пройдя, не потонет, правым тот будет;
Кто чрез огонь пройти не боится и не погибнет,

Бог того истинный есть, и право ему поклоняться». Тихо святой отвечал: «Господь Всемогущий поможет Мне, и стихии будут покорны Бога веленью». Трепет обьял чародея, и он, поседевший в обманах, Ужасом был одержим, нечестивый; чувствуя смутно Правую сторону, не отказался, стыдяся народа. Тотчас святой приказал на реке две проруби сделать. Малую хату пустую отдали пламени в жертву. Обняло пламя строение, вверх поднялся столбами. Мрачная прорубь зияла, смерть волхву предвещая. Взяв чародея за руку, Стефан повлек его в страшное пламя. Понял кудесник, что он посрамлен, и стал порываться. Звал напрасно Стефан, влача его за одежду. Волхв трепетал, прося избавить от смерти, столь лютой. «Смерть чародею, нас обманувшему подлюю лестью!» – Вскрикнул народ, но святой помиловал дерзкого Пама. Изгнан он был из страны той родной и всеми оставлен. Слава тебе, просветитель зырян, косневших во мраке! Слава, великий апостол Христов и ревностный пастырь!

ПРИМЕЧАНИЯ. Произведение является стихотворным переложением эпизода из жития Стефана Пермского, написанного в конце XIV в. известным русским книжником Епифанием Премудрым; в качестве стихотворного размера автором использован гекзаметр. *Стефан Пермский* (ок. 1345–1396) – миссионер и просветитель зырян (народа коми); первый епископ Великопермский; создатель азбуки языка коми, переводчик на этот язык церковных книг; в XVI в. был причислен к лику святых. ...на страшное дело решиться посмел он – в житии инициатор испытания водой и огнем не назван: «...после многих распреи и споров решили они оба избрать самих себя, желая испытать веру. И сказали друг другу: “Пойдем и разожжем огонь и войдем в него <...> Таким же образом пойдем оба, взявшись друг друга за руки, и войдем вместе в одну прорубь”».

Сергей Непеин

ПРЕД СТРАСТНОЙ

Приближается снова Страстная.
Снова год без возврата прошел,
Как, страданья Христа вспоминая,
Мы клялись свой забыть произвол.

Мы клялись, что не будем, как прежде,
Жизнь свою во грехах проводить
И в угоду страстям и влеченьям
Все святое в себе хоронить;

Что сумеем себя мы направить
На спасительный жизненный путь,
Что не станем грешить и лукавить
И по-прежнему жить как-нибудь;

Что смирим мы кичливые мысли,
Ум в покорность Христу приведем
И, подобно евангельским нищим,
Мы на небе блаженство найдем;

Что строптивое страстное сердце
Мы всецело Христу предадим
И лобзания льстивого брату,
Как Иуда Христу, не дадим;

Что отгоним постом и молитвой
Духа злобы коварный навет
И, как прежде, постыдно ловитвой
Его сетей не будем же, нет!

Мы клялись, что ни злоба, ни зависть,
Ни коварство, ни ложь никогда,
Как бывало то с нами доныне,
Не совьют в нашем сердце гнезда;

Что не будем мы этим кумирам
Раболепно, как Богу, служить,
Будем жаждать душевного мира,
Помнить Бога и ближних любить.

Да, клялись мы! Но где эти клятвы?!

Ум, и воля, и сердце молчат...

О, не плевы ли мы будем жатвы?!

Не сойдем ли по смерти во ад?

Не подобно ль бесплодному древу
Нас секира Христа посечет,
За служенье мамоне и чреву
Не для вечных ли мук обречет?!

Братья! Скоро Страстная седмица
Время плача и слез завершит, –
Поднимите смущенные лица,
Пусть надежда сердца окрылит.

Было время, блаженство вкушая,
Прапоритель жизнь лучшую знал,
Но недолго наследником Рая,
Братья, знаете, он пребывал.

Обладая свободною волей,
Чистым сердцем и ясным умом,
Недоволен он стал своей долей,
Согрешил и уснул мертвым сном.

Ангел злобы, низверженный с неба,
Вида первых блаженство людей,
Жизни райской и сладости хлеба
Их коварно лишить захотел.

Что же, братья, кого первозданный
Сыном быть и слугой захотел? –
Божьим сыном любовно названный,
Он творцом сатанинских стал дел.

Не послушался Божьего слова,
Не соблюл его легкий завет, –
Он прельстился коварством иного,
Духа злобы исполнил совет...

И любовь Высочайшая снова
Лестью падших к блаженству звала,
Но и этому чудному зову
Совесть падших людей не вняла.

Братья, Бог поругаем не будет, –
Злых и злое Он зле погубит:
Правосуден Он был, есть и будет,
Так Святое Писанье гласит.

Не трепещут ли ангелов лица,
Предстоя и служа пред Творцом?
Не низвержен ли падший Денница
Грозным Божьим и правым судом?!

Так и падшее племя людское
Бог проклятьем Своим поразил, –
Вечный дух их и тело земное
Он на вечную смерть осудил.

Миновало блаженное время,
Жизни райской промчалися дни,
И на смену тяжелое бремя
Нам досталось и скорби одни.

И ничем не воротишь былого,
Тем не будешь, чем ранее был,
И эдемского счаствия снова
Не вернешь, коль его погубил!

Увидал человек свою гибель
И с мольбою прибегнул к Творцу –
Жизнь в скорбях и в грядущем погибель
Стали ясны и страшны ему.

Не погибло ли Божье творенье,
Не Господь ли взыскал его вновь,
Не устроила ль наше спасенье
Бога к падшему миру любовь?!

Он послал к нам Превечного Сына, –
В недрах Отчих от века что был,
Но от Девы Он плоть нашу принял
И людей от греха искупил.

Братья, скоро наступит Страстная.
Поспешим же тогда в Божий храм
И увидим, как жертва святая
Сыном Божиим приносится там.

Не за нас ли лобзанье Иуды
Иисуса врагам предает,
Не Его ли святейшие уды
Сpira войнов безжалостно бьет?!

Не Ему ль заушают ланиты,
Кто, как агнец, незлобивым был,
Кто, снося терпеливо обиды,
За врагов нас молиться учил?!

Не Его ль, торжествующе-злобно,
Ослепленный еврейский народ,
Окруживши на месте на лобном,
На позорную смерть предает?!

.....

Все за нас претерпел Искупитель –
От насмешек до ран, до креста.

Грех наш распял с Собою Спаситель,
Вот в чем жертва святая Христа!!!

С той поры, братья, грех первородный
Не лежит тяжким игом на нас
И проклятия прежнего грозный
Не смущает нас Господа глас.

С той поры не страшна нам могила,
Не страшны вереи вечных врат –
Воскресит нас Воскресшего сила,
И не всем нам дорога во ад.

Все, кто веруют в силу страданья,
В силу жертвы кровавой Христа,
Все, кто с верой живой, с упованием
Прибегают под знамя креста,

Кто родился водою и Духом,
В бане водной крещенья омыт,
Не страдает неверья недугом
И греха, как заразы, бежит,

Кто наветами злобного духа
Пал, но грех покаянем омыл,
Кто небесного Вечного Хлеба –
Страшных Таин – достойно вкусили, –

Все они не умрут, но жить будут
В вечной славе Отца в небесах.
Все страданья земные забудут
В новых райских нетленных садах.

Не смущайтесь же, падшие братья, –
Пастырь ищет заблудших овец.
Как разбойник прощен у распятия,
Так простит нас Небесный Отец.

ПРИМЕЧАНИЯ. *Страстная* – Страстная седмица, последняя неделя Великого поста перед Пасхой, посвящаемая церковью памяти о последних днях земно-

го пути Иисуса Христа. ...подобно евангельским нищим, Мы на небе блаженство найдем – ссылка на слова Христа из Нагорной проповеди: «Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное» (Евангелие от Матфея, гл. 5, ст. 3). ...лобзания льстивого брату, Как Иуда Христу, не дадим – поцеловав Иисуса в Гефсиманском саду, апостол Иуда тем самым указал на него преследователям (см.: Евангелие от Матфея, гл. 26, ст. 47–49). Льстивый – здесь: лицемерный. Дух злобы – сатана. Пловитва – здесь: добыча. ...не плевы ли мы будем жатвы?! – Ссылка на притчу Христа о плевелах (сорняках): «...Царство Небесное подобно человеку, посеявшему доброе семя на поле своем; когда же люди спали, пришел враг его и посеял между пшеницею плевелы и ушел; когда взошла зелень и показался плод, тогда явились и плевелы. Пришедши же рабы домовладыки сказали ему: господин! не доброе ли семя сеял ты на поле твоем? откуда же на нем плевель? Он же сказал им: враг человек сделал это. А рабы сказали ему: хочешь ли, мы пойдем, выберем их? Но он сказал: нет, чтобы, выбирали плевелы, вы не выдергали вместе с ними пшеницы; оставьте расти вместе то и другое до жатвы; и во время жатвы я скажу жнецам: соберите прежде плевелы и связывите их в связки, чтобы скочь их; а пшеницу уберите в житницу мою» (Евангелие от Матфея, гл. 13, ст. 24–30). ...Не подобно ль бесплодному дереву Нас секира Христа посечет – отсылка к словам Иоанна Крестителя из пророчества о пришествии Христа: «Уже и секира при корне дерев лежит: всякое дерево, не приносящее доброго плода, срубают и бросают в огонь» (Евангелие от Матфея, гл. 3, ст. 10). Мамона – здесь: богатство, материальные ценности. ...Страстная седмица Время плача и слез завершил – согласно Иоанну Златоусту (IV в.), Страстная неделя – время окончательной победы Христа над смертью. Прародитель – первый человек Адам. ...Недоволен он стал своей долей, Согрешил и уснул мертвым сном. – В ветхозаветной Книге Бытия повествуется о том, как Адам и Ева нарушили по наущению дьявола заповед Бога не есть плодов с дерева познания добра и зла, были изгнаны из Рая и лишены бессмертия. Ангел злобы, низверженный с неба – согласно преданию, сатана был духом, близким к Богу, но восстал против него и был сброшен на землю небесным воинством. ...Лестью падших к блаженству звала – при подготовке стихотворения к переизданию в 1902 г. цензор Николай Якубов (протоиерей вологодского Софийского собора) счел необходимым заменить эту строку другой: «Их тогда же к блаженству звала». Зле – здесь: беспощадно. Денница – славянское название «утренней звезды» Венеры, применяемое к дьяволу для того, чтобы сделать явной тщетность его попыток затмить свет Божества. Эдемское счастье – райское счастье. Превечный Сын – Иисус Христос. Дева – Мария, мать Христа. ...Не Его ли святейшие уды Спира войнов безжалостно бьет?! – Речь идет об издевательствах над Христом после ареста: «Люди, державшие Иисуса, ругались над Ним и били Его; и закрывши Его, ударяли Его по лицу и спрашивали Его: прореки, кто ударил Тебя?» (Евангелие от Луки, гл. 22, ст. 63–64). Заушать – бить по щекам («Тогда плевали Ему в лицо и заушали Его...» – Евангелие от Матфея, гл. 26, ст. 67). ...Кто родился водою и Духом – кто прошел христианский обряд крещения. ...Страшных Таин... вкусили – вкусили хлеба и вина, чудесно преосуществляемых во время обряда причащения в тело и кровь Христа. ...разбойник прощен у распятия – см. в Евангелии от Луки: «...распяли Его и злодеев, одного по правую, другого по левую сторону. <...> Один из повешенных злодеев злословил Его и говорил: если Ты Христос, спаси Себя и нас. Другой же напротив унимал его и говорил: или ты не боишься Бога, когда и сам осужден на то же? И мы осуждены справедливо, потому что достойное по делам нашим приняли; а Он ничего худого не сделал. И сказал Иисусу: помяни

меня, Господи, когда придешь в Царствие Твое! И сказал ему Иисус: истинно говорю тебе, ныне же будешь со Мною в раю» (гл. 23, ст. 33, 39–43).

НОВЫЙ ГОД

За годом год проходит незаметно...
Нельзя вернуть минуты ни одной.
Тоска. Мне жаль мечты моей заветной,
Мечты, мне близкой и родной...
Ее уж нет. Она была когда-то
И пронеслась, как чудный метеор.
Но чем же сердце виновато?
Зачем оно болит до этих пор?
Мечты, мечты! Вы точно лист зеленый.
Осенний вихрь подул – и в грязь упали вы.
А ваш родимый дуб, унылый, обнаженный,
Поднять не смеет гордой головы.
И я поникнуть мог совсем главою,
Душа моя была уныла и пуста.
Но нет. Я не склонюсь перед слепой судьбою,
Не замолчат мои правдивые уста.
В самом себе искать я буду силы...
В глубоких тайниках души моей больной
Я отыщу не мертвый мрак могилы
Но искру веры ярко-неземной...
И искру ту я вновь раздую в пламень,
И пламень этот душу оживит,
И сердце мертвое, как камень,
Надеждой новой окрылит.

*Вологда.
30 декабря 1910 г.*

ПРИМЕЧАНИЕ. Опубликовано 1 января 1911 г. в газете «Вологодский справочный листок» под псевдонимом «Старый год».

ВЕСНОЮ

Дни миновали уныло-печальные,
Дни безотчетной тоски.
Юга дыхание – гостья желанная
Нам дает теплые дни.

Грудь обнаженную славной красавицы
Солнца ласкают лучи.
Землю холодную, оцепенелую
Вновь оживили они.

Вот она скинула шубку пуховую,
Сбросила зимний убор,
Ясные очи открыла и кинула
Всюду ласкающий взор...

Солнце влюбилось в землю-красавицу,
Нежно ласкается к ней.
Сердце забилось у ней, застыдился –
Фатой закрылась своей.

Лес – это кудри ее золотистые,
Чудной головки наряд;
Воды зеркальные – очи лучистые,
Очи, что лаской дарят.

Дети весны, ручеечки игривые,
Шумно ведут разговор.
Зимние сны, монотонно тоскливые,
Быстро забыл темный бор.

Луг заливной муравой бархатистою
Пышно одетый стоит.
Нива зеленая рожью росистою
Ярко на солнце блестит.

Новые песни певуньи прекрасные
С юга сюда принесли...

Новые песни, пленительно властные,
Песни далекой земли...

Новые сказки, таинственно страшные,
Слышатся в темном бору...

Нежные ласки, томительно страстные,
Слышатся там поутру...

Солнце влюбилось в землю-красавицу,
Нежно ласкается к ней...

Сердце забилось у ней. Застыдилася,
Фатой закрылась своей...

ПРИМЕЧАНИЕ. Опубликовано 1 мая 1911 г. в газете «Вологодский листок»
под псевдонимом «С. Н.».

Николай Дорогин

СПОР

Старики вели заметки:
«Посмотри-ка вот,
Что поделывают детки,
Молодой народ!
Работать не работают –
Одолела лень,
За гульбою провожают
Почитай весь день.
Все наряды, да все моды,
А хозяйство – врозь!
В стародавние-то годы
Разве так велось?
Прежде батько скажет сыну:
“Работай, не стой!” –
И он гнет, сердечный, спину
Целый день-деньской.
А насчет нарядов-платья –
Боже упаси!
Что своя готовит братья,
То лишь и носи.
Самоваров не дымили,
Пили свой квасок,
Оттого и не тужили,
Как прожить годок.
На дворе скотинки туго,
Полон ржи сусек.
А теперь... к худому, други,
Изменился век!»

— Ну вас к черту! — молодые
Отвечали им. —
Как вы жили в дни былые,
Мы так не хотим!
Вы аза в глаза не знали
Свет вам был закрыт,
Вы про землю толковали:
“На китах стоит!”
Работали, правда, много,
Но вас барин сек.
Как медведи средь берлоги,
Провели свой век.
Только в жизнь свою и знали,
Что пахать, косить.
А теперь откуда взяли
Нас уму учить?
Для ученья с вашим знаньем
Отошли лета.
Мы умом и пониманьем
Уж не вам чета!
Захотим чего — добудем
Хоть на дне морском,
Хлеба нет — бурлачить будем,
В города пойдем.
Там всегда работы много,
Места хватит всем.
А железные дороги
Пролегли зачем?..
Оттого и мы не скучны,
Что богат наш край.
Время смолкнуть тебе, глупый
Стариковский лай! —

«Погодите, больно прытки
И смелы не в стать,
Ваши крылья еще жидки
К небесам летать!
Занесет вас непогодой
В город сотни сот —

Проваляетесь колодой,
Не найдя работ,
Много бедности и горя
Наживете там:
У чужого будет моря
Лучший лов не вам!
И без вас людей найдется
Занимать места.
Побурлачить удается
Десяти из ста,
Остальные только бродят
По Руси святой
И на сердце грусть наводят
Головой пустой.
Лучше рали бы загоны,
Пахоту любя!»

— Ну, закаркали вороны
На самих себя.
Уж послушались мы вволю
Ваших слов пустых! —

Старики поникли долу,
Разговор затих.

ПРИМЕЧАНИЕ. ...аза в глаза не знали — были необразованны.

* * *

Ох, какое время
В деревнях настало:
Все живут крестьяне
Кто как ни попало!

Подать худо платят,
Землю запускают,
А детей и внуков
Пышно наряжают.

Точно городские! –
Что ни год – то мода;
Щегольство заело
Бедняка народа!

Вот приходит праздник...
Нет в хлеву коровы,
Да на то не смотрят –
«Подавай обновы!»

На гулянье выйдут –
Не узнаешь люда:
Все равны в наряде,
Богачи, покуда

Молодцы одеты:
На любом сорочка,
Сюртучок да брюки,
И часы с цепочкой,

Новая фуражка,
Кудри завитые,
На руке на правой
Перстни золотые,

В левой – папироза
Ведь всегда дымится,
Ходит – точно барин,
Бровь не шевелится.

Девушки не хуже
Модничать умеют:
Каждая корсеты
Стройные имеет.

Ходит по гулянью
Птичьими шагами, –
На голове шляпка
С яркими цветами;

На ногах галоши
Глянцем отливают,
И у платья ленты
Ветер развивает.

А в головке дума
Лишь одна таится:
Как бы еще краше
Девке нарядиться!

Эта же забота
И во всех засела;
Для нее другое
Забывают дело.

На судьбу пеняют –
Что не все богаты,
А того не знают,
Что сами виноваты.

Ох, пора бы бросить
Дорогие моды!
Не жилось бы худо
Нашему народу:

Каждый бы крестьянин
Посытней обедал,
Бедности-кручины
Никогда б не ведал!

ПРИМЕЧАНИЕ. Публикация стихотворения в «Вологодских губернских ведомостях» (1899. – 16 октября. – № 223) сопровождалась комментарием от редакции: «Насколько интенсивно проявляется среди крестьян Вологодской губернии наклонность к щегольству, идущему в ущерб насущным потребностям, ясно обрисовывает следующее стихотворение, полученное нами вчера от местного же сельского поэта».

ДЕРЕВЕНСКИЙ ПРАЗДНИК

Зари горит сиянье,
И вечер так хорош!
На улице гулянье
Играет молодежь.

Кружатся вихрем пары,
Гармоника поет,
Заводит тары-бары
Подвыпивший народ.

Красотка молодая,
Сорвавшись с места вдруг
И «Сени» напевая,
Вошла с весельем в круг.

Глазами водит бойко,
Плечами шевелит,
Играющим «Постой-ко!»
Со смехом говорит.

И пляску начинает,
О ножку ножкой бьет,
То бабочкой порхает,
То лебедью плывет.

Как зарево, по щечкам
Румянец разлился,
Под розовым платочком
Чернеют волоса.

Проворно из-под платья
Мелькает башмачок,
Раскрыл свои объятья
Шелковый поясок.

Глядят, как на картину,
На пляску ее все.
«Не ты ли гнула спину
Вечор на полосе?

Сегодня ж, не робея,
Забила нас вконец,
Спасибо, Палагея,
Не баба – молодец!»

По кругу голосисто
Гуторят мужики,
А месяц серебристый
Встает из-за реки.

ПРИМЕЧАНИЕ. «Сени» – народная плясовая песня «Ой вы сени, мои сени...»

ПЕСНЯ

Задумчивая, бледная,
Осенних дней грустней,
Сидит краса-девица
В светелочке своей.

Глядя на путь-дороженьку
Сквозь стеклышко окна,
Среди тоски-кручинушки
Вдруг молвила она:

«Кого я жду, безумная, –
Не милого ль дружка?
Напрасно! Его в царские
Поставили войска.

На плечи его кожаный
Надели ремешок,
Ружье носить заставили –
Солдатом стал дружок.

Пойдет теперь он ратовать
В неверную страну,
Убьют его, голубчика,
Замучают в плenу.

А если и воротится,
То будет не таким,
Каким его я видела,
Навек прощаясь с ним.

Ох, служба, служба царская –
Изменит хоть кого!
Тоскуй, боли сердечушко,
Не знать уж мне его!

На горе с ним я встретилась,
В недобрый, видно, час», –
И градом слезы горькие
Посыпались из глаз.

* * *

О чем шумят березы
Осенними ночами,
С ветвей роня слезы
Сребристыми ручьями?

О чем болит что мочи
И ноет ретивое,
В затишье полуночи
Не ведая покоя?

Что лето отцветает –
Взгрустнулися березы,
А сердце вспоминает
Несбывшиеся грэзы.

РЫБАКИ

(Фрагменты из поэмы)

Ярко солнышко сияет
В бездне неба голубой,
Кроткий луч его играет
На равнине водяной.

Надо всем крещеным миром
Воцарилась тишина,
И на озере бурливом
Не шелохнется волна.

Я на лодке выезжаю...
Недалеко от реки,
Под лесочком, замечаю,
Тоню тянут рыбаки. <...>

Видны запуски приборов
На отмелстой гряде,
И обрывки разговоров
Долетают по воде. <...>

Поравнявшись с рыбаками
И причалив к ним членок,
За мережей, поплавками
Стал следить я, сколько мог.

Невод плыл себе без стука
По равнине, как стекло,
Вдруг над матицей щука
Поднялась – и за крыло!

А за ней другая, третья...
«Что ты, Ванька, рот разел?
Отстегать бы тебя плетью,
Может статься б, поумнел!»

Заходи за крылья дале
Да берись за поплавки!
Ну, а вы чего отстали?
Запряглись, так волоки! –

Горячился мой Игнатий,
Прибавляя всякий раз: –
Лов-то, лов какой богатый,
Хоть бы материу Бог спас! <...>

Становись, Иван, в середки,
Ты, крестовой, двинься в бок,
Наклоните край у лодки,
Слань отбросьте в передок.

Ну, теперь валите с Богом!
Ты им, Яков, помоги:
Видишь, рыбы очень много,
И какой еще – сиги!»

Рыбу выняли умело
И пошли по якоря...
Солнце той порою село,
В небе вспыхнула заря.

Даль зарделась голубая
Под сиянием ея;
В лодке, точно золотая,
Блещет рыбья чешуя.

Поднимается сорога,
Изгибаясь в три дуги,
Быются, прыгают в тревоге
Окунь, нельма и сиги,

Злая щука суетливо
Выползает на лещей,
Те ворочают лениво
Тушей толстою своей,

Ерш щетинится и хочет
Уколоть насмерть врага,
В воду выскочить хлопочет
Остальная мелюзга.

Но ловцы не промах сами:
Подступила вся артель,
И привычными руками
Лодку двинули на мель... <...>

Той порою засветили
На завале огонек
И над ним закипятили
С свежей рыбой котелок.

Вокруг спустилась тень густая
На прибрежные кусты,
Стухла зорька золотая
В этом царстве темноты.

Темнота все заливала,
Словно море-океан,
Челноков – как не бывало,
По воде пошел туман. <...>

Даже озера прибою
Не слыхать в ночной тиши,
Только глухо над водою
Шевелятся камыши.

Рыбаки уселись кругом,
На огонь уставя взор,
И тихонько друг со другом
Завязался разговор.

«Ой, как леший-то балует, –
Начал речь Лука седой, –
Кто с ним в бане заночует –
Не воротится домой!

Раз у Якова прохожий
Попросился на ночлег.
“Тесно в хате, странник Божий”.
Ну, он в баню и залег.

Только утром – глядь, он комом
Перед каменкой лежит,
Раны нету – словно громом,
Наповал бедняк убит.

Повели нас к становому,
Денег кучу истрясли,
С бани сорвали солому,
По бревешку разнесли –

Ничего не оказалось
Ни в углах, ни под полком,
Только в каменке валялась
Трубка с толстым чубуком.

Видно, черт в нее от скуки
Табачок себе дымил,
Да обжег в потемках руки,
Подержал – и уронил». <...>

Долго, долго говорили
Рыбаки про чертов след,
И вдруг речь поворотили
На иной совсем предмет. <...>

«Что, ребята, правду ль бают,
Что в Китае есть война?
Мне про это сообщает
Целовальница одна.

Говорит, что там китаец
Режет наших, что траву,
И что к ним американец
Просит ходу чрез Москву.

Да наш батюшка не хочет
Чрез нее его пускать:
Пусть, мол, инде похлопочет
Себе ходу поискать;

А у нас ему не место –
Не ходи, коль не зову!
Что, в Китай-то, братцы, нешто
Ходу нет, как чрез Москву?» –

– Видно, нет, коли старались
Чрез нее одну пройти;
К ней ведь, матушке, сбежались
Все дороги, все пути!.. – <...>

«Эй, смотри, уха вскипела –
Убирай ее с огня!
Хорошо ли усолела?
Пробуй лучше у меня!» <...>

– Ну, садись к котлу поближе,
Рыбку поровну дели;
Где же прасол? Да поди же,
Что ты смотришь издали? – <...>

«Дай-ка водочки остатки,
Разопьем перед ухой!»
Опростали без оглядки.
«Ну, теперь хоть песни пой!»

– В самом деле уж, ребята,
Не запеть ли что-нибудь?
Дай-ка “Солнце на закате”
Попытаюсь затянуть!» – <...>

Долго в воздухе прохладном
Песнь рыбацкая плыла;
Я внимал ей слухом жадным,
Забывая про дела.

Сердце билося сильнее,
Чем обычною порой,
На душе вставал яснее
Деревенской жизни строй.

Выплывал мужик крещеный
В безыскусственной красе,
Мало ведавший законы,
Но отзывчивый на все. <...>

Наконец затихли звуки,
Я в ночной пустился путь...
К рыбакам после разлуки
Я вернусь когда-нибудь. <...>

*C. Кубенское.
7 сент. 1901 – 11 авг. 1902*

ПРИМЕЧАНИЯ. *Тоню тянут* – делают заход с неводом. *Запуски приборов* – проходы для рыбы в установленной поперек водоема перегородке.

БУРЛАКИ

Чу! залаяли собаки,
И в родном моем краю
Собираются бурлаки
В путь-дороженьку свою.

Собрались они в дорогу,
Вздев котомки на плечо,
Помолясь усердно Богу,
Распрощались горячо

С домочадцами, с друзьями,
Оросив слезами грудь,
И поникли головами,
Побрели в далекий путь.

Вот идут они артелью
Вдоль дороги столбовой,
С ними спутница веселья –
Вересуха под полой...

С неба дождик поливает,
Нитки нет на них сухой,
Но бурлаки все шагают –
Не ворочаться ж домой!

Дома хлеба нет ни крошки,
Нечем подати платить,
Оставалось – взять лукошко
Да под окнами ходить.

Но на это кто пригоден?
Лишь лентяи и глупцы,
Да к труду кто неспособен,
Да калеки и слепцы.

Ну, а им идти зазорно
Милостыню собирать...
Лучше целый день упорно
Землю заступом копать.

И пришлось, надев котомку,
Горемыке-мужику
Пешить в дальнюю сторонку
Зарабатывать деньги.

Не впервые ему приходит
Плыть с родимой стороны:
Каждый год в работу ходит
Он с пятнадцатой весны.

Много заступов и тачек
Перевел он на веку;
Не один гордец-подрядчик
Считал ребра бедняку,

Не одна змея-чугунка
Кровь сосала из него...
Только нынешняя думка
Тяжелей ему всего.

Он пошел теперь в работу
Без подряда, на авось,
Подрядился б он с охотой,
Да никак не удалось.

Нет подрядчиков бывалых –
Словно вымерли они,
И, жалея деток малых,
Бурлаки идут одни,

И, идя, не знают сами:
Далеко ль лежит их путь,
Под чужими небесами
Поживятся ль чем-нибудь?

Иль в обратную путину
Без работы им брести,
Намозолив ноги, спину,
Денег в дом не принести?

Что тогда с семьею будет?
Кто прокормит, пропоит?
«Нет, Господь нас не забудет! –
Вслух вожатый говорит. –

Запевайте-ка, ребята,
Что так молча-то идти?
Порешили – дело свято --
Не ворочаться с пути!»

Но в артели молчаливой
Никто песен не ведет,

Лишь гармоника визгливо
Что-то грустное поет.

6 мая 1902 г.

ПРИМЕЧАНИЕ. Змея-чугунка – железная дорога, на строительство которой крестьяне шли в поисках заработка.

У ПРИСТАНИ

Носимый волнами по бурному морю –
Я к пристани верной направил свой челн,
До берега доплыл – и больше не спорю
Ни с ветром сердитым, ни с брызгами волн.

Кругом меня тихо, валов завыванье
Не слышино отселе, пустыня молчит,
Но тягостно сердцу такое молчанье,
Душа о минувшей тревоге болит.

И просится снова на Божию волю –
Туда, где белеется парус морской,
Где волны поют про счастливую долю,
Шумит, не смолкая, прибой.

*C. Кубенское
28 авг. 1902 г.*

Евгений Чернобаев

МОЯ ПЕСНЯ

Мне на севере диком метели
В бесприютных сугробах снегов
Бесконечную песню пропели
Под морозным дыханьем ветров.
Полумертвые звуки и краски
И улыбка холодных лучей
Отливались в свинцовые сказки
В темноте бесконечных ночей.
Беспокойная песня звучала,
Как бряканье железных оков,
И со звоном глухим замирала
В бесприютных сугробах снегов.

* * *

Когда я с пыткою сомненья
Гляжу на жизнь и на людей,
Желанье скорбное забвенья
Встает в больной душе моей...

Там слышу я и крик, и хохот,
Раздолье вижу для глупцов,
А здесь предсмертный тихий шепот
Толпой поруганных бойцов...

То свет огней, то мрак и холод...
Лобзанья жаркие, мечты,

А рядом стоны, слезы, голод...
Стоят могильные кресты...

И блеск, и роскошь, и наряды
Я вижу в жизни богачей,
В нужде гнетущей без отрады
Бедняк влечит всю тяжесть дней...

Никто не даст страдальцу руку,
Прижав несчастного к груди,
Чтобы забыл свою он муку,
Поверил в счастье впереди...

Нас то лишь властно покоряет,
Что блещет яркой мишурой,
Что мысль и чувства притупляет
Свою пестрою игрой...

Но, слыша братские рыданья,
Готовы мы порой вздохнуть,
Чтоб показать, что их страданья
Волнуют сильно нашу грудь...

Лишь на словах у всех стремленье,
Готовность ближнего любить,
На деле ж – злоба и презренье,
Девиз – для личной жизни жить...

Ведь это мрак сплошной, полночный.
А где же свет весенних дней?
Где правды отблеск непорочный?
Где жизнь разумная людей?..

ПОСЛЕДНИЙ СОН

Нет больше сил в большой груди,
Вся жизнь в безвременье изжита!
Темно вокруг, и впереди
Могила черная раскрыта...

Безмолвна ширь родной земли,
Холодным сумраком одетой,
И камнем на сердце легли
Обрывки песни недопетой.

И снится мне последний сон:
Сразили жизнь мою невзгоды,
Но ясно в звоне похорон
Я слышу благовест свободы.

СТРАШНЫЙ СУД

Есть на свете страшный суд:
Взвесят поздние потомки
Ваш разбитый жизнью труд,
Счастья вашего обломки.
Грех ваш с вами не умрет:
Будет он холодной тенью
Обличать ваш переход
От бессилия к сомнению.
Только то, что вам тоской
Жгло встревоженную совесть,
Снисходительной строкой
Заключит былого повесть.
И потомки все поймут
На заре иного счастья:
Есть на свете страшный суд,
Чуждый гнева и пристрастья!

В МОРЕ

Взволновалось снова море,
И помчали стаи волн
На темнеющем просторе
В даль туманную мой челн.
Расправляет крылья туча,

Застилая небеса,
Плещут волны, и могуча
Моря дикая краса.
С гулом, шумом ходят волны:
Гром, огни – и вновь темно...
Взрывы бури мощи полны,
Сердце радости полно;
Бодрой песней буре вторя,
Я несусь над бездной вод,
И звучит мне из-за моря
Все слышней призыв: «Вперед!»

* * *

Осень веет мертвым сном,
Сердце в горечи застыло,
Время тянется уныло...
Грустно мне в kraю родном!
Я страдаю не один:
Вокруг меня немое горе
Леденеет на просторе
Холодеющих равнин.
Лишь порой сквозь жуткий сон
Над землей, лишенной света,
Без надежды, без ответа
Пронесется долгий стон.
И не знаю в темноте,
Ветра ль это завыванье
Или горькое рыданье
О несбывшейся мечте...

ЗИМА

От долгих слез о смерти лета
Поблекли осени черты;
Без ласки солнечного света
Опали листья и цветы.

И смолкли вдруг во мгле холодной
Напевы стынущей волны:
Пришла зима к земле бесплодной
С бесстрастiem мертвой тишины.
А небо тихо сквозь туманы
Снежинки сеет с высоты
На помертвевые поляны,
На облетевшие цветы.

НАКАНУНЕ

Зимний день, но солнце жарко
Запылало в небесах,
И лучи сверкают ярко
На серебряных лугах.
Ясно небо, чисто всполье;
Ослепляют светом взор –
Белоснежное приволье,
Зачарованный простор.
Все прозрачней даль немая,
Все видней лесов кайма...
Тише!.. Это, умирая,
Видит блеск весны зима.

* * *

Дай мне красок и звуков, весна!
Долго были морозы суровы,
И зима среди мертвого сна
Все вокруг заключала в оковы.
А теперь – зазвенели ручьи
И запенились влагой студеной,
И в восторге поют соловьи
Песни громкие в роще зеленоi.
Нет ни тени былой темноты,
Нет ни тени холодной печали, –
Возрождаются в сердце мечты

О просторах раскрывшейся дали.
Я свободен от жуткого сна,
Каждый солнечный луч воспевая...
Брось цветок в уголок мой, весна,
Над воскресшей землей пролетая!

УТРО

Ясно утро; солнце встало,
Улыбнулось, заблистало,
И земная грудь согрета
Животворной лаской лета.
Ткань прозрачную тумана
Тихо сбросила поляна,
Старой сказки продолженье
Шепчет лес, прия в движенье.
От зеленого навеса
Пала тень к подножью леса,
Вскользнулась гладь залива,
И к волнам склонилась ива.
Голосистых птичек пенье,
Хлопотливых пчел гуденье,
Ярких красок сочетанье,
Шум и пестрое жужжанье...
Это светлый праздник лета,
Радость жизни, брызги света,
Это в небе солнце встало,
Улыбнулось, заблистало.

ГРОЗА

Раскаляя землю жгучими лучами,
Пышет зноем солнце, и удущив день;
Но из синей дали сизыми волнами
Выплывають тучи, простирая тень.

Птиц не слышно в роще, листья без движенья,
И не плещет речка теплою струей;
Лишь неуловимым вздохом нетерпенья
Тихо веет слабый ветер над землей.
Тучи, ратью хмурой грозно надвигаясь,
Мечут стрелы молний, меркнет солнца луч;
Небо, от ударов грома содрогаясь,
Скрылось за громадой тьму разливших туч.
Вдруг промчались вихри, словно в диком споре,
Хлынул шумный ливень, пронеслась гроза...
Беглой тенью тучи тают на просторе,
И видна в просветах неба бирюза.
В изумрудном блеске, в золотом убore
Засверкало лето... О, когда б могли,
Как природа в ливне, выплакать все горе
Вы, страдальцы-люди, пасынки земли!

НА ЗАКАТЕ

Солнце пламенного лета,
Словно слиток золотой,
Утонуло в море света
Между небом и землей.
Странны тучек очертанья
В переливчатом огне:
Словно вспыхнувшие зданья
Пролетают в вышине.
По земле блуждают тени
И неслышною стопой
На незримые ступени
Всходят – к выси голубой.
Меркнет свет зари; зарницы
Блещут вспышками огня;
Ночь идет и в небылицы
Разбивает были дни.

ЛУННОЙ НОЧЬЮ

Серебристой паутиной
Сад окутала луна,
Льется песни соловьиной
Переливная волна.
С неба бледных звезд мерцанье
Веет кроткой лаской мне;
Сердце в сладком замиранье
Верит призрачной весне.
Легкой дымкою одета,
Ночь, как утро, хороша, —
И разлиться в море света
Жаждет светлая душа!

В ЛЕСУ

Мой путь лежит сквозь лес дремучий:
Недвижны ели в тишине,
Обвил стволы их мох ползучий,
И все молчит, как в мертвом сне.
Закралась в душу тень тревоги
И будит в сердце жуткий страх:
Куда приду я без дороги
И что найду в глухих местах?
Все звуки губит тишь лесная,
Не проникают в лес лучи,
И, отовсюду выползая,
Мне глухо шепчет мрак: молчи!
Мой путь лежит сквозь лес дремучий,
Но греет сердце мне мечта,
Мания вперед, где полдень жгучий,
Где жизнь, простор и красота.

ПАМЯТИ М.Ю. ЛЕРМОНТОВА

Для нас велики все творенья
Твоей возвышенной мечты,
На мощных крыльях вдохновенья
Ловил законы жизни ты!

Могучей русскою душою
Ты зажигал огонь сердец
И пал под дерзкою рукою,
Любимый наш, родной певец.

Но помним мы того, кто свято
Нам песнь любви и правды пел,
Кто между нами жил когда-то,
Стремленьем к истине горел.

Нетленны дивные творенья,
Живут нетленные мечты,
Пред нами песни вдохновенья,
Певец, пред нами вечно ты.

В ВИШНЕВОМ САДУ

(Памяти А.П. Чехова)

Блистала в сумерках звезда
И сквозь вишневый сад
Роняла в зеркало пруда
С небес лучистый взгляд.
И тени хмурые толпой
Сходились к берегам,
Скользя неслышною стопой
По бархатным лугам.
И тихо плакали, в мечтах
О счастье на земле,
И сад вишневый, весь в цветах,
Томился в полумгле.

Но вдруг исчезла, словно сон,
Прекрасная звезда,
И тусклы стали небосклон
И зеркало пруда...
Плынет туман, легла роса,
И в царстве тишины
Рассек немые небеса
Холодный серп луны.

ПЕЧАЛЬ НЕБЕС

(Из Николауса Ленау)

Блуждает тихо тень воспоминанья
Угрюмой тучей по челу небес,
И, как больной под приступом страданья,
От ветра мечется убогий лес.

Порой в раздумье небеса ресницы
Поднимут, и мигающим огнем,
Как пред слезами взор, сверкнут зарницы,
И глухо пророкочет дальний гром.

С болот знобящие туманы встали
И влажной мутью тянутся в кусты,
А небеса, застывшие в печали,
Вот-вот уронят солнце с высоты.

ПРИМЕЧАНИЕ. Ленау Николаус (1802–1850) – австрийский поэт.

МАЙСКОЕ ЭХО

(Из Марии Конопницкой)

Спите, розы, безмятежно,
Доброй ночи вам!
Разливает месяц нежно
Свет по облакам.

Отблеск в озере сливая
С темною волной,

Стебли лилий обвивая
Белой пеленой.

Брезжит бледное сиянье
Там, где умер день;
Каждой травки очертанье
Уловила тень.
Вздохам ветра сумрак внемлет
В чуткой тишине,
И челнок недвижно дремлет
На немой волне...

Проклинает рабью долю
Дух мой в эту ночь,
Из груди стремясь на волю,
Как из клетки – прочь...
Мысль взлетит и бьется снова...
Есть же счастье, есть!
И душа моя готова
Пышно вся расцвести...

Счастья! счастья на мгновенье!
Пусть оно средь бурь –
Лишь безумное стремленье
Мотылька в лазурь...
Столько счастья, сколько влаги
В чашечке цветка...
Небо, горы и овраги! –
Жжет меня тоска...

Стоном будят эхо муки,
Листья шелестят...
Тише, скорбной песни звуки:
Люди мирно спят...
Мгла клубится... Ударяю
Тихо по струнам...
Спите, розы! Я желаю
Доброй ночи вам.

ПРИМЕЧАНИЕ. Конопницкая Мария (1842–1910) – польская писательница; поэтесса и прозаик.

* * *

Пчелки, пчелки золотые!
К липам на свободу
Вылетайте, принесите
Больше, больше меду!

Наполняйте медом соты,
Накопите вволю:
Скоро, скоро я забуду
Холостую долю!

Липы наполните вы соты
До верху, сторицей, –
Обручусь я с чернобровой
Красною девицей.

Буду видеть чернобровой
Ласковые очи;
Зашумят родные липы
Нам с утра до ночи.

Быстро пчелки золотые
Полетели к бору,
А моя невеста тихо
Умерла в ту пору.

Быстро, радостно на воле
Рой пчелиный вьется,
А над милой с колокольни
Долгий звон несется.

Звон затихнет, заколотят
Гробовую доску...
Не носите, пчелки, меду, –
Дайте только воску!

Только воску: восковое
И лицо у милой...
Ей нужна свеча на свадьбу
С черною могилой.

Звон несется, слезы льются...
Ну, прощай, родная!
Тихо теплится и тает
Свечка восковая...

ПРИМЕЧАНИЕ. Перевод-переложение стихотворения из цикла Марии Конопницкой «Липы цветут».

СОЛНЦЕ

(Из Казимира Тетмайера)

Солнце! Солнце! Солнце! Солнце!
Пламя, блеск и свет кругом,
Золотые искры в море,
Чайка в блеске золотом.
Разостлалась до Сорренто
Золотая полоса,
И суда навстречу солнцу
Развернули паруса.
Изумруды и сапфиры –
В раззолоченной воде,
Фиолетовые пятна
Расплываются кой-где.
Гор маячат очертанья
В синей дымке, и лежат
Города на склонах горных,
Как камелий белый сад.
А вдали все чище море,
Словно озеро, блестит;
Серебристо-белой глади
Ветерок не бороздит.
Как там тихо у Сорренто!
Ждешь, что в царстве тишины

Обнаженная Венера
Выйдет вдруг из глубины.
Выйдет, капли отрясая
И любуясь чудным днем...
Солнце! Солнце! Солнце! Солнце!
Пламя, блеск и свет кругом.

ПРИМЕЧАНИЯ. *Тетмайер Казимир* (1865–1940) – польский прозаик и поэт. *Сорренто* – город-курорт в Италии на берегу Неаполитанского залива. ... *Обнаженная Венера Выйдет вдруг из глубины* – по греч. мифу, богиня красоты Афродита (римск. Венера) родилась из морской пены.

СОДЕРЖАНИЕ

Федор БЕРГ

«Под серой тучей город мой...».....	3
В поле.....	4
Из Гюго.....	5
Смерть.....	6
«И плеск, и блеск речной волны...».....	8
Зайка.....	9
Из стихотворения «В тюрьме».....	10
Птицы.....	10
Грезы и песни.....	12
Загадка.....	13
Солдатики.....	14
Особая грамматика.....	15

Григорий ИСТОРИКОВ

Грязовец.....	16
Сидел я на крыше.....	16

Александр КУН

Благовещение.....	19
Переложение 7 главы Послания св. апостола Павла к римлянам.....	20
23 мая 1872 года.....	21
Ария кокетки.....	22
К Н. П. Б.....	22
«Беда всем нам от баб: они нас допекают...».....	23

Митрофан ЛАВРОВ

Певцу.....	24
Рассвет.....	24
Вдали.....	25
Зимою.....	25
Крестьянской женщине.....	26
Моей собаке.....	26
Пророк.....	28
Завет отца.....	29
«За мир приявший смерть, Безгрешный...».....	29
Перед памятником М. С. Щепкина.....	30
На тяге.....	31
На родине.....	33

Павел ЗАСОДИМСКИЙ

Писк комара.....	35
Свиданье.....	36
Было-прошло.....	37
Бабочка и дитя.....	38
Напоминание.....	39
Ночью.....	39
Памяти Лермонтова.....	40
Привет.....	41

Вячеслав ГУСЕВ

Крестьянин-бедняк.....	43
Песня дровосека.....	44
Нива.....	46
Дума арестанта.....	46
Всадник.....	47

Неизвестный автор

Складчина Трудилович.....	49
---------------------------	----

Д. ВСЕСВЯТСКИЙ

Посвящение.....	61
Беседа.....	61
Брак.....	63
Ворожба.....	64
«Беда родит примету...».....	64
Из жизни парнишка.....	65
«Ленив со злом вступить ты в битву...».....	66
Портной.....	66
Причеты.....	68
На пчельнике.....	70

В. СОКОЛОВ

Горемычная.....	71
Поселок.....	72
Ночная дума.....	73

Николай БУНАКОВ

Литургия.....	86
Самодержавие.....	87
Из Гейне («Ты мертв, невозмутимо тих...»).....	89
Падший ангел.....	90
Приход зимы.....	91
Альпийский рожок.....	92
В храме.....	92

Имениннику-товарищу.....	93
Первый псалом царя Давида.....	94
Тринадцатый псалом царя Давида.....	95
Девяносто третий псалом царя Давида.....	96
Сто третий псалом царя Давида.....	98

Николай Александрович ИВАНИЦКИЙ

Родная долина.....	102
«В окна застывшие смотрят угрюмая...».....	102
«Мороз, и мрак, и тишина...».....	103
«Ты говоришь: “Как пленный лев...”».....	104
По прочтении Я. П. Полонского.....	105
«Бедняк в изгнанье умирал...».....	105
Песня нищего.....	105
Степной огонек.....	106
Отрывок («Река изгнанья – Сухона. Она...»).....	107
На Сухоне.....	109
Полдень.....	109
На берегу Кубенского озера.....	110
Из Эйхендорфа.....	110
Из Мура.....	111
Из Рюккерта.....	111
Из Гейне.....	112
В дороге	
1. Утро.....	112
2. В сумерках.....	113
3. Ночь.....	113
4. Вечер.....	114
5. Мотив.....	115
На Печоре.....	115
«Минутный призрак – жизнь земная».....	116
«Слезы горячие, слезы святые твои!».....	117
Вечерний колокол.....	117
«Любимый уголок страны моей родной!».....	118

Николай САБЛИН

Голуби.....	119
Недоразумение.....	120
Новь.....	122

Феодосий САВИНОВ

Вера.....	132
Сила молитвы.....	133
Cantilena juventutis.....	135
Хлеба и зреши!..	136

Из «Песен другу»	
I. «Поверь, на все твои стремления...».....	136
II. «Идеалы, грэзы...».....	137
III. «Когда, измученный тоской...».....	137
IV. «О, друг! Позабудь свое личное горе...».....	138
V. «Всю жизнь прожить рабочей клячей...».....	138
VI. «Иди!.. Пусть грянет над тобою...».....	139
Мы.....	139
Памяти А. С. Грибоедова.....	141
Из цикла «В тихие ночи» («Тихо... Не шелохнет...»).....	141
Из цикла «На мотив Гейне» («“Сцен” не вышло при разлуке...»).....	142
Жизнь.....	142
Родное.....	143
Картинки старины	
I. «Ох ты гой еси, родина милая...».....	144
II. Спас-Преображенье.....	146
III. Совет гусляра.....	147
IV. Картинка.....	149
V. Послесловие.....	150
Никтополион СВЯТСКИЙ	
Из воспоминаний.....	151
Спешка.....	152
Осень в деревне.....	152
Две картинки.....	153
Песня («Где ты, милая...»).....	154
Песня («Без поры-то, безо времечка...»).....	155
За замком.....	156
С глазу.....	157
Смерть Пахома.....	158
На могиле друга.....	161
У колыбели.....	162
Поэту.....	163
Сомнение.....	163
Рассуждение.....	164
Анатолий БРЯНЧАНИНОВ	
Белая уточка.....	165
Знахарь.....	170
Димитрий Бранской и племянники короля Лимбала.....	173
Александр КРУГЛОВ	
Старый рыболов.....	179
На родине.....	180
«Я прожил всю весну на юге благодатном...».....	182

«Лукаво выданный Своим учеником...».....	183
Космополиту.....	183
Поэзия.....	184
Ответ.....	185
В кабаке.....	186
«Сын любит мать свою; но, ласки расточая...».....	187
Первая любовь.....	188
Памяти Лермонтова.....	189
«Для слова смерти нет... Давно, в начале лета...».....	190
Молитва.....	190
Слово.....	192
«Не сдерживай горячей укоризны...».....	193
Воскресение.....	193
«Затворившись в тесной келье...».....	194
Семен КИСНЕМСКИЙ	
Мое вдохновение.....	195
Богатство бедняка.....	195
«Где ты спрячешься...».....	196
Осень.....	198
Русская.....	199
Муки поэта.....	199
«Как много тайных, горьких дум...».....	200
На новый 1899 год.....	201
«Я доживаю век под игом...».....	201
Рождественская ночь.....	202
«Лежит Он в яслях тих, прекрасен...».....	203
Павел ВЕРЕСОВ	
Казенный медведь.....	204
Тризна.....	205
Камо грядеши?.....	208
Сила молитвы.....	210
Петушок.....	213
Яблоня.....	217
Василий КИЧИН	
Кто счастлив?.....	218
Сергей КАСАТКИН	
Июньская ночь.....	219
Ноябрь.....	219
Весна.....	220
«К чему напрасно утверждать...».....	221
«Времена бывают круты...».....	221

«Жду тебя, жду... Уж в аллеях стемнело...».....	222
«В несчастье будь спокоен, нем...».....	222
«Все покупать и продавать...».....	222
«Противоречия меня не удивляют...».....	223
«Да, поэзия нынче в загоне...».....	223
«Согласен: я провинциал...».....	224
На пороге XX столетия.....	225
Первый камень.....	226
Заповеди блаженства.....	231
Ночные песни.....	232
«Он в жертву все тебе принес...».....	234

Семен ОБРАЗЦОВ

Обрезанная березка.....	235
Мирящая вода.....	235
Война с малиной.....	236
Исполнение желаний.....	237
Белка на высоте.....	238
Неудачный выбор.....	239
Обед без салфеток.....	240
Медведь и лось.....	241
Рассудливый жеребчик.....	242
Рыбка на просторе.....	242
Своевольный звонарь.....	243
Самоправный слуга.....	244
Молодой горох.....	245
Почетный труд.....	246
Нескромность котят.....	246
Дальновидный политик.....	247
Волненье и покой.....	248

И. ВОЛГИН

На Юг!	249
--------------	-----

Владимир ЗУБОВ

Мечты о Севере.....	262
Осень.....	263
Вериги.....	263
«Теплый вечер, плес широкий...».....	264
«Лес посеребренный – словно очарован...».....	264
Литературные пародии. Элегии необыкновенные	
№ 1. Декадент.....	265
№ 2. Символист.....	266
№ 3. Ультрадекадент.....	266

Элегия пресловутая.....	266
Летний зной.....	267
«Старые липы, аллея тенистая...».....	268
Послание из Кубина Бора.....	268
«Он говорил нам музыкальной речью...».....	269
«Сверкает запад в час заката».....	270
На бале.....	270
«Эту полночь, эти тени...».....	271
«Неизведанные ласки...».....	271
Сафо.....	272
Музা.....	273
Там на дне... ..	273
«Очи звезд мерцают так пугливо...».....	274
Лоре.....	275
Чаша слез.....	276
Загробное послание от Г. Гейне.....	277
Павел ОБНОРСКИЙ	
Из «Переложений Воскресных Евангелий, читаемых на литургии»	
Переложение Евангелия недели 17-й.....	279
Переложение Евангелия недели 18-ой.....	280
Переложение Евангелия недели 19-ой.....	282
Николай СОЛОВЬЕВ	
Святой мученик Трифон.....	283
На могиле К. Н. Батюшкова.....	297
Таисия (игуменья ЛЕУШИНСКАЯ)	
Мой крест.....	298
«Житейское море воздвигаемое зря... к тихому пристанищу притех, вопию ти...».....	298
«Наставнич! добро нам зде бытии...».....	299
Молитва 2.....	300
Молитва 4.....	301
Пред чудотворною иконой Богоматери в Казанском соборе.....	302
Пустыня.....	303
Впечатления при рассматривании планов проектируемого соборного храма Леушинского монастыря в 1887-м году.....	304
Дорогие минуты.....	305
В полночный час.....	306
Летние ночи на Севере.....	306
Первые весенние птички.....	307
На гробе страдальца.....	308
Где спасение?.....	309

Анна ОБРАЗЦОВА	
Стихотворение на четвертый выпуск воспитанниц Вологодского епархиального женского училища в 1896 году.....	311
Константин КЛЕПИКОВ	
Рождество Христово и поклонение пастырей.....	313
Прение о вере св. Стефана Пермского с кудесником.....	315
Сергей НЕПЕИН	
Перед Страстной.....	317
Новый год.....	323
Весною.....	324
Николай ДОРОГИН	
Спор.....	326
«Ох, какое время...».....	328
Деревенский праздник.....	331
Песня.....	332
«О чем шумят березы...».....	333
Рыбаки.....	334
Бурлаки.....	339
У пристани.....	342
Евгений ЧЕРНОБАЕВ	
Моя песня.....	343
«Когда я с пыткою сомненья...».....	343
Последний сон.....	344
Страшный суд.....	345
В море.....	345
«Осень веет мертвым сном...».....	346
Зима.....	346
Накануне.....	347
«Дай мне красок и звуков, весна!».....	347
Утро.....	348
Гроза.....	348
На закате.....	349
Лунной ночью.....	350
В лесу.....	350
Памяти М. Ю. Лермонтова.....	351
В вишневом саду.....	351
Печаль небес.....	352
Майское эхо.....	352
«Пчелки, пчелки золотые!».....	354
Солнце.....	355

Литературно-художественное издание

ПОЭТЫ ВОЛОГОДСКОГО КРАЯ

Хрестоматия

Ч.2

Подписано к печати 29.08.2011. Формат 60x84 1/16. Печать – ризограф.
Усл. печ. л. 21,3. Уч.-изд. л. 9,2. Тираж – 140 экз.

ООО «ИПЦ «Легия»,
160031, Вологда, Октябрьская, д. 19, к. 116